

И. И. ШУВАЛОВ И ЕГО ИНОСТРАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

ПИСЬМА К И. И. ШУВАЛОВУ КАРДИНАЛА ДЕ БЕРНИ, БЮФФОНА, ВОЛЬТЕРА, АББАТА ГАЛИАНИ, ГЕЛЬВЕЦИЯ, ДАЛАМБЕРА, Г-ЖИ ДЮ ДЕФФАН, Г-ЖИ ЖАНЛИС, Г-ЖИ ЖОФФРЕН, КАРАМАНА, Г-ЖИ ЛА ВАЛЬЕР, НЕККЕРА И Г-ЖИ НЕККЕР, А. ТОМА, ТРЕССАНА, О. ВАЛЬПОЛЯ, ПРЕЗИДЕНТА ЭНО И ДР.

Предисловие и публикация Н. Голицына*

Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой единственное в своем роде собрание писем, адресованных иностранцами русскому вельможе XVIII в. Считаю себя вправе назвать его в своем роде единственным потому, что ни одно другое известное нам собрание не содержит такого богатого подбора имен выдающихся деятелей европейской культуры кануна Французской революции 1789 г., как настоящее. Правда, далеко не все то, что они пишут, заслуживает одинакового внимания: многое может быть даже совсем опущено, как содержащее лишь громкие фразы и пустые комплименты; тем не менее, остается непреложным тот факт, что, адресованные одному человеку, письма эти исходят от ряда виднейших представителей европейской образованности второй половины XVIII столетия. В установлении франко-русских литературных и общекультурных связей И. И. Шувалов сыграл в свое время роль пионера; он был чем-то вроде неофициального русского посла при той общеевропейской литературной державе, которая считала Париж своей столицей и задавала тон остальной Европе. Памятником этой «миссии» И. И. Шувалова и является публикуемое нами, в наиболее интересных образцах, собрание писем к нему. Чтобы дать более полное представление об этой коллекции, мы сочли необходимым предпослать публикации текстов некоторые сведения о самом И. И. Шувалове, без которых были бы непонятны обстановка и причины появления этих писем. В конце публикации, в приложениях, читатель найдет также подробную опись содержания всего собрания в полном его составе.

I

Из длинного ряда «любимцев фортуны», которых в течение XVIII в. возносил на первые места в государстве любовный каприз той или другой императрицы или просто потребность ее опереться на мужскую руку, едва ли не единственно привлекательной и, во всяком случае, наименее одиозной является фигура Ивана Шувалова. Во время своего придворного «случая» он не обнаружил той жадности к власти, почестям и деньгам, какую проявили другие фавориты: Меншиков—при Екатерине I, Бирон—при Анне Иоанновне, Григорий Орлов, Потемкин и Зубов—при Екатерине II. Небогатый отпрыск мелкого дворянского рода, сын нечиновного военного времени Петра I, он и на вершине своего фавора сохранил скромные вкусы среды, из которой вышел, и подлинную любовь к просвещению. С именем И. И. Шувалова неразрывно связано создание двух крупных очагов русской культуры—Московского университета и Академии художеств в Петербурге. С его же именем тесно сплетается имя самого славного из его современников, Ломоносова. Ему же принадлежала, повидимому, мысль зака-

* Перевод с французского публикуемых писем сделан М. Неведомским.

зять Вольтеру составление русской истории. Интересы русской внешней политики конца 50-х и начала 60-х годов XVIII в. заставляли петербургское правительство предпринимать некоторые шаги для привлечения к далекой «северной империи» интереса и симпатий Западной Европы; в момент вступления России в семилетнюю войну (1756—1763) нужно было рассеять много предубеждений против русского «варварства» и научить Европу смотреть на молодую страну, как на равноправного члена в семье европейских народов. Для этой цели следовало воспользоваться услугами какого-нибудь крупного, общепризнанного авторитета, а кто мог лучше подойти к этой роли, чем Вольтер, давно уже направлявший из своего фернейского уединения «общественное мнение» всей Европы? И, решив воспользоваться пристальным интересом Вольтера к России, в частности, к личности и деятельности Петра I, И. И. Шувалов стал посредником между знаменитым писателем и русской императрицей Елизаветой Петровной, заказавшей Вольтеру написать историю России при Петре I. Намек на то, что инициатива этого дела исходила от И. И. Шувалова, мы находим в следующем, нигде еще не опубликованном письме Ф. П. Веселовского (жившего тогда в Швейцарии) к И. И. Шувалову, относящемся, повидимому, еще к 1757 г.¹:

Перевод:

[1757 г.]

Я надеюсь, что ваше превосходительство получили письмо, которое я имел честь написать вам накануне своего отъезда из Женевы. К нему было приложено письмо, написанное ко мне г. Вольтером² в ответ на мое по поводу распоряжений, которые ваше превосходительство поручили мне передать ему. Нельзя обнаружить лучших намерений и большей готовности, чем те, какие он проявляет в отношении исполнения задуманного труда. В последнем он усматривает и честь и удовольствие для себя; но он хотел бы, чтобы его работа была удостоена высокого одобрения ее императорского величества, и это притязание представляется мне вполне основательным со стороны человека, который, как говорят, имеет 70 тысяч ливров дохода и хочет работать только ради славы...

Ф. Веселовский

Первое из сохранившихся писем самого Вольтера к И. И. Шувалову относится к 24 июня 1757 г.³; с этого момента переписка не прерывается до конца 1762 г., причем всех писем Вольтера к И. И. Шувалову за этот период времени известно пятьдесят два⁴. К сожалению, за исключением проекта одного ответного письма⁵, писем И. И. Шувалова к Вольтеру не сохранилось. Но и по этой односторонне известной нам переписке можно составить представление о том, как шла работа Вольтера и как велико было участие И. И. Шувалова в составлении этой первой историографической характеристики Петра I. Как это видно из первых писем Вольтера к И. И. Шувалову, Вольтер не переставал испытывать недостаток в материалах для своей «Истории» и ощущать шаткость той документации, на которой ему приходилось воздвигать свое здание. Его письма к И. И. Шувалову наполнены ходатайствами о присылке ему тех или иных сведений о России и о Петре I и жалобами на промедление в доставке этих материалов. Со своей стороны, И. И. Шувалов делал все, что мог, для удовлетворения просьб Вольтера, и тот, повидимому, сумел оценить, как велика была помощь И. И. Шувалова при составлении «Истории Российской империи при Петре Великом»: в первой главе первого тома он сказал об этом несколько лестных для И. И. Шувалова слов⁶. Рукопись второго тома «Истории», законченная Вольтером в конце 1761 г., в момент смерти императрицы Елизаветы Петровны, и посланная им в Россию на просмотр, вернулась к автору в июне 1762 г. с замечаниями и поправками И. И. Шувалова и с этими внесенными им исправлениями была напечатана в 1763 г.⁷.

Нет сомнения, что именно сношения И. И. Шувалова с Вольтером открыли первому двери в западно-европейский литературный и научный мир. Сторонник франко-

русского сотрудничества в политике и поклонник французского «просвещения», прекрасно усвоивший себе и язык его, и новейшие его завоевания, И. И. Шувалов мог выступить перед западно-европейской публикой во всеоружии приобретенных им знаний и того светского лоска, который был необходим в ту пору для всякого, стремившегося играть роль в литературных и аристократических салонах предреволюционного Парижа.

Насколько И. И. Шувалов зорко следил за всем, что появлялось нового во французской литературе, свидетельствует, между прочим, следующее, очень характерное

И. И. ШУВАЛОВ

Литография 1851 г. с портрета маслом

Е. Виже-Лебрён, 1795—1797 гг.

письмо к нему из Версаля от молодого гр. Александра Романовича Воронцова, впоследствии, при Екатерине II,—президента коммерц-коллегии, при Александре I—государственного канцлера. По всем признакам, письмо это относится к 1759 г.⁸.

Перевод:

[1759 г.]

Милостивый государь,

Пользуюсь представившимся случаем, чтобы отправить вашему превосходительству сочинения одного из здешних ученых, который, конечно, имеет честь быть известным вашему превосходительству. Я присоединил к ним письмо г. Руссо⁹, с которым

я так хотел познакомиться, но это мне не удалось. Он живет в пяти милях отсюда, никого не допускает к себе и совершенно не общается с посторонними людьми. Книга, в которой так мало пощажен г. Вольтер и о которой я имел честь сообщить вашему превосходительству, настолько быстро расходуется, что я с величайшим трудом мог найти ее. Появилось также письмо Грессе, автора нескольких драматических произведений, имеющих большой успех¹⁰. Автор отрекается от них и, что особенно свидетельствует о постыдных предрассудках этого человека,—это то, что он заявляет, будто раскаивается в тех произведениях, которые написал. Это доказывает, что даже умный человек не менее подвержен колебаниям, чем всякий другой. Я не посмел отправить вашему превосходительству это письмо. У нас здесь ежедневно появляются какие-нибудь новые произведения, и если бы ваше превосходительство сооблаговолили указать мне, какого рода сочинения вы предпочитаете, я докажу вам готовность, с каковой я исполню ваши приказания, имея честь быть и проч.

А. Воронцов

Смерть Елизаветы Петровны нанесла непоправимый удар положению И. И. Шувалова при дворе. Оставшись не у дел, подозреваемый Петром III в тайных умыслах против него, И. И. Шувалов мечтал об отъезде из России. Переворот 28 июня 1762 г. его положения не поправил; он просил новую царицу об отпуске за границу, и в начале 1763 г. его желание исполнилось: указом 4 марта 1763 г. он получил дозволение «отъехать на некоторое время в чужие края»¹¹.

И. И. Шувалов уезжал за границу в полном расцвете сил (ему было всего 36 лет), с уже установившейся репутацией просвещенного вельможи. Обстоятельства сложились так, что пребывание его вне России затянулось почти на целых 15 лет. За это время он успел объехать едва ли не всю Европу, неоднократно посещал Вольтера в его фернейском уединении и годами жил в Париже, где успел завести прочные связи среди «философов» и в светских кругах. В сентябре 1777 г. Шувалов, наконец, вернулся в Россию.

Он был принят Екатериной внешне благосклонно, получил должность обер-камергера двора, стал принимать ближайшее участие в придворных торжествах и увеселениях, но никакой роли в управлении не играл. У Екатерины с ним были счеты за прошлое, и в душе она затаила отзвук прежнего недоброго чувства к нему; вместе с тем, она, как будто, не могла побороть в себе известного раздражения, вследствие той популярности, которую И. И. Шувалов приобрел среди европейских ученых и писателей. Это сказывается в целом ряде ядовитых выхонок по адресу И. И. Шувалова в ее письмах к Гримму¹². Повидимому, она не могла простить ему того, что он самозванно, помимо нее и вопреки ей, стал, как мы выше его назвали, русским послом при европейской литературной державе.

II

Возвращаясь в Петербург в сентябре 1777 г., И. И. Шувалов привез с собой или призрел, уже будучи в Петербурге, некоего француза, по имени Маратрэ де Кюсси (Maratray de Cussy), которого поселил у себя в доме в качестве своего секретаря или библиотекаря. В благодарность за покровительство, ему оказанное, Маратрэ де Кюсси поднес в 1781 г. И. И. Шувалову каллиграфически переписанный им и красиво переплетенный в красный сафьяновый переплет золотообрезный сборник копий с писем к его покровителю от целого ряда иностранцев, писавших И. И. Шувалову как во время пребывания его за границей, так и по возвращении его в Россию. Всех писем в этом сборнике-альбоме, озаглавленном «*Les consolations de l'absence*» («Утешения в разлуке»), девять н о с т о ш е с т ь. До революции альбом находился во владении потомков сестры И. И. Шувалова, княгини Голицыной, а от них поступил в Публичную библиотеку в Ленинграде, где и хранится ныне.

У этих потомков, однако, не сохранилось подлинных писем, с которых снял копии Маратрэ де Кюсси, и можно было думать, что их уничтожили после того, как эти копии были сняты; такое отношение к автографам было вполне возможным в XVIII столетии, хотя сам И. И. Шувалов берег и ценил письма, писанные ему наиболее знаменитыми из его современников-иностранцев. Уезжая в 1763 г. за границу, он писал своей сестре, чтобы она переслала ему «письма вольтеровы и прочих ученых людей»¹³. И. Ф. Тимковский, посещавший Шувалова в последние годы его жизни, видел в его кабинете письма к нему иностранцев, переплетенные в особую книгу in 4° ¹⁴; весьма возможно, однако, что это и был тот самый сборник копий, который был сделан Маратрэ де Кюсси в 1781 г. и который мы ныне публикуем. Вопрос о судьбе подлинников, с которых эти копии были сняты, остался бы попрежнему невыясненным, если бы, благодаря розыскам, предпринятым редакцией «Литературного Наследства», не обнаружилось, что некоторые из них сохранились. Так, в собрании автографов Каролины Собанской, хранящемся во Всеукраинском историческом музее в Киеве, оказались подлинники трех писем аббата Галиани к Шувалову (от 13 ноября 1770 г., 1 октября 1771 г. и 11 февраля 1772 г.—№№ X, XI и XIII) и четырех писем г-жи Неккер к нему же (от марта—апреля 1778 г., от 8 сентября и 18 ноября того же года и от ноября 1781 г.—№№ XXXI, XXXV, XXXVIII и XLIX). В альбоме, составленном Маратрэ де Кюсси, имеются копии со всех этих писем, за исключением письма аббата Галиани от 13 ноября 1770 г., на итальянском языке, не включенного в альбом, быть может, потому именно, что оно написано не по-французски. Кроме того, в бывшем собрании автографов вел. кн. Николая Константиновича, хранящемся ныне в Центральном архивном управлении Узбекской ССР в Ташкенте, удалось обнаружить шесть подлинных писем кардинала де Берни к Шувалову. Из них три письма входят в копии в состав альбома (письма от 4 ноября 1773 г., 26 января 1774 г. и 17 января 1776 г.—№№ XV, XVI и XVIII), два письма (от 10 января и 16 марта 1784 г.—№№ LI и LII) не включены в него, очевидно, потому, что они поступили после 1781 г., т. е. после даты составления альбома¹⁵, и, наконец, одно письмо (от 27 марта 1779 г.—№ XLII) входит в копии в неизданную рукописную биографию И. И. Шувалова, о которой сейчас будет сказано подробнее. В том же ташкентском собрании обнаружены еще два письма, адресованные И. И. Шувалову, но не вошедшие в альбом Маратрэ де Кюсси: это письмо княгини Santa Croce, написанное в Риме 30 декабря 1768 г., и письмо генерала графа Ласу, датированное Петербургом, 15 июля 1777 г.

Нахождение в наших архивных собраниях указанных выше пятнадцати писем¹⁶ заставляет предполагать, что подлинники писем иностранцев к Шувалову не были уничтожены, что они какими-то судьбами ушли из рук его наследников и стали попадать в руки собирателей автографов. Не исключена поэтому возможность нахождения в наших архивных собраниях и остальных автографов писем иностранцев, адресованных Шувалову.

Помимо сборника копий, сделанных Маратрэ де Кюсси, и пятнадцати подлинных писем, обнаруженных в Киеве и Ташкенте, в нашем распоряжении имелся еще один источник для воссоздания переписки Шувалова с иностранными знаменитостями его времени. Это написанная на французском языке биография Шувалова, единственная известная нам рукопись которой (примерно, середины XIX в.) хранилась в свое время в так называемой «собственной его величества библиотеке» в Зимнем дворце. После февральской революции 1917 г. вместе с прочим рукописным материалом «собственной библиотеки» рукопись была передана в Государственный архив (при министерстве иностранных дел), а затем, в составе последнего, перевезена в Москву, где и поступила в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Автор этой рукописи неизвестен, но, по некоторым признакам, мы угадываем в нем лицо близкое к семей-

ству графини Варвары Николаевны Головиной, урожденной Голицыной, племянницы И. И. Шувалова и автора известных мемуаров, изданных Валишевским в Париже¹⁷. Головина перешла в католичество, так же как и обе ее дочери, вышедшие замуж за поляков—графа Потоцкого и графа Фредро. В этой проникнутой духом католического прозелитизма среде и была, повидимому, написана, не ранее 1830 г., эта биография И. И. Шувалова, которая странным образом сочетает факты из жизни последнего с историей католической пропаганды в России, как будто пытаясь приписать И. И. Шувалову какую-то роль в этом отношении. Последнее должно быть категорически отвергнуто, так как И. И. Шувалов ни в чем не проявил своих симпатий к католицизму, хотя, будучи за границей, очень много вращался в католических кругах. Исторической ценности эта биография почти не имеет, но важно то, что в нее включено несколько писем к И. И. Шувалову от разных иностранцев, частью вошедших в альбом, составленный Маратрэ де Кюсси, но частью и не находящихся в нем. Всех этих писем—т р и д ц а т ь, из них новых, т. е. не содержащихся в альбоме,—с е м ь. В это число не входят приведенные нами выше и заимствованные из этой же биографии письма Ф. П. Веселовского и А. Р. Воронцова, которые помещены в самом тексте биографии. Из этих новых семи писем мы сочли нужным опубликовать д в а: от кардинала де Берни (№ XLII) и от графа де Трессана (№ XL). Кроме того, в другой работе настоящего тома—«Наследие Вольтера в СССР»—публикуется еще одно заимствованное из этой биографии письмо, а именно письмо Луизы Дени, племянницы и наследницы Вольтера. Из этого письма выясняется посредническая роль И. И. Шувалова в переговорах между Екатериной II и племянницей философа о покупке у последней знаменитой библиотеки Вольтера.

Подавляющее большинство публикуемых ниже писем п е ч а т а е т с я в п е р в ы е. Исключение составляют: 1) оба письма Вольтера (№№ XIV и XVII), появившиеся уже в первых изданиях его переписки; 2) письмо Гельвеция от 10 июня 1761 г. (№ I), напечатанное в р у с с к о м п е р е в о д е в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1826 г., и 3) письмо Галиани от 12 февраля 1782 г. (№ LI), изданное в собрании его писем, вышедшем в Париже в 1882 г. под редакцией Lucien Perey и Gaston Maugras. Что же касается всех других публикуемых писем, то можно утверждать, что они еще не видели света; по крайней мере, в доступных нам печатных источниках они не фигурируют¹⁸.

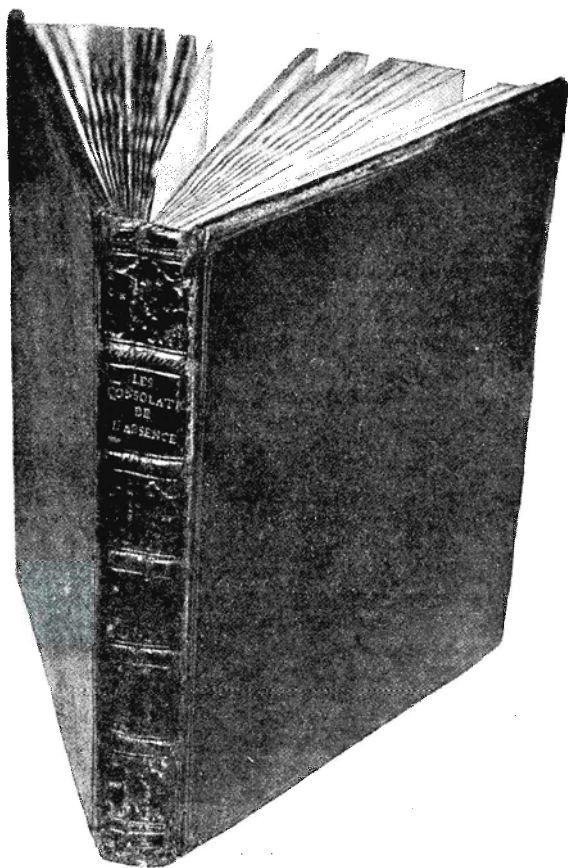
Печатание всех имевшихся в нашем распоряжении писем, а значит и опубликование всего альбома в целом, мы признали излишним: есть письма, не представляющие сколько-нибудь значительного интереса, содержащие только ряд комплиментов по адресу И. И. Шувалова или передающие факты, лишенные какого-либо исторического значения; есть письма и от лиц совершенно неизвестных. Поэтому мы решились сделать выбор наиболее значительных и интересных писем и, расположив их в хронологическом порядке, в таком виде предложить это собрание читателю.

III

Основное впечатление, которое выносишь из чтения адресованных Шувалову писем, может быть сформулировано так: это собрание писем типично для характеристики того предреволюционного придворно-аристократического общества Европы, которое нашло в это время общий язык для выражения своих мыслей, которое спешило жить своей беззаботной и легкомысленной жизнью, как будто в бессознательном предчувствии той революционной бури, которая скоро должна была смести и его и все то, чем оно жило. Очень характерно, что последнее из приведенных в альбоме писем—это письмо г-жи Неккер (№ LIV) от 16 декабря 1789 г., полное тревоги и растерянности перед лицом наступивших грозных событий; оно служит ярким финальным аккордом ко всему собранию этих беззаботных посланий общества, присвоившего себе монопольное право

на умственное превосходство и на светскую образованность. Интересы этого общества вращались вокруг событий литературной, политической и придворной жизни, не углубляясь в сокровенный смысл совершавшегося, скользя по его поверхности. Публикуемые письма очень ярко воспроизводят колорит изысканных и легких «cause-gies» последних салонов старой Франции; в этом отношении собрание писем к Шувалову является особенно типичным для предреволюционных годов XVIII столетия.

По авторам писем собрание это может быть подразделено на две большие группы: с одной стороны, это крупнейшие представители образованности, науки и литературы

АЛЬБОМ ПИСЕМ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ И. И. ШУВАЛОВА

Публичная библиотека, Ленинград

XVIII в., начиная с Вольтера; здесь мы встречаем имена Гельвеция и Даламбера, лорда Честерфильда и Горэса Уолпола (Вальполя), аббата Галиани и кардинала Берни, Бюффона, Неккера и его жены, президента Эно и законодательниц литературных салонов Парижа—г-жи Жоффрен и маркизы дю Деффан. Другая часть писем принадлежит представителям и представительницам «высшего света» Парижа и других столиц; большинство этих лиц не оставило заметного следа в истории, но письма их имеют несомненную историческую ценность, как свидетельства современников о событиях, нравах, воззрениях той среды, которую вскоре унесла революция. Поскольку мы стремились, по возможности, полностью воспроизводить письма лиц первой из указанных групп, постольку из писем второй группы корреспондентов Шувалова мы решили печатать

только то, что представляет некоторый исторический интерес, опуская все, что научного значения не имеет или что является только обычным в эпистолярном стиле XVIII в. набором красивых фраз и комплиментов.

Впрочем, относительно последнего следует сделать одну оговорку. Поскольку личность человека, его характер и степень образованности могут быть выявлены по письмам, которые он получает, а не по тем, которые он сам пишет, следует прийти к заключению, что в характере Шувалова было много черт, привлекавших к нему людей самых разнообразных характеров и типов. Нельзя допустить, чтобы все благоприятное для него, что встречается чуть ли не в каждом из адресованных к нему писем его французских, английских и итальянских друзей и знакомых, было только лестью; воскурять фимиам Шувалову в то время, когда он скитался по западным столицам без всякого официального звания, простым туристом, единственно с репутацией «бывшего фаворита», утратившего всякий политический вес в настоящем и не надеявшегося вернуть его в будущем, не имело ни смысла, ни основания. Между тем, наряду с банальными комплиментами по его адресу, в письмах к нему слышится явственный тон искренней симпатии, свидетельствующей о близости отношений, установившихся между ним и его корреспондентами. Они ценят в Шувалове человека одного с ними уровня образованности и одинаковых вкусов, сумевшего войти в интересы их круга и разделить эти интересы. Эта особенность писем иностранных друзей к Шувалову проходит яркой нитью через все собрание.

В заключение нельзя не вспомнить, по поводу собрания писем к Шувалову, гениального послания Пушкина «К вельможе» (князю Н. Б. Юсупову). В немногих стихах поэт воссоздал картину дореволюционных годов XVIII в. во Франции, ту самую, какую мы можем так ярко воспроизвести и по письмам к Шувалову его иностранных корреспондентов. Как будто про Шувалова пишет Пушкин:

Явился ты в Ферней, и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронирыливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лезть его вкусил, земных богов напиток.

И далее:

С Фернеем распротаясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая в даль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То читатель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Вспоминая тот «энциклопедии скептический причет», с которым Юсупов встречался за границей, Пушкин среди других имен называет Галиани, письма которого к Шувалову мы печатаем ниже; и любопытнее всего то, что в одном из них неаполитанский

аббат говорит о том самом Юсупове, которому полвека спустя посвятил свое послание Пушкин,—новое свидетельство необычайной точности и правдивости поэта, о том, что он никогда ничего не «присочинял» для эффекта или звучности стиха; узнав, очевидно, от самого Юсупова о знакомстве последнего с Галиани, он и счел себя вправе внести это имя в свое послание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст письма Ф. П. Веселовского взят из неизданной биографии И. И. Шувалова, рукопись которой хранится в ГАФКЭ. Веселовский Федор Павлович—русский резидент в Англии при Петре I. Боясь быть замешанным в дело царевича Алексея, он ослушался царского приказания, не вернулся в Россию и остался жить за границей. Впоследствии неоднократно приезжал на родину, был куратором Московского университета при И. И. Шувалове, но конец жизни провел за границей и умер в Швейцарии.

² Письмо Вольтера к Ф. П. Веселовскому от 19 февраля 1757 г.—Архив князя Воронцова, III, 269.

³ «Euvres complètes de Voltaire», P., Garnier frères (издание M o l a n d), XXXIX, 223, 3371.

⁴ В издании M o l a n d их имеется: за 1757 г.—3 письма, за 1758 г.—7, за 1759 г.—7, за 1760 г.—12, за 1761 г.—15, за 1762 г.—8.

⁵ Письмо И. И. Шувалова к Вольтеру от 17 марта 1762 г.; оно впервые публикуется в настоящем издании («Наследие Вольтера в СССР», 159—161).

⁶ M o l a n d, XVI, 379.

⁷ В первом издании «Histoire de la Russie sous Pierre le Grand» том I помечен 1759 г., том II—1763 г., без указания места напечатания.

⁸ Текст письма А. Р. Воронцова взят из упомянутой выше неизданной биографии И. И. Шувалова.

⁹ Это «письмо»—известный памфлет Ж.-Ж. Руссо, озаглавленный «Lettre à d'Alembert sur les spectacles» и направленный против театра, в частности, против Вольтера. В эти годы Ж.-Ж. Руссо жил в Мюнханси, в имении герцога де Люксанбур.

¹⁰ G r e s s e t Жан-Батист (1709—1777)—известный поэт и драматург. Его письмо «О комедии», в котором он отрекался от своих драматических произведений, было опубликовано в 1759 г.

¹¹ «СПБ. Ведомости», № 31, от 18 апреля 1763 г.

¹² «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», XXIII, 123—124, 146, 162, 209, 291, 1509.

¹³ Б а р т е н е в П. И., Биография И. И. Шувалова, М., 1857, 40.

¹⁴ Т и м к о в с к и й И. Ф., Мое определение на службу.—«Москвитянин», 1852, № 20, отд. IV, 62.

¹⁵ Относительно этого обстоятельства следует, однако, оговориться, что альбом пополнялся и после 1781 г.: в нем встречаются письма позднейших годов, как, например, письмо аббата Галиани 1782 г. и письмо г-жи Неккер 1789 г.

¹⁶ Подлинники писем аббата Галиани, г-жи Неккер и кардинала Берни извлечены из Всеукраинского исторического музея в Киеве и из Центрального архивного управления Узбекской ССР в Ташкенте, благодаря любезной помощи А. А. Назаревского и Е. К. Бетгера.

¹⁷ В русском переводе были изданы Е. С. Шумигорским в «Историческом Вестнике» за 1899 г.; отд. изд.—«Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1766—1819)», перевод с французской рукописи, под редакцией и с примечаниями Е. С. Шумигорского, СПб. 1900.

¹⁸ В качестве эпиграфа к альбому Маратрэ де Кюсси поместил четверостишие известного писателя Жана-Франсуа М а р м о н т е л я (1723—1799), посвященное И. И. Шувалову. Это четверостишие было нанесено эмалью на оправленную в золотую записную книжку, подаренную И. И. Шувалову известной при Людовике XV светской красавицей, герцогиней де Люксанбур (см. о ней ниже, прим. 1-е к письму XXIV). П. И. Бартенев опубликовал его текст в своей «Биографии И. И. Шувалова» (М. 1857, 57). Приводим перевод четверостишия (французский текст см. на следующей странице): «Сладка о прошлом мысль тому, кто мудр и счастлив, кто все использовал, во зло не потренив, кто так разумен был в дни славы и почета, что от соперников снискать хвалу умел».

УТЕШЕНИЯ В РАЗЛУКЕ

Le souvenir est doux pour l'homme heureux et sage
 Qui sait user de tout et n'abuser de rien,
 Et qui de la faveur fit un si bon usage
 Que même ses rivaux n'en ont dit que du bien.

Мармонтель

от имени супруги маршала де Люксанбура

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ Г. ШУВАЛОВУ, ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ, КУРАТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОБЕР-КАМЕРГЕРУ Е. В. ИМПЕРАТРИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ, МНОГИХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ И ПР.

Милостивый государь,

Приняв во внимание, что не столько долг, сколько чувство благодарности к вам и искренней к вам преданности, вызванной милостями вашего превосходительства за время четырехлетнего пребывания моего в вашем доме, водили моим пером, когда я составлял этот сборник, вы, надеюсь, не сочтете нескромностью с моей стороны желание принести его вам, как дань уважения, сопроводив настоящим письмом.

Я принялся за это письмо после долгих колебаний, ибо сознавал, что имени моему не приличествует стоять рядом с именами особ столь почтенных. И решился я лишь тогда, когда почувствовал, как искренни их чувства к вам и как совпадают они с моими собственными.

Могу заверить ваше превосходительство, что я не раз проливал слезы, переписывая иные из этих писем; и что же могло бы доставлять мне такое наслаждение, кроме языка истинной дружбы и справедливого признания ваших добродетелей и высоких достоинств?

Да не воспрепятствует вам присущая вам скромность предоставлять эти письма на прочтение тем, кто пожелает их прочесть! Пусть не тревожат вас похвалы, которые вызовет это чтение,—они слишком вами заслужены. В самом деле, каждый, в чьи бы руки они ни попали, должен почувствовать, какое это счастье вызывать любовь окружающих! Даже человек горадиевского духа, самое холодное из существ, прочитав эти письма, будет искать себе друзей, а тот, на чью долю выпало счастье иметь их, с удвоенной заботой будет стараться сохранить своих друзей.

Вы обожаемы столь достойной почтением сестрой, как княгиня, которая обладает такими редкими свойствами и достоинствами—является, словом, олицетворением добродетели, как мы последнюю себе представляем; вы окружены семьей, которая только и помышляет, что об угождении вам, о любви к вам и о том, чтобы проникнуться духом добродетелей, которые вы ей внушаете. И кто мог бы служить лучшим образцом в этом отношении, нежели ваше превосходительство? Было ли сердце вашего превосходительства исполнено столь же чистой и безупречной радости в дни блеска и величия, которыми вы так долго пользовались, среди великолепия и роскоши и особенно среди лести придворных? И поступки ваши и столь заслуженная вами репутация ваша свидетельствуют об обратном.

Те, чьи души достаточно чувствительны, чтобы стремиться к счастью, подобному счастью вашему, пусть еще долго почитают для себя образцами княгиню и ваше превосходительство.

Я был свидетелем вашей жизни в продолжение четырех лет и почитал это время счастливейшим в моей жизни,—а продолжится это счастье, пока мне будет дозволено им пользоваться и неизменно доказывать при этом вашему превосходительству своей готовностью подчиняться его воле и своей сердечной преданностью всю искренность и полное бескорыстие моих чувств.

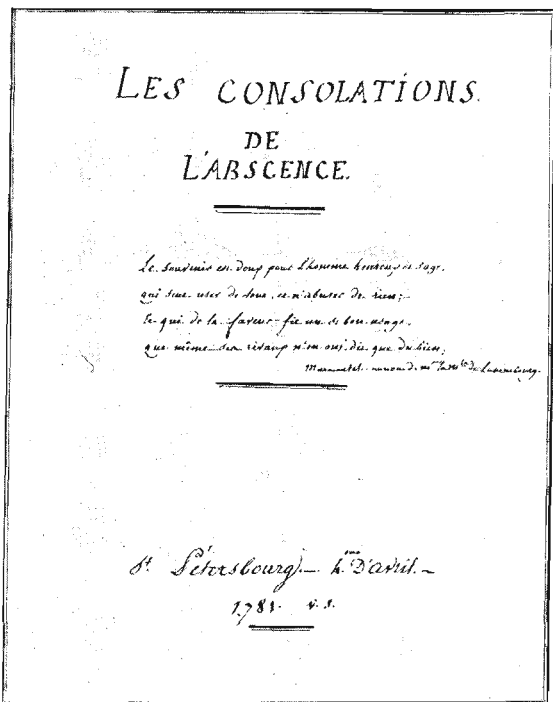
Вашего превосходительства почтительнейший и покорнейший слуга

Маратрэ де Кюсси

I. ГЕЛЬВЕЦИЙ¹

Люмины, 10 июня 1761 г.

[Ваше превосходительство, не задерживаясь на лестных для моего самолюбия выражениях вашего письма, спешу поздравить как вас, так и соотечественников ваших с проявленной вами просвещенной ревностью к преуспеянию наук и талантов]². Бывают люди, самим небом предназначенные к тому, чтобы совершенствовать умы и нравы в той или иной стране и закладывать основы будущего ее величия. Царем положено начало тому труду, который вы сейчас завершаете³. Привести в движение всю массу огромной нации может только ряд следующих один за другим великих людей, вступающих между собой в соревнование. Царю самая его власть уже дает в руки такие возможности, каких нет у наиболее влиятельного из вельмож; но у такого человека, как вы, недостаток возможностей искупается высокими его дарованиями. Поддержку трудам своим вы найдете в сладостной мысли о бессмертии, которое музы обеспечивают каждому, кто оказывает им покровительство. При той высоте, на которую вы поставлены рождением, чинами и богатством, слава является единственным благом, которого вы могли бы себе пожелать. Для возвышенной души это лучшая награда, ибо она всегда—дар признательности общества. Вспомните, что самые наименования бесконечного множества могущественнейших народов погребены под развалинами их столиц, а благодаря вам, наименование «русский» уцелеет, быть может, и тогда, когда самая держава ваша будет разрушена временем. Если бы греки были только победителями в войнах с Азией, их имя было бы уже забыто: той данью восторга, которую мы с благодарностью им платим, они обязаны тем памятникам, которые ими воздвигнуты науке и искусству. [Мы и посейчас наслаждаемся тем, что создано благородными талантами Рима, в воздаяние

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ АЛЬБОМА ПИСЕМ
ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ
И. И. ШУВАЛОВА

Меценату и Августу за оказанное ими покровительство. Бессмертными творениями Горация и Вергилия мы обязаны именно этому покровительству. Вы пойдете по их стопам, поощряя ученых вашей родины]. Но, чтобы воспитывать великих людей, необходимо поощрять свободную мысль и не давать ножницам суеверия и богословия подрезать духу крылья. Государям отнюдь не следует бояться писателей: они нигде не вызвали революций. Скажут: они иногда позволяют себе выдвигать смелые истины; но такие истины могут оскорблять лишь глупцов, не умеющих извлекать из них пользы.

Из письма, которым угодно было вашему превосходительству меня почтить, я вынес впечатление, что вы относитесь с некоторым сомнением к успешности ваших стараний. Сомнение это вызвано, может статься, трудностью предоставить известную свободу писателям вашей страны; а, между тем, такая свобода безусловно необходима. С цепями на ногах не побежишь, с ними можно только ползти. Щедрые вознаграждения, сами по себе, еще не могут содействовать народжению великих людей в области науки и искусства. К обильным же щедротам вовсе не следует прибегать: от чрезмерного благополучия таланты подчас отяжелевают,—богатые нередко бывают ленивы. Награждать следует преимущественно почестями. Чего только нельзя добиться от человека орденом, лентой или другим внешним знаком отличия! Отличия эти теряют, правда, свою ценность, когда их раздают неэкономно и присуждают не только по заслугам. Почести в руках государей подобны тем талисманам, которые феи в сказках дарят своим любимцам: как только ими начинают злоупотреблять, эти талисманы теряют всякую силу.

Установить более тесную связь русских ученых с миром писателей остальной Европы и возбудить между ними соревнование можно было бы, распространяя, по примеру Людовика XIV, на иностранцев те отличия, которых вы будете удостоивать своих соотечественников. В русском, оказавшемся членом того же общества, в которое входят во Франции Вольтер, а в Англии Юм, возникнет желание прочитать их произведения, а вскоре может появиться и желание самому написать нечто подобное. Так распространяется просвещение и разгорается пламень соревнования.

Меня самого воспламенило сказывающееся в письме вашего превосходительства участие к судьбам искусства, науки, к успеху ума человеческого вообще, и я боюсь, не слишком ли много я наговорил здесь об этом предмете. Надеюсь, однако, что северный Меценат простит мне увлечение, им же самим вызванное⁴.

Пребываю и пр.

Гельвеций

Копия.—Публичная библиотека, Ленинград. Альбом «Les consolations de l'absence», лл. 11—14. В дальнейшем всюду указывается сокращенно: «С. d. l'a».

¹ Helvetius Клод-Адриен (1715—1771)—знаменитый французский философ-материалист.

² Публикуемое письмо было напечатано, в русском переводе и с заменой, по цензурным обстоятельствам, фамилии Гельвеций буквой «Г», в «Вестнике Европы», 1826, VII, 162—166. Текст этого перевода в ряде мест крайне неточен, но он несколько полнее текста копии Маратрэ де Кюсси. Повидимому, последний при переписке оригинала допустил ряд купюр. Мы восстанавливаем их по тексту «Вестника Европы». Фразы эти заключены нами в прямые скобки.

³ Т. е. Петром I, начавшим дело просвещения России, закончить которое, по представлению Гельвеция, надлежит «северному Меценату»—И. И. Шувалову.

⁴ Публикуемое письмо является ответным на письмо И. И. Шувалова к Гельвецию от начала 1761 г. Русский перевод письма Шувалова был напечатан (с заменой фамилии адресата буквой «Г») в «Вестнике Европы», 1826, апрель, VII, 161—162. Приводим этот текст:

От Шувалова к Г[ельвецию]

Милостивый государь, вы приобрели столь справедливо всеобщее уважение, что не должны удивляться, получая из стран самых отдаленных знаки заслуженного вами почтения. Ваш превосходный гений, производя в других впечатление, кажется, хочет разделить с нами те преимущества, которыми природа вас одарила. Развивая ваши познания, она также развернула и наши. Вы стяжали право, м. г., на всеобщую признательность. Я не имею чести быть знакомым с вами, но почитал бы себя неблагодарным, если бы, прочитав ваше бессмертное сочинение «Об уме», не благодарил знаменитого сочинителя, как своего наставника, за ту пользу, которую извлек я из оногo.

Mon Excellence Monsieur de Novorossitz
Général en chef, commandant de L'Armée de Moscovie, Grand
Gouverneur de L'Est de l'Empire de Russie, et Capitaine
de plusieurs Ordres, etc.

Monsieur,

Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre
de votre Excellence. Depuis longtemps que j'ai l'honneur de
connaître votre Excellence, j'ai vu que vous étiez un homme
de bien, et que vous étiez un homme de bien. Je me permets
de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.

Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.
Je me permets de vous adresser, par ce courrier, une lettre de votre Excellence.

Je suis, Monsieur, votre très humble et très obéissant
serviteur.

Monsieur de Novorossitz.

Les humbles et très obéissants
serviteurs.

Marséus de Novorossitz.

АВТОГРАФ ПОСВЯЩЕНИЯ МАРАТРА ДЕ КЮССИ И. И. ШУВАЛОВУ АЛЬБОМА ПИСЕМ ЕГО ИНОСТРАННЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Публичная библиотека, Ленинград

Я признал бы себя счастливым, когда бы мое уважение к вашим познаниям предупредило вас в пользу народа, к несчастью, прослывшего у многих варварским. Самым сильным доказательством, м. г., ваших благоприятных для меня мыслей было бы доставление мне случая хотя несколько быть для вас полезным в моем отечестве и тем доказать отличное к вам почтение, с коим честь имею быть, м. г., вашим покорнейшим слугой

И. Шувалов

С.-Петербург.

К первым словам этого письма—«Вы приобрели столь справедливо всеобщее уважение»—редактор «Вестника Европы» (М. Каченовский) сделал любопытное примечание: «Последствия показали, что к людям, каков Г[ельвеций], не следовало иметь ни доверенности, ни внимания, но письма сии любопытны по историческому своему достоинству».

Получив ответное письмо Гельвеция, И. И. Шувалов не замедлил вновь написать ему большое письмо, также напечатанное в «Вестнике Европы» (стр. 166—168). Приводим и этот текст:

От Шувалова к Г[ельвецию]

Я получил письмо, которым вы меня почтили. Моя признательность равняется моему к вам уважению; я был бы им еще более доволен, если бы не нашел в нем похвал, не заслуженных мною. Может быть, м. г., кто-нибудь мало меня знающий представил вам меня совсем в другом виде; может быть, почитал он меня сильнее и способнее к совершению того, чего вы от меня ожидаете. Я хочу вам изобразить себя в настоящем виде и сперва дать вам понятие о состоянии нашего государства в отношении к наукам и искусствам. Петр I, сотворив или преобразовав все, не имел после смерти своей последователей в большей части своих предназначений и мудрых заведений. Науки и искусства в государстве нашем получили свое начало со времен сего великого мужа: мы имели искусных людей во всех родах. Художники, учившиеся в Италии, могли стать наряду с хорошими мастерами и делали честь нашему отечеству. Невнимание к их талантам и небрежение о воспитании новых художников подавили росток того, что прозябло, уничтожив столь лестные ожидания. В последствии времени первые места в государстве были заняты иностранцами, которые оставались в совершенном бездействии касательно сего предмета—вероятно, оттого, что не радели о распространении наук и искусств в стране им чуждой, или потому, что их намерения не позволяли им мыслить и действовать с ревностью патриотов. Такая небрежность о просвещении юношества (исключая военную школу, или Кадетский корпус, основанный в 1730 г. для шестисот дворян и приготовивший столько хороших офицеров) некоторым образом остановила успехи просвещения. Вот почему благородная ревность к учению совершенно была погашена во многих из моих соотечественников. Столь неприятный для нас промежуток дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше неспособно производить таких людей, какими бы они должны быть: сей предрассудок может истребиться одним временем. Ее императорское величество, следуя по стопам великого Петра, основала Московский университет и Академию в С.-Петербурге, над коими я имею честь быть начальником. Вот, м. г., две только части, в которых я мог бы быть полезным своему отечеству, если бы мои познания соответствовали моей ревности. Я чувствую себя ободренным вашими советами; буду еще более ободрен, если вы станете их продолжать. Ваше письмо есть для меня собрание наставлений; не умею выразить, сколь лестны для меня честь и польза вашего знакомства и еще многих других ученых, в особенности г. В[ольтера], который не перестает изъяслять мне знаки своей дружбы. Как бы я почитал себя счастливым, м. г., если бы мог заслужить ваше уважение! Ободрение такого человека, как вы, для меня гораздо драгоценнее, нежели то, что получаем мы от прихотей счастья. Я постараюсь употреблять во всех отношениях полезно ваше знакомство; вы же ничего не извлечете из моего, кроме беспредельной признательности и почтения, с коими честь имею быть, и проч.

С.-Петербург, 27 июля 1761 г.

Переписка Шувалова со знаменитым философом продолжалась еще некоторое время, как это видно еще из двух сохранившихся и публикуемых ниже писем Гельвеция.

II. ГЕЛЬВЕЦИЙ

Воре, 9 июля 1762 г.

Разрешите мне высказать вашему превосходительству, как меня трогают знаки расположения, столько раз вами ко мне проявленного. Позвольте поблагодарить вас и за благосклонный прием, оказанный вами г. Вальи, имевшему честь вручить вам мое письмо. С тех пор, как я имел честь писать вашему превосходительству, я был сильно болен, а когда стал поправляться, узнал о кончине императрицы¹ и, конечно, сознавал, что у такого вельможи, как вы, в минуту восшествия на престол нового царя много найдется дел более важных, чем выслушивание размышлений философа. Я и пришел к мысли, что писать вашему превосходительству мне следует, только выждав, пока пройдет время торжеств, исполнения обязанностей служебных и публичных, время личных тревог и упований. Во времена таких резких перемен, когда людей волнуют столь великие интересы, философу следует хранить молчание. Чтить Аполлона философом и ученым приходится не тогда, когда он всходит на свою колесницу

и начинает рассеивать свет по вселенной, а лишь тогда, когда он пасёт свои стада или нисходит на Парнас.

Удаленность местности и уединенный образ жизни, какой я веду в деревне, при обычной в таких случаях неосведомленности о том, что происходит при дворах государей, и сейчас лишают меня возможности решить, удобное ли я выбрал время, но я действую в расчете на вашу снисходительность: ваше превосходительство, конечно, поймете, как мало я осведомлен о том, что происходит в Петербурге.

В настоящем письме к вашему превосходительству я не буду говорить о тех слезах, которые не могла не исторгнуть у него потеря оплакиваемой всей Европой государыни, чьи высокие достоинства признаны всеми народами. Что могло бы служить более верной порукой таким ее достоинствам, чем доверие, которое она питала к уму вашему и знаниям, и то уважение, с которым она относилась к вашим личным свойствам! Добродетели и таланты любимцев государя—вот чем воздается ему хвала. Если в этом состоит подлинная хвала царице, то такая хвала ей уже воздана!

По слухам, новый император¹ любит искусства и науки; надеюсь, что я не совершу нескромности, спросив, не на вас ли им возлагается, как возлагалась прежде, забота об их процветании? Его дружеское отношение к королю прусскому внушает писателям и ученым надежду, что они найдут в нем покровителя. Благорасположение такого могущественного государя целиком восстановит подобающее им значение, которое ханжи пытаются подорвать.

Из всех пожеланий, какие я мог бы высказать, наиболее важным для успехов человеческого разума, а также и для счастья России будет пожелание, чтобы за вами сохранилось прежнее ваше влияние. Вы сумеете разъяснить русским, что народу, вышедшему из состояния варварства и дикости (в какой пребывали предки наши—кельты и татары), нельзя довольствоваться одной славой оружия, что самое превосходство в этом отношении может быть только временным, если народ не будет проявлять стремления прославиться и на всех других поприщах, ибо в государстве все между собой связано, и тот самый дух соревнования, который приводит к появлению в стране великих людей в области науки и литературы, всегда и в достаточной мере обеспечивает ее и искусными полководцами и великими государственными деятелями.

Имею честь пребывать с глубочайшим почтением вашего превосходительства и т. д.

Гельвеций

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 14—16.

¹ Т. е. императрицы Елизаветы Петровны, умершей 24 декабря (ст. ст.) 1761 г.

² Известия о событиях, происходивших в России, доходили до Франции с большим опозданием, и в то время, когда Гельвеций писал свое письмо от 9 июля (н. ст.) 1762 г., он не мог еще знать о перевороте 28 июня (ст. ст.) 1762 г., низложившем Петра III и возведшем на престол Екатерину II.

III. ГЕЛЬВЕЦИЙ

Париж, 23 января 1763 г.

Ваше превосходительство, покровитель литературы и науки, северный Меценат, разрешит мне, надеюсь, совместно с ним порадоваться тем милостям, которыми оделяет ныне ученых августейшая российская императрица. Величайшую честь делает ей письмо, написанное ею г. Далам-

беру¹. Письмо это одновременно свидетельствует как о возвышенности духа, так и об исключительной одаренности и просвещенности этой государыни. Она вполне поэтому может рассчитывать на любовь, благодарность, уважение и преклонение перед ней всех писателей; голос их, — а он дойдет и до слуха потомков, — будет славить проявляемое ею благоволение к ним. Но как могла бы она и не покровительствовать им? Государыне столь одаренной поневоле придется оказывать неизменную любовь и уважение талантливым людям, как собственному своему образу и подобию, а они, к тому же, так исполнены готовности прославлять и возвеличивать ее имя. Мы всегда любим то, что на нас похоже, и, окидывая взором все страны земли, мы можем убедиться, что даровитость государя повсюду находится в довольно точном соответствии с его любовью к даровитым людям.

То обстоятельство, что выбор пал на ваше превосходительство и что вы поставлены во главе российских университетов и ученых учреждений, уже явилось в моих глазах предзнаменованием как того благоволения, которое должно в вашей империи выпасть на долю ученых, так и предстоящего возвращения муз в страну, в которой даже Петру Великому не удалось их удержать. Разделите с вашей августейшей повелительницей то глубокое уважение, которое мы к ней питаем, и примите мою личную вам благодарность за все милости, которыми вы меня удостаиваете.

От имени всех ученых и писателей моей родины выражаю я благодарность вам.

Пребываю и пр.

Гельвеций

Копия. — «С. d. l'a.», лл. 17—18.

¹ См. ниже, прим. 2-е к письму IV.

IV. ДАЛАМБЕР¹

Среда, 15 февраля [1764 или 1765 г.]

Свидетельствуя графу Шувалову свое почтение, г. Даламбер имеет честь направить к нему г. Лебрёна, которого, на основании всех собранных о нем сведений, считает весьма подходящим для успешного выполнения той задачи воспитания, которой озабочен граф Шувалов и которой г. Даламбер, со своей стороны, весьма был бы счастлив поспособствовать удачной рекомендацией².

Копия. — «С. d. l'a.», л. 41.

¹ D'Alembert Жан (1717—1783) — известный философ, один из главных сотрудников «Энциклопедии».

² Написано, повидимому, во время пребывания И. И. Шувалова в Париже. 13 ноября 1762 г. Екатерина II обратилась к Даламберу с письмом, приглашая его в воспитатели к своему сыну, будущему имп. Павлу I. Это предложение он отклонил. Осенью 1763 г., через И. И. Шувалова, Екатерина II возобновила свое предложение, которое снова было отклонено. См. «Сборник Русского Исторического Общества», VII, 178—179. Слова настоящей записки о «задаче воспитания», интересующей И. И. Шувалова, дают основание предполагать, что речь идет о той же задаче выбора воспитателя для наследника русского престола.

V. АНТУАН ТОМА¹

Глатиньи, близ Версаля, 24 сентября 1765 г.

Милостивый государь, я имел бы честь выразить вам свою благодарность лично, если бы не должен был спешно уехать за город. Прекрасный

ГЕЛЬВЕЦИЙ В КРУГУ СВОЕЙ СЕМЬИ

Акварель Кармонтея, 1740 г.

Собрание гр. д'Анлю, Франция

подарок, которым вы меня удостоили, явился для меня неожиданностью, и я буду хранить его с вечной к вам признательностью. Говорят, что у каждого верующего есть любимая реликвия, которую он особенно бережно хранит, часто к ней обращается; теперь и у меня есть реликвия. Я благоговейно буду лобызать ее и время от времени буду воспевать ее в гимнах. Великие люди заслуживают такого же поклонения, как и святые, а тот, о ком идет речь, имеет на него безусловное право. Начавши прославлять его, я с радостью отмечаю все, в чем сказывается огромный произведенный им переворот, а одного личного знакомства с вами, милостивый государь, уже достаточно, чтобы признать этот переворот изумительным. Вы в Петербурге лучше владеете нашим языком, чем многие из французов—в Париже. Подобно Петру Великому, вы совершаете путешествия, но с одним различием: он был в поисках знаний, которые намеревался перенести на Север; а вы с далекого Севера переносите к нам такие знания, которые мы были бы рады обрести в собственной среде. Всем известно, как высоко в дни вашей служебной деятельности в России вы умели ценить все роды искусства, способствуя их развитию, покровительствуя им. Вы должны были не раз чувствовать, милостивый государь, что нет деятельности более достойной славы и более приятной. Для нее не нужно обладать ни строгостью, ни жестокостью, она не заставляет причинять людям горе: она создана для души, какой наделены вы. Искусство, которое вы насаждали и взращивали на Севере, должно ныне отблагодарить вас, улаждая вам жизнь. Вы уже ознакомились с ним в Англии, вы увидите его в Италии. Я желал бы, чтобы ему удалось подольше задержать вас во Франции—и это общее и самое искреннее пожелание всех, на чью долю выпало счастье знать вас, а в особенности—того, кто имеет честь пребывать горячо благодарным и глубоко вас уважающим.

Тома

Копия.—«С. d. l'a», лл. 28—29.

¹ Thomas Ангуан-Леонар (1732—1785)—известный писатель, член Академии, автор многочисленных «похвальных слов» («éloges»), в том числе и «Похвального слова Петру Великому». Он является одним из создателей этого литературного жанра.

VI. ПРЕЗИДЕНТ ЭНО¹

Париж, 17 февраля 1767 г.

Наконец-то, отыскались вы, граф! При нынешних обстоятельствах вы своим преимуществом перед нами обязаны только нашей неосведомленности о месте вашего пребывания. Если бы не это, первенство было бы неизбежно на нашей стороне. Порукой этому могли бы служить наши беседы. Все мы знаем, что лишились вас, но никто не мог дать нам ни малейших сведений о вас. И вот, милостивый государь, на будущее время вы должны оказать нам милость и дать нам возможность заявлять вам, как мы сожалеем о разлуке с вами; не отказывайте нам в этом! Сожаления эти искренне разделяются и г-жей Жонсак²,—я не в силах передать вам всех чувств, вызываемых в ней вашей о нас памятью. Вы так хорошо описываете страну, в которой живете, что можете вызвать желание ее увидеть, но признаюсь вам, что после желанья получать удовольствие от общения с вами я больше всего хотел бы видеть вас на посту, какого вы заслуживаете, в такой стране, где вы пользовались бы наибольшей известностью и наибольшим

уважением. Репутация, которую вы создали себе у нас и которая повсюду за вами следует, могла бы сделать вас космополитом, человеком, принадлежащим всем нациям. Я оставляю вас, однако, за собой—для первой же державы, в которой буду королем; вы будете пользоваться там всей полнотой моей любви и доверия, пока я не откажусь от власти в вашу пользу. А пока, граф, примите уверение в моей любви и почтении.

Не забываете г-жу Жонсак.

Эно

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 44—45.

ДАЛАМБЕР

Портрет маслом Л. Токке

Гренобльский музей

¹ H é n a u l t Шарль-Жан-Франсуа (1685—1770)—президент одной из палат Парижского парламента, писатель, автор «Abrégé chronologique de l'Histoire de France» (1-е изд. 1744 г.); член Академии, корреспондент Вольтера и других выдающихся людей своего времени, друг г-жи дю Деффан.

² M-me de J o n s a c—племянница президента Эно, жившая вместе с ним.

VII. Г-жа ЖОФФРЕН¹

Париж, 24 февраля 1767 г.

Дорогой генерал мой, шлю вам тысячу благодарностей за лестную для меня память обо мне и за уверения в дружеских чувствах, которые угодно

было вам высказать. Я заслужила такие чувства с вашей стороны своей дружбой к вам и тем, что так желала бы видеть вас счастливым. Но, увы, я начинаю бояться, что таким вас никогда не увижу. Вы всюду чувствуете себя как бы в пустоте: никакими путешествиями не насытит вам свой души. Мне очень хотелось бы, чтобы вы поселились в Париже: здесь каждый живет, как желает; для светской жизни здесь всегда найдутся разного рода развлечения, а для жизни уединенной—разного рода занятия. В Париже вы снискали себе любовь, уважение, успех в обществе—и должны быть признательны нам². А если бы мы имели честь видеть в вас согражданина, мы еще лучше сумели бы вам угодить. Я говорю, что чувствую. Уверяю вас, дорогой граф, что моя привязанность к вам еще усилилась бы, что я с еще большим удовольствием встречалась бы с вами, если бы у меня была надежда видеть в вас постоянного обитателя нашего города и счастливого человека. Возвращайтесь же, возвращайтесь в Париж—это единственное место, которое даст затихнуть сожалениям обо всем, что вы утратили.

Прошу вас передать от меня князю Голицыну³ самый сердечный привет и наилучшие пожелания,—ему я обязана тем благополучием, каким пользовалась в Вене. Если вы правду говорите, дорогой генерал, что там обо мне еще вспоминают, заверьте тех, кто оказывает мне такую милость, что я не остаюсь перед ними в долгу: они постоянно живут в моем сердце и в моей памяти, и я стараюсь не упустить случая поговорить о них.

Особенно нежный привет мой передайте, пожалуйста, г-же де Паар, обер-гофмейстерине, и очаровательной княгине Кинской: я и отсюда вижу, с каким изяществом и легкостью она там танцует.

Искренно и от всего сердца обнимаю вас, дорогой мой генерал, и желаю вам в добром здоровье совершить свое путешествие в Италию.

В Риме вы можете увидеть мальтийского посланника бальи де Бретейля, с которым я в очень хороших отношениях, а также аудитора Роты аббата де Вери. Я буду польщена, если вы им скажете, что любите меня. Я была уверена, что милый наш Бецкий⁴, в конце концов, останется.

Жоффрен

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 82—83.

¹ Geoffrin Мари-Тереза (1699—1777)—хозяйка прославленного салона, где собирались многие знаменитости XVIII в.—Монтескье, Мармонтель, Станислав Понятовский и др.; субсидировала напечатание «Энциклопедии» Даламбера. Некоторое время жила в Варшаве (с 1766 г.) и в Вене (при дворе Марии-Терезии и Иосифа II).

² Письмо написано вскоре после отъезда И. И. Шувалова в 1767 г. в Вену из Парижа, где с перерывами он прожил несколько лет и завязал знакомства в литературных и светских кругах.

³ Голицын Дмитрий Михайлович, князь (1721—1793)—русский посол в Вене.

⁴ Бецкий Иван Иванович (1704—1795)—заведующий учебными заведениями в России, начальник Академии художеств, главный сотрудник Екатерины II в области педагогических реформ. С 1747 по 1762 гг. он жил за границей, в Париже, и завязал там обширные знакомства в литературных и ученых кругах.

VIII. МАРКИЗА ДЮ ДЕФФАН¹

Сен-Жозеф, 6 мая 1767 г.

Я так уважаю вас, милостивый государь, и такую чувствую к вам привязанность, что для меня большая радость получать известия о вас, а перед вашими достоинствами я так преклоняюсь, что вырастаю в собственных глазах, когда могу похвалиться столь для меня лестным дружественным вашим отношением.

Вот вы и в Венеции; вы увидите обручение дожа с морем и посмеетесь над этим странным и красивым обрядом суеверия, которому, казалось бы, уже незачем и существовать. До вас, наверное, уже дошли слухи о том, что происходит в Испании. После стольких лет рабской зависимости от инквизиции она решается на шаг, который изумляет всю Европу и очень одобрительно ею встречен². Я не политик и не берусь рассуждать о вещах серьезных, но очень рада, что люди избавляются от шарлатанов и гонят их от себя. В стране, где вы сейчас находитесь, их, кажется, немного; но вскоре вы, вероятно, окажетесь в столице их царства³. Г-н Вальполь⁴, живущий в стране, настроенной совершенно иначе, еще не заводит речи о том, чтобы вернуться к нам. Он очень занят и очень интересуется своим парламентом и министерством. Я написала ему, что вы его помните, и он будет очень этим тронут. Я знаю, с какой любовью и почтением он к вам относится.

Здесь находится некий князь де Линь; я составила себе хорошее мнение о нем на том основании, что он высказывается о вас с уважением и любовью⁵. К концу письма приберегла я разговор о «бабушке» (вы, конечно, помните, что это герцогиня де Шуазёль). Она вчера уехала в Шантелу⁶, где и пробудет до переезда двора в Компьен. Чувствует она себя хорошо; довольна и счастлива и более обворожительна, чем когда бы то ни было. Я выполнила ваше поручение к ней, и мне велено передать вам от ее имени, что ее отношение к вам неизменно и что она настоятельно просит вас сюда вернуться. С вашего разрешения, я охотно присоединилась бы к этим ее настояниям. Вы ничего не говорите о своих дальнейших планах. Будьте добры поставить меня в известность о них. Прошу вас верить, что никто на свете не принимает так близко к сердцу, как я, все, что вас касается.

Маркиза дю Деффан

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 74—76.

¹ Deffand Мари де Виши-Шамрон, маркиза дю (1697—1780)—хозяйка одного из наиболее блестящих литературных салонов XVIII в., в котором собирались деятели французского просвещения, друг и корреспондентка Вольтера, Монтескьё, Даламбера, президента Эно и др. См. о ней новейшую работу: Bellesort (André), *Le salon de Madame du Deffand*.—«Les grands salons littéraires (XVII et XVIII siècles). Conférences du Musée Carnavalet», Payot, P., 1928, 145—176.

² В 1767 г. иезуиты были изгнаны из Испании королем Карлом III. «Философы» круга маркизы дю Деффан живо приветствовали это событие.

³ И. И. Шувалов через Венецию ехал в Рим.

⁴ См. о нем прим. 1-е к письму XIX.

⁵ De Ligne Шарль-Жозеф, князь (1735—1814)—французский писатель, мемуарист, военный (на австрийской, затем на русской службе), дипломат. Известен своими письмами и мемуарами («Mélanges militaires, littéraires et sentimentaux»), отличающимися оригинальностью наблюдений и меткостью характеристик современников (был в переписке со многими крупнейшими людьми своего времени: Вольтером, Руссо, Фридрихом II и др.). На русском языке изданы: «Письма и избранные творения принца де Линя, изданные Стаэль-Гольштейн и Проппиаком, перевод с французского», 10 ч., М., 1809—1810.

⁶ Choiseul, герцогиня де, урожд. Crozat—жена министра иностранных дел при Людовике XV, герцога Этьена-Франсуа де Шуазёля (1719—1782). Chanteloup—замок герцога де Шуазёля на р. Луаре.

IX. ПРЕЗИДЕНТ ЭНО

Париж, 9 мая 1767 г.

С большим нетерпением, граф, ждал я случая еще раз выразить вам уверение в неизгладимых чувствах, которые вы сумели внушить мне.

Вы любую нацию осчастлививаете пребыванием среди нее; но всех их ждет постигшая нас участь—сожалеть о вас, ибо такова уж судьба всего в нашем мире: нельзя быть счастливым безнаказанно и, в конце концов, всегда приходится страдать от потери. Удовольствие—лишь временное стечение обстоятельств; длительным состоянием является только счастье. Но в чем его обрести? Мы это хорошо чувствуем с тех пор, как вас лишили.

У меня нет новостей, которыми я мог бы с вами поделиться в расплату за то, что вам угодно было мне сообщить; мудрая ваша республика¹ никаких потрясений не испытывает—разве этого мало? В этом сказалась истинная ее мощь,—у нас здесь не верят в венецианский заговор; а мы счастливы уже тем, что нам нечего о себе сообщать. Ничего такого, что было бы неизвестно вам, я вам сказать не могу: вам угодно было жить среди нас частным человеком, вы нас знаете, ибо мы ничего не скрываем. Новое издание «*Abrégé chronologique*» будет закончено в течение этого года, будьте же добры указать мне, как доставить вам эту книгу. Я нахожу утешение в том, что беседую о вас со многими лицами, которым это доставляет удовольствие; обсуждая вашу судьбу, мы строим воздушные замки, а при благоприятных условиях мы выстроили бы для вас великолепный замок. Желая вам счастья, вы его заслуживаете. Прошу извинения за скверный мой почерк: мне приходится делать усилия над собой—я больше писать не могу.

Я узнал, что уезжает близкий друг мой, маркиз де Польми², рекомендую его вам. Уверяю вас, что он заслуживает вашего уважения и сумеет заслужить и дружественное с вашей стороны отношение. Он еще надеется вас застать.

Эно

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 45—47.

¹ Шувалов находился в то время в Венеции.

² Раи́м у Антуан-Рене д'Аржантан, маркиз де (1722—1787)—был посланником в Швейцарии, Польше и Венеции, писатель, член Академии; опубликовал «*Extraits d'une grande bibliothèque*». («Извлечения из обширной библиотеки») в 65 томах. Великолепная принадлежавшая ему библиотека была в 1781 г. куплена графом д'Артуа и легла в основу библиотеки Арсенала в Париже.

Х. АББАТ ГАЛИАНИ¹

Неаполь, 13 ноября 1770 г.

Я убежден, что ваше сиятельство всегда отдавали мне должное, веря, что не отсутствие желания, а только отсутствие подходящего случая и повода мешало мне писать вам и напоминать о себе. Всех путешественников, с которыми я встречался, я просил объяснить это мое молчание, и ни один из моих знакомых не уехал из Неаполя без того, чтобы я не сообщил ему, как я много обязан вашему сиятельству, не высказал, как я горжусь вашей дружбой, и не просил бы его помочь мне сохранить ее.

Теперь, так как нет никого, кто бы уезжал отсюда, у меня оказался повод написать вам, и я с радостью пользуюсь им. Один ученый-врач, мой личный друг, напечатал книгу о самом ужасном биче человечества—оспе². Исполненный энтузиазма и справедливого восхищения, он пожелал посвятить эту книгу той государыне, которая прославилась, начав борьбу с величайшим врагом своего народа, чтобы затем приступить к борьбе с более мелкими врагами. Страшнее всякого другого врага

ЧТЕНИЕ В САЛОНЕ Г-ЖИ ЖОФФРЕН

Среди присутствующих—в центре Даламбер (читает), справа г-жа Жоффрен, рядом с ней кн. Конти (справа) и Фонтенель (слева)

Картина маслом Габриэля Лемонье

Академия художеств, Руан

была оспа, ибо она могла угрожать даже ее жизни. Врачи вполне правильно считают весь род человеческий единой нацией, потому что едина и почти всегда и всюду одинакова армия болезней, с которой они ведут борьбу. По мнению моего друга, не должно поэтому удивляться, что из далекой страны прозвучал голос человека, пожелавшего повергнуть плод своего ума к подножию императорского трона в самом Петербурге. Ему недостает только руки, которая оказала бы ему поддержку, и он желал бы, чтобы эта поддержка была ему оказана вашей могущественной рукой, дружественной и благорасположенной. Мой друг пожелал, чтобы я взял на себя труд обратиться к вам с этой просьбой, и я это делаю тем охотнее, что заранее уверен в вашей благосклонности к нам обоим. Огромное и исключительное великодушие августейшей государыни, в соединении с той высокой добротой, которая отличает ваше сиятельство и в которой я неоднократно имел случай убедиться, дают мне смелость прибегнуть к вашей помощи. Взывая к доброте вашей, я в то же время прошу простить меня, что я осмелился беспокоить вас настоящей просьбой, и верить в чувства высокого почтения, уважения и благодарности, с коими остаюсь вашим преданным и покорным слугой.

Фердинандо Галиани

Автограф.—Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской». На итальянском языке. Перевод письма выполнен А. Ясной.

¹ Galiani Фердинандо, аббат (1728—1787)—известный писатель-экономист, автор замечательного в литературном отношении сочинения «*Dialogues sur le commerce des blés*», 1770. С 1759 по 1769 гг. жил в Париже в качестве секретаря неаполитанского посольства, а затем посла. Здесь Галиани близко сошелся с кругом энциклопедистов, в частности с Дидро, и принимал деятельное и видное участие в литературном и политическом движении своего времени.

² Речь идет, вероятно, о докторе Гатти (Gatti), пропагандировавшем в Неаполе прививку оспы.

XI. АББАТ ГАЛИАНИ

Неаполь, 1 октября [?] 1771 г.

Ничто, граф, не может доставить мне большей радости, чем получаемые время от времени доказательства, что вы меня не забываете; мне начинает казаться, что я кое-что представляю собой в этом мире, когда я вижу, что самые выдающиеся люди моего времени знали меня, любили меня, читали мои книги, дарили мне муфты. Пусть даже весь мех на этих муфтах будет съеден молью, дело от этого не изменится,—я все же скажу, как Гораций: «*Non omnis moriar*»². Мездра муфты—как слава: она сохранится и тогда, когда мех весь вылезет и ничего от него не останется.

Сюда приехал милорд Шельбёрн³; в дороге он познакомился с кавалером Заноби, который был его спутником⁴,—ему очень хотелось обстоятельно поговорить о нем со мной, но для меня нет ничего скучнее собственных моих произведений, ибо я их знаю наизусть; мы стали говорить о другом, и было это мне ко благу, потому что он заговорил о вас, о моих прежних друзьях, обо всем, что для меня дороже всего на свете.

Благодарю вас за ваши сообщения. Я огорчен, что претендент⁵ пошел по такому пути; он поехал, значит, повидаться с прежней своей любовницей, буйонской трактирщицей⁶, и выпивать с нею; молодость он провел, как герой, а старость проводит, как все люди; только циник Диоген, может быть, нашел бы, что он теперь поступает правильнее, чем раньше.

На мой взгляд, русские войска вряд ли много проиграли от того, что выполняли в этой кампании мой план⁷. Несколько отклонился от него русский флот: я хотел отозвать большую часть кораблей, предпочитая, чтобы они вернулись в Балтийское море до морозов; в архипелаге я оставил бы два корабля, четыре фрегата и несколько мелких судов. Тратиться на них мне бы не пришлось, так как они жили бы контрибуциями и захватом неприятельских судов, а в то же время они блокировали бы и беспокоили бы с этой стороны всю Османскую империю. Я очень значительно сократил бы, таким образом, издержки, а к следующему году у меня в Балтийском море был бы почтенных размеров флот, и до намерений шведов и датчан мне было бы мало дела. Дивлюсь я тому спокойствию, с каким Россия относится к этим двум молодым королям⁸. Вы скажете, что, несмотря на отбытие трех флотов и неоднократные пожары, Кронштадт все же в силах спустить на воду еще целый флот. Может быть, и так. Но я по собственному опыту знаю, что не следует выпивать бутылку до дна. А впрочем, я только добрый итальянец, не более того. В завоевании Крыма русскими я вижу одно из самых благоприятных для Италии событий, потому что знаю из истории, что Италия никогда так не процветала, как во времена, когда Кафа⁹ была во владении генуэзцев. И мой совет вашей государыне—возвратить ее нам и вступить с нами в непосредственные торговые сношения. Я с удовольствием поставлял бы для стола ее величества, царицы, плохие вина из моего аббатства, которые за время своего путешествия превращались бы в хорошие.

Поездка в Рим—вот чего мне хочется больше всего и на что у меня меньше всего надежды. Не льщу я себя мечтой и о какой-нибудь иной поездке. Я постарел: «*Fuimus Troes*»¹⁰. Приезжайте к нам, у нас солнце, дыни, винные ягоды, дамы—есть, что лопатами огребать и что брать щипчиками. Подумайте, не соблазнитесь ли этим?

Позвольте мне просить вас передать от меня нижайший поклон кардиналу де Берни¹¹ и маркизе де Пюи-Монбрён¹²; уважение, внушаемое

АББАТ ГАЛИАНИ

первым, не менее обожания, которое внушает вторая. Отношусь я к ним, как к божествам, ибо выполняю и то и другое изданием и духом! Вы живете в эмпиреях небесных, я же на грешной земле. Будьте добры, напоминайте иногда обо мне кардиналу Паллавичини—старейшему из оставшихся в живых моих покровителей. Не забудьте и о балли де Бретейле¹³, а если и еще найдется какая-нибудь добрая душа, иногда меня вспоминающая, заверьте ее, что к жизни меня теперь привязывает одно только чувство дружбы. Сочетая с этим чувством самую горячую благодарность и глубочайшее к вам уважение, имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим [слугою].

Аббат Галиани

Автограф.—Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской».

¹ Дата в подлиннике неразборчива. Маратрэ де Кюсси прочел ее, как 1 октября 1771 г., возможно, однако, и другое чтение: 2 октября и даже 2 ноября 1771 г.

² «Нет, весь я не умру».

³ *Shelburne* Уильям, лорд (1737—1805)—английский политический деятель, был министром торговли и колоний.

⁴ Кавалер Заноби—один из собеседников «*Dialogues sur le commerce des blés*» Галиани, выступающий от лица автора.

⁵ *Стюарт* Карл-Эдуард (1720—1788), внук английского короля Якова II. После неудачных попыток 1745—1746 гг. захватить английский престол жил во Флоренции под именем графа Эльбани.

⁶ *Voillion*—город в Бельгии на р. *Semois*, в провинции Люксембург.

⁷ Письмо относится ко времени войны России с Турцией (1768—1774 гг.). О своем «плане кампании» Галиани говорит в шутку.

⁸ Т. е. к королю датскому Христиану VII (1749—1808) и к королю шведскому Густаву III (1746—1792).

⁹ Кафа—Феодосия, в Крыму.

¹⁰ «Мы были троянцами».

¹¹ См. о нем ниже, прим. 1-е к письму XV.

¹² Светская знакомая и корреспондентка Шувалова—*M-me la marquise Narbonne du Ruu-Montbrun*. В альбоме Маратрэ де Кюсси имеется копия ее письма к Шувалову из Рима от 24 сентября 1778 г.

¹³ См. о нем выше, в письме VII.

ХII. МАРКИЗА ДЮ ДЕФФАН

Париж, 28 октября 1771 г.

Значит, вы еще не забыли меня, милостивый государь? Огромное для меня удовольствие не иметь повода жаловаться на вас. Если бы я знала, где вы находитесь, я не пребывала бы так долго в молчании, а слала бы вам упреки.

Оказывается, что вы все еще в Риме, а о возвращении в Париж и не упоминаете¹. Почему бы повелительнице вашей, императрице, не дать вам каких-либо поручений в нашей стране? Не у нас разве находится картинная галерея покойного г. Тьера? Предложения, по повелению императрицы, уже сделаны, но пришли ли к какому-либо соглашению, мне неизвестно.

О да, немало произошло событий со времени вашего отъезда: смерть бедного президента², а ровно через месяц изгнание самых близких моих друзей³; будь вы здесь, вы оказались бы свидетелем этих огорчений моих и облегчили бы их мне, разделив их со мной.

С бабушкой я усиленно переписываюсь. Я пошлю ей выдержку из вашего письма—то место, где вы говорите о ней, и ручаюсь вам, что это тронет ее и вызовет большую благодарность с ее стороны. Вы, конечно,

не забыли, что она питает к вам такие же нежные и почтительные чувства, как и я. Вы являетесь одним из праведников, поминаемых в наших молитвах, а в них мы мало кого поминаем, и с каждым днем эти молитвы становятся все короче. Чем дольше живешь, чем лучше узнаешь людей, тем меньше оказывается среди них достойных любви и уважения.

Г-жа Жонсак живет в провинции; почти все мои друзья разъехались с апреля месяца; я же сделалась большой домоседкой и редко выезжаю из своей бочки (так называю я свое кресло). Как хорошо было бы, если бы вы хоть изредка были тут, близ меня.

Этим летом меня посетил г. Орас Вальполь; он попрежнему очень к вам расположен; я только-что писала ему, что получила известия о вас.

Аббат Бартелеми⁴ сейчас в Париже, но пробудет он здесь очень недолго: он не покидает Шантелу и служит большим утешением для всех его обитателей. Бабушка, как и супруг ее, вполне здоровы; опала не лишила их ни одного из друзей; можно сказать, что, как раз наоборот, все наперерыв стали оказывать им особое внимание. Можно сказать, что это превратилось даже в своего рода моду. Я лично там еще не была и не знаю, позволят ли мне поехать повидаться с ними мои годы и слабость, ими вызванная. Очень мне будет прискорбно, если поездка эта и свидание окажутся мне не по силам.

Лорд Шельбёрн⁵ в Париже, но у меня еще не был. Его посещение доставило бы мне большое удовольствие: он порадовал бы меня разговором о вас. Лорд Спенсер пробыл здесь недолго; он ничего не говорил, упоминали ли вы обо мне в разговоре с ним,—я, впрочем, склонна думать, что память у него не лучше его умения вести беседу.

Все новости вам известны из газет. Те, что я могла бы сообщить, никакого интереса для вас не представят, а к тому же я довольно плохо осведомлена, да еще и рассказывать не умею. Разрешите же мне ограничиться заверением, что на всю жизнь останусь самым нежным и искренним вашим другом, который вас ценит и уважает, как никто на свете.

Маркиза дю Деффан

Кония.—«С. d. l'a.», 78—81.

¹ В Риме И. И. Шувалов прожил до осени 1773 г.

² Президента Парижского парламента Шарля-Жана Эно, умершего 24 ноября 1770 г. См. о нем выше, прим. 1-е к письму VI.

³ По настоянию фаворитки Людовика XV, Дюбарри, герцог де Шуазель был уволен 24 декабря 1770 г. от должности министра иностранных дел и принужден был удалиться в свой замок Chanteloup.

⁴ Barthélemy Жан-Жак, аббат (1716—1795)—археолог и писатель, автор «Voyage du jeune Anacharsis» (1788). Был другом четы Шуазель и после опалы, постигшей герцога Шуазеля, поселился у него в замке.—См. «Revue de Paris», 15 janvier, 1 février 1935.—«Le Gazettier de Chanteloup».

⁵ См. прим. 3-е к письму XI.

XIII. АББАТ ГАЛИАНИ

Неаполь, 11 февраля 1772 г.

Мне уже казалось, дорогой генерал мой, что мне невозможно расплатиться с вами за оказанные мне одолжения. Но счастливая судьба моя предоставляет мне такую возможность, ибо М-ле де Шемино, любезно согласившись передать вам настоящее письмо, великодушно взяла на себя и расплату по всем моим долговым обязательствам по отношению к вам. Я вполне уверен, что при такой поручительнице я отныне окончательно

расквитаюсь с вами. И не вы ли, говоря по совести, еще останетесь у меня в долгу за доставленное вам удовольствие вновь повидаться с нею? Вы встречались с ней в Париже; вам известно, что она вполне заслуживает быть вам рекомендованной. Ко всем ее правам на рекомендацию моя личная рекомендация ничего не могла бы прибавить. Ее возраст, внешность, ум, поведение, характер, национальность—все говорит в ее пользу. А сверх того, она рекомендована мне г. Дидро, и я, в свою очередь, вам ее рекомендую.

Не пеняйте на меня, дорогой генерал мой, за скверные чернила и неудобочитаемый почерк. Я умолкаю, ибо боюсь утомить глаза ваши, избалованные созерцанием самых красивых и великолепных вещей, какие только бывают на свете. Но вам все же угодно было бросить свой взор на меня, отчего я и возгордился. Пора мне, однако, заверить вас, что я с равными чувствами почтения и преданности пребываю вашим и пр.

Галиани

Адрес: A Son Excellence

Monsieur le Général Comte de Schouvaloff
Chambellan de S. M. Czarinne
à Rome.

Автограф.—Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской».

XIV. ВОЛЬТЕР

Ферне, 29 июня 1772 г.

Милостивый государь, никакое письмо не могло бы мне доставить такого удовольствия и не могло бы быть более приятным образом вручено, чем то, передачей которого, по поручению вашего превосходительства, оказал мне честь князь Голицын¹. Он оказал мне честь еще и тем, что переночевал в моем уединенном домике. Удовольствие, доставленное мне знакомством с одним из ваших племянников, заставило меня почти забыть свою старость и все недуги, ее удручающие. Одного только мне не доставало, чтобы окончательно утешиться,—возможности лично засвидетельствовать свое почтение его дядюшке.

Удивляюсь я, что князь Голицын покидает Рим для Женевы—сердце изящных искусств для изучения очень сухих вещей, но с его умом он скрасит любую самую сухую науку, которой пожелает заняться. Мое тяжелое болезненное состояние не помешало мне заметить всю его привлекательность; он завоевал сердца всех дам, с которыми у меня встретился. Ничто не могло служить мне таким сладостным утешением, как сообщение его, что вы, вероятно, проедете через наши швейцарские пределы. Вы очень давно не были на родине, а она с каждым годом все более покрывает себя славой. Я буду почитать себя чрезвычайно счастливым, если окажусь на вашем пути и мне удастся еще раз высказать вам чувства искреннего уважения и неизменной преданности, с которыми я буду иметь честь пребывать все то недолгое время, что мне еще осталось прожить на свете².

Вашего превосходительства и пр.

Вольтер

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 194—195.

¹ Голицын Федор Николаевич, князь (1751—1837)—сын сестры Шувалова, Прасковьи Ивановны, впоследствии куратор Московского университета, автор записок о временах Екатерины II и Павла I.

¹ Ср. французский текст письма в «*Œuvres complètes de Voltaire*». Nouvelle édition..., P., Garnier frères, 1877—1885, XVI, N. 8567. В печатном тексте письмо датировано 27 июня без обозначения года. Печатный текст отличается от копии Маратрэ де Рюсси также рядом разночтений стилистического характера.

XV. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ¹

Рим, 4 ноября 1773 г.

Я получил, милостивый государь, через барона Менгдена письмо, которым вы удостоили меня в сентябре месяце текущего года. Передали его мне всего несколько дней тому назад. Ваше превосходительство может не сомневаться, что я всегда буду оказывать должное внимание его друзьям и соотечественникам. Тот, с которым мне привелось, благодаря вам, познакомиться, произвел на меня впечатление очень любезного человека. Я надеялся, дорогой генерал, что вы еще проведете здесь с нами эту зиму, но вам угодно было отдать предпочтение нашим южным провинциям— в такое время, когда мне невозможно сопутствовать вам. Добрые пожелания мои все же повсюду будут следовать за вами, равно как и неизменное с моей стороны желание наслаждаться обществом вашего превосходительства и, как всегда, высказывать ему вечную мою преданность.

Кардинал де Берни

Прошу вас передать знаменитому собрату моему, г. де Вольтеру, что я попрежнему люблю его и преклоняюсь перед ним².

Автограф.—Центральное архивное управление Узб. ССР, Ташкент. Бывш. собрание автографов в. к. Николая Константиновича.

¹ Bernis (правильное произношение Бернис) Франциск-Иоахим де, кардинал (1715—1794)—поэт, писатель и политический деятель; был министром иностранных дел при Людовике XV, затем послом в Венеции и в Риме; автор известных мемуаров.

² Письмо адресовано в Швейцарию, где И. И. Шувалов провел зиму 1773—1774 г. В течение этого периода он неоднократно бывал у Вольтера в Ферне. Кардинал де Берни называет Вольтера «собратом», так как оба они были членами Французской академии.

XVI. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Рим, 26 января 1774 г.

Позвольте мне поблагодарить вас, ваше превосходительство, за сообщение вестей о себе и о г. де Вольтере. Последний, если можно судить по стихам, которые вы послали моей племяннице, находится в совершенно добром здравии: вряд ли кто мог бы высказаться о войне в более философическом и веселом тоне. Мы проводим здесь эту зиму без русских; я все же утешился бы в этом, если бы вы лично отдали Риму предпочтение перед Женовой.

Папа несколько раз осведомлялся у меня о вас. Авиньон и Беневент мы возвратим ему, когда вполне удостоверимся, что он не намеревается отлучить от церкви инфанта, герцога Пармского¹. Любая ссора (если только не замешается тут самолюбие) начинается из-за того, что люди друг друга не поняли, и кончается, как только они хорошенько поймут друг друга. Прошу ваше превосходительство сохранять ко мне прежнее дружественное отношение и твердо верить моей преданности.

Кардинал де Берни

Автограф.—Центральное архивное управление Узб. ССР, Ташкент. Бывш. собрание автографов в. к. Николая Константиновича.

¹ Фердинанд, герцог Пармский (1751—1802), в 1769 г. был отлучен от церкви папой Климентом XIII за неповиновение папской власти; на это он ответил изгнанием из своих владений иезуитов и уничтожением инквизиции. В 1774 г. между ним и папой Климентом XIV было достигнуто соглашение и заключен мир. Папа получил обратно потерянные его предшественником (1768 г.) Авиньон и Беневент.

XVII. ВОЛЬТЕР

Ферне, 22 марта 1774 г.

Вразумили бы вы, милостивый государь, иных наших французов, отказывающихся верить, что «Послание к Ниноне» написано молодым челове-

ВОЛЬТЕР

Копия с портрета работы М. Латура, 1736 г.

Институт мировой литературы им. Горького, Москва

ком, уроженцем Российского государства¹. Уже одно присущее вам умение так обаятельно вести беседу могло бы, кажется, доказать им, что ни остроумие, ни хороший вкус, ни изящество не чужды этой стране.

Племянник ваш привык к такому же успеху своих стихов, каким пользуется ваша проза. Мы должны быть ему благодарны за честь, оказываемую нашему языку. Послание его останется навсегда одним из драгоценнейших памятников нашей литературы; и если нужно признать, что стихи такого достоинства довольно редко пишутся в России, то ведь и в Париже это случается не часто. Хорошее всюду редко. Не много найдется во Франции дам, которые писали бы так, как пишет императрица².

Вольтер

Копия.—«С. d. l'a.», л. 197.

¹ Племянник (двоюродный) И. И. Шувалова, граф Андрей Петрович Шувалов (1744—1789), напечатал во Франции «*Epritte à Ninon*»; относительно этих стихов долго не верили, что они принадлежат перу русского.

² Ср. французский текст письма в «*Œuvres complètes de Voltaire*». Nouvelle édition., P., Garnier frères, 1877—1885, XVII, № 9350. В печатном тексте письмо датировано 28 марта, год указан предположительно [1775]. Печатный текст письма несколько полнее копии Маратрэ де Кюсси, а также отличается от последней некоторыми различиями стилистического характера.

XVIII. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Рим, 17 января 1776 г.¹

Имею честь, милостивый государь, выразить благодарность вашему превосходительству за доставленное мне удовольствие познакомиться с обоими молодыми графами Румянцовыми и с г. Гриммом². Первые произвели на меня впечатление прекрасно воспитанных молодых людей, а г. Гримм—человека очень образованного и любезного; они выехали в Неаполь и возвратятся сюда постом. Надеюсь, что они довольны моим приемом. Я готов быть к вашим услугам и подобающим образом принимать знатных ваших соотечественников. Мне хотелось бы возможно чаще иметь случаи доказывать вашему превосходительству чувство глубокой привязанности, мною к вам питаемой.

Кардинал де Берни

Автограф.—Центральное архивное управление Узб. ССР, Ташкент. Бывш. собрание автографов в. к. Николая Константиновича.

¹ Адресовано в Париж, где И. И. Шувалов провел время с лета 1774 г. до своего возвращения в Россию в 1777 г.

² Графы Румянцовы—сыновья фельдмаршала гр. П. А. Румянцева-Задунайского: Николай Петрович (1754—1826)—впоследствии канцлер, известный меценат и владелец богатой библиотеки, послужившей основанием для Румянцевской, ныне Всесоюзной библиотеки им. Ленина в Москве; Сергей Петрович (1755—1838) в молодости был автором стихотворений на французском языке, впоследствии изданных в русском переводе под заглавием «Духовный Сумароков»; в первые годы царствования Александра I С. П. Румянцов подал ему записку об уничтожении крепостного права, в результате которой появился указ о свободных хлебопашцах 25 февраля 1803 г. Братья Румянцовы путешествовали по Европе в сопровождении известного корреспондента Екатерины II, писателя барона Мельхиора Гримма (1723—1807).

XIX. ОРАС ВАЛЬПОЛЬ¹

Лондон, 19 апреля 1776 г.

Большую честь оказали вы мне, граф, и огромное доставили удовольствие присылкой своего портрета. Вы доказали этим, что цените мои дружеские к вам чувства и считаете, что на такой подарок мне дают право то уважение и та преданность, которые я к вам неизменно питаю. Но позвольте сказать вам, что, по чрезмерной своей доброте и скромности, вы значительно понизили цену портрета, приказав присоединить к нему изображение человека, совершенно не достойного быть рядом с вами. Только Марк-Аврелий имел бы, пожалуй, право на соседство с философом, в течение двенадцати лет обладавшим полнотой власти и не нажившим ни одного врага и никому не причинившим ни малейшего зла. Я просил портрет графа Шувалова не для того, чтобы иметь изображение друга (хотя и очень почетно так называть себя и я очень горжусь правом на это), и, может статься, не просил бы его портрета в дни его величия. Нет, милостивый государь, я домогался изображения исключительного в нашем веке человека, самого лучшего и самого скромного из людей. Мне

хотелось иметь запечатленными в чертах вашего лица свойства прекрасной души вашей, и я счастлив, что получил это теперь в превосходной передаче. Знайте, однако, граф, что я немедленно велю стереть с портрета то, что на нем добавлено вашей чрезмерной скромностью и доброжелательством. Отец мой, если бы на его долю выпала честь состоять в числе ваших знакомых, еще мог бы, пожалуй, удостоиться скромного местечка на этом холсте: он походил на вас прекрасными свойствами своими, не имея, однако, подобно вам, безграничной власти над огромною частью земного шара. Сын его—маленький человек, которому ни разу в жизни не привелось послужить человечеству,—ни в каком случае не дерзнет пребывать близ вас на портрете. Мне совестно на нем оставаться. И я останусь на нем только временно, в ожидании милости с вашей стороны, которой настоятельно у вас спрашиваю.

Я жду от вас, граф, гравированного портрета государыни, которая по достоинству умела вас ценить. Вы, надеюсь, не будете возражать, если я прикажу изобразить такой эстамп в руках человека, который был украшением ее царствования и благодетелем ее подданных. В летописях истории древней и новой не легко найти государыню и министра в такой степени друг другу соответствовавших.

Имею честь быть с чрезвычайным почтением и величайшей благодарностью вашим, граф, и пр.

Орас Вальполь

Копия.—С. d. l'a., лл. 41—43.

¹ Walpole Орас (правильное произношение Уолпол Горэс) (1718—1797)—сын английского государственного деятеля Роберта Вальполя (1676—1745) и сам в те годы член парламента, известный писатель, основатель и наиболее яркий представитель т. н. «готического романа», меценат, друг маркизы дю Деффан. Помимо своих романов (основной из них—«Замок Отранта», 1764), оставил обширную переписку с многочисленными своими друзьями во Франции и в Англии и ценные мемуары («Mémoires sur le règne de George II»). Вальполь познакомился с Шуваловым в Париже в 1765 г. и писал по этому поводу графу Гертфорду: «Я в совершенном восторге от Шувалова; никогда не видел я столь любезного человека, такое умение держаться, столько простоты и скромности, вместе со здравым смыслом и достоинством! Несколько меланхолическое выражение, но ничего униженного». («L'abbé F. Galiani. Correspondance»... par L. Perey et G. Maugras, nouvelle éd., P., 1882, II, 188).

XX. ОРАС ВАЛЬПОЛЬ

Strawberry-Hill, 23 июня 1776 г.

Надеюсь, граф, что еще до получения вами этого письма уже дошел до вас ящичек с медальонами, посланный мною по адресу нашей доброй знакомой обитательницы Сен-Жозефа¹. Я истратил все ваши деньги, но зато ведь и медальонов не мало; я должен вам дослать еще два экземпляра, о которых продавец сначала позабыл и доставил их мне уже после отправки ящичка; среди тех медальонов, которые теперь у вас, есть голова лорда Чатама в профиль, вам очень легко будет ее узнать². Если вы довольны исполнением вашего поручения, я, может быть, могу надеяться, что удостоюсь чести сделаться вашим комиссионером? Я очень рад буду каждому случаю вам о себе напомнить. Но не потому, конечно, что вы оказали мне чрезмерную честь, предназначив мне место на одном ценнейшем портрете, который я даже никому не решаюсь и показывать. Если вам угодно будет хранить эстамп с моим изображением в вашей комнате, то уже и это будет для него незаслуженным почетом, но никогда нехватит у меня дерзости вставить себя в одну с вами раму. Вы лишаете меня

лестной возможности хвалиться тем, что у меня имеется ваш портрет. Очень прошу вас не приписывать ложной скромности мое упорное нежелание занять место столь почетное, но не подобающее такому малозначащему человеку, как я, не совершившему за свою жизнь ничего достопримечательного. От такого добавления только понизилась бы ценность вашего портрета. Если вы меня рассердите, я заставлю вас держать в руке кардинала де Ришельё, у которого столь же мало прав на соседство с вами, граф, как и у—

вашего и пр.

Ораса Вальполя

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 43—44.

¹ Маркизы дю Деффан.

² Уильям Питт, лорд Chatham (1708—1778)—знаменитый государственный деятель Англии.

XXI. ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛА ВАЛЬЕР¹

Париж, 2 ноября 1777 г.

Что же не даете вы, милостивый государь, вестей о себе? Неужто успели вы уже забыть вашего верного и искреннейшего друга? Вы, очевидно, так рады своему возвращению на родину, к своей семье, а также и тому прекрасному приему, который оказан вам августейшей и очаровательной государыней вашей, что не хотите и вспоминать о том, как здесь по вас скучают, и о той пустоте, которая так чувствуется в домах, где вы часто, но далеко не достаточно часто, бывали. Ну, так вот я хочу, чтобы вы поговорили с императрицей обо мне. Когда она заведет с вами речь о Париже, я хочу, чтобы вы сообщили ей, что, как частное лицо, я преклоняюсь перед нею (не осмеливаюсь сказать, что люблю ее), а также считаю, что она делает честь нашему полу и льстит моему самолюбию, что я весьма рада быть женщиной, потому что она собственным примером своим показала, что можно быть женщиной и, вполне сохраняя привлекательность своего пола, обладать всеми высокими достоинствами, добродетелями и возвышенными стремлениями, свойственными вашему полу; что, наконец, если бы я, по воле неба, подобно ей, оказалась на престоле, я вступила бы с ней в соперничество и, восхищаясь ею, так бы к ней ревновала, что только о том и помышляла, как бы сравняться с ней и даже превзойти ее, если бы это было мыслимо. Но в то же время настоятельно попросите ее не давать мне умереть, не испытав удовольствия еще раз повидаться с вами, т. е. попросите, чтобы по прошествии некоторого времени пребывания вашего при ней она разрешила вам хоть разочек меня навестить. Я не в силах о вас не думать. Каждое утро за завтраком я пью из чашки, подаренной вами, и держу в руке другой щедрый ваш дар—ложку. На обеденный стол мне ставят хорошенькую вашу солонку. Все говорит мне о вас. Если вы в скором времени не возвратитесь, я все это перебыю и переломлю и попытаюсь вас забыть, ибо слишком я стара, чтобы проводить свои дни в горести.

Прощайте, милостивый государь. Я очень люблю вас, вы это знаете, и хочу, пока жива, еще раз повидаться с вами. Если этого не будет, я восторгаться вашей императрицей не перестану, так как это невозможно для меня, но буду сердиться на нее за то, что она не приказывает вам навещать ваших друзей.

Герцогиня де Ла Вальер

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 160—162.

¹ La Vallière, герцогиня де (1708—1780)—жена герцога Луи-Сезара де Ла Вальер, известного библиофила. Об этом ее письме к И. И. Шувалову Екатерина II писала Гримму 25 ноября 1777 г.: «Надо вам сказать, что герцогиня де Ла Вальер велела передать мне через г. Шувалова, что она любит меня до безумия. Я приказала отвечать ей, что я высоко ценю это выражение ее чувств». — «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», XXIII, 70—71.

XXII. ГРАФ ДЕ КАРАМАН¹

Париж, 14 ноября 1777 г.

Величайшую радость доставило мне, граф, известие о хорошем приеме, оказанном вам в Петербурге. Но в этом случае я думаю более о вас,

ЗАВТРАК Г-ЖИ ЖОФФРЕН
Картина маслом Гюбера Робера
Собрание Артура Вейль-Пакар, Франция

чем о самом себе, ибо я уже отчаиваюсь увидеть вас снова у нас во Франции, а это можно перенести только при уверенности, что это составляет ваше счастье.

В нашем обществе все очень огорчены вашим отсутствием; слово «друг» еще не выражает всех моих чувств к вам, и, говоря по правде, мы мечтали о чести всецело принадлежать вам. Приходится, однако, довольствоваться вестями, от вас получаемыми, и извещать вас о себе—в этом единственное наше утешение.

Старшая моя дочь имела большой успех в Фонтенбло, и эта первая ее удача окрыляет меня наилучшими надеждами; вторая живет с мужем

в Буасси, это счастливая чета; Полина растет и хорошеет; остальные попрежнему подают большие надежды.

Надеюсь, граф, что вы отдадите должное нашей крайней умеренности; никаких признаков приближающейся войны во Франции нет, зато подготовка к тому, чтобы должным образом вести ее, если бы мы к ней были вынуждены, в полном ходу. В настоящую минуту наши колонии готовы к обороне, в таком же положении и флот; денег в королевстве много, благодаря оживленной торговле почти со всеми странами, и мы преспокойно созерцаем, как истощает себя людьми и средствами Англия, пытаясь вернуться к положению, в котором она находилась до этой злополучной войны, чему, впрочем, не суждено осуществиться. Эта держава—в горячке, и, по заявлению врача, «речь сейчас идет не о попытке избежать болезни, а приходится уже лечиться». Поэтому и дают ей одно лекарство за другим, прибегают и к помощи знахарей, и, может быть, пичкая ее лекарствами, удастся остановить горячку, но выздоровление будет продолжительным, а счета аптекарей достигнут ужасающих размеров. Говорят, что оппозиция сведена на-нет, и, чтобы избежать скуки от разговоров, которых никто и не слушает, я посоветовал бы подвесить оппозицию на ниточках и дергать за них этих китайских болванчиков; этого было бы вполне достаточно, чтобы успокоить народ в отношении к угнетающему его деспотизму, ибо, повидимому, с него довольно и одной тени свободы.

Г-н Неккер работает с пользой; он выполняет план г. Тюрго, в смысле умеренности во взимании налогов². Это целая золотая россыпь, к тому же поступающая в государственную казну без всякого разрешения парламента. Недавно отменили взимание двадцатой доли с промышленных заведений в местечках и селах, и это истинное благодеяние, ибо владельцы предприятий уплачивали эту двадцатую долю путем повышения цен на все товары. Благодаря этому, наши фабрики станут более доходными, так как работающие на первичных предприятиях освобождены от уплаты двадцатой доли. Таковы благодетельные последствия этого отеческого указа. Новые правила государственной монополии на почту, ямское дело и пр. только-что принесли королевской казне 6 миллионов годового дохода, а может быть, и более. Говорят, что число дивизий в армии будет сокращено с 18 до 16; придется в связи с этим вернуться к инспекторам по надзору за войсковыми частями и устроить лагеря в разных провинциях для обучения командного состава. Это лишь пророчество с моей стороны, ибо пока речь об этом еще не заходит.

При дворе ничего нового; держат пари, устраивают прогулки пешие и верхом на лошадях и ослах, ведут очень крупную игру; спектакли в Фонтенбло были довольно посредственны, но слуги там любезны, обходительны и очень хорошо кормят—рвения и усердия у них много. Собираются организовать дело призрения бедных по приходам, направляя установленную законом милостыню в общую кассу с добровольными пожертвованиями, а касса эта будет в ведении помещика, священника и наиболее видных граждан; вспомоществования будут оказывать престарелым и больным мужчинам и женщинам, а также сиротам. Этой мерой покончат, наконец, с нищенством.

У меня, граф, одна надежда—что через несколько лет я повезу к вам своего наследника. Если уж нельзя мне рассчитывать вновь и так долго, как мне бы желалось, увидеться с вами здесь, то все же чего-нибудь да стоит надежда как-нибудь самому отправиться повидать вас. Примите

уверение в неизменной на всю жизнь преданности моей, с каковой имею честь пребывать вашим, граф, и пр.

Граф де Караман

Надеюсь, что вы не откажетесь напомнить обо мне князю Голицыну³.

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 47—50.

¹ Сагамап Виктор-Морис, граф де (1727—1807)—генерал-лейтенант, участник семилетней войны и войны Франции с Англией 1778—1783 гг. Судя по письму Екате-

Г-ЖА ЖОФФРЕН В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ

Рисунок Гюбера Робера

Музей в Валансе

рины II к Гримму от 18 декабря 1783 г., приезжал в том же году в Россию («Сборник Императорского Русского Исторического Общества», XXIII, 291). Исторический интерес публикуемых писем графа де Карамана заключается в том, что эти документы дают лишние и весьма выразительные штрихи к давно известной картине беспечного легкомыслия французского придворного общества перед наступлением рокового для него 1789 г. Политическое, а главное, экономическое положение Франции, в сущности, крайне тяжелое, из которого Францию безуспешно пытались вывести Тюрго и Неккер, казалось гр. де Караману прекрасным и не возбуждало в нем никакой тревоги.

² Turgot Анн-Робер (1727—1781)—министр финансов Людовика XVI (1774—1776); пытался провести некоторые реформы для устранения наиболее стеснительных преград для капиталистического развития промышленности и внутренней тор-

говли. Резкое сопротивление двора и феодального дворянства вызвало в 1776 г. отставку Тюрго и отмену всех его реформ. Нескер Жак (1732—1804) стал во главе финансового ведомства Франции в 1777 г., вскоре после отставки Тюрго. Его финансовая политика сначала сводилась к заключению займов, с помощью которых он покрывал расходы на войну Франции с Англией из-за американских колоний последней (1778—1783). Впоследствии им была проведена реформа действовавшей во Франции откупной системы взимания налогов, упразднены многочисленные ненужные должности и осуществлен ряд других мероприятий по укреплению финансового положения страны. Вынужденный вступить на путь Тюрго, Неккер своей проповедью бережливости тоже восстановил против себя двор и привилегированные группы, не желавшие ни платить налогов, ни расставаться со своими привилегиями.

² См. прим. 1-е к письму XIV.

XXIII. Г-ЖА ДЕ ЖАНЛИС¹

[1777 г.]

Разрешите, милостивый государь, воспользоваться случаем напомнить вам о себе. Мне очень памятны те знаки внимания и расположения, которые вам угодно было оказать мне в дни вашего пребывания в Париже, и я принадлежу к числу тех, кто с особенной искренностью сожалеет, что Франция не является вашим отечеством. Небольшое посылаемое вам при сем сочинение я выпустила в свет в целях освобождения трех несчастных братьев из тюрьмы, в которой они томятся вот уже два года. Это офицеры, дворяне, люди редкого мужества и больших нравственных достоинств; познакомилась я с ними лишь в дни их бедствий и потому отношусь к ним с особенной нежностью. Из тех маленьких комедий, которые я вам посылаю, четыре были разыграны моими детьми месяца четыре тому назад; зрителей было много, спектакль имел успех, редко выпадающий на долю нравоучительных произведений. Все единодушно и настоятельно просили меня напечатать эти комедии. Я сначала отказывалась, но потом подумала о своих узниках и отдала в печать свои пьесы, решив, что буду продавать их в пользу гг. де Кеисса. Несомненно, что только такому назначению обязано своим успехом мое произведение. Оно выпущено в количестве только трех тысяч экземпляров, и я весьма сожалею об этом, ввиду того исключительного, сказала бы я, спроса, который на него предъявляется. Гг. Даламбер и де Лагарп заверяли меня, что ее императорское величество могла бы милостиво разрешить мне преподнести ей эти пьесы, тем более, что она в усовершенствованном виде осуществила в России идею нашего Сенсирского воспитательного заведения, так что у вас можно ставить мои пьесы, в которых среди действующих лиц нет мужчин. Будьте же добры повергнуть к стопам ее императорского величества это слабое произведение. Оно, разумеется, недостойно занять хотя бы минуту ее досуга, но где тот дар, который был бы ее достоин? В предположении, быть может и чрезмерно самомнительном, что ее величество пожелает иметь еще несколько экземпляров моей книги, я велела отложить двенадцать экземпляров и буду ожидать ее повеления, о котором благоволите мне сообщить. Через полгода должно появиться продолжение этих театральных пьес, состоящее из трех томов; один том предназначается исключительно для мужчин, ибо надо же и о них подумать: поучения им нужны ничуть не менее, чем женщинам².

Вам, может быть, известно, что я назначена воспитательницей к дочерям герцогини Шартрской³. Я согласилась принять эту почетную, но и трудную должность лишь при условии, что буду вести их воспитание

не в Пале-Роаяле⁴, что у меня не будет помощницы и что дети будут переданы мне прямо с рук кормилицы. Для меня построили очаровательный домик в саду при Бель-Шасском монастыре, куда я и удаляюсь в наступающем сентябре месяце на целых 20 лет. Все были изумлены таким самопожертвованием со стороны женщины моего возраста; таких примеров не было, чем я особенно и дорожу. Не было и такого случая, чтобы принцесса с детства попадала в руки женщины высшего общества; до сих пор принцессы предоставляли нянькам, а к воспитательницам они поступали лишь в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет. Вот почему я снискала своим поступком похвалы, которых на самом деле не заслуживаю: засвидетельствовать перед герцогом и герцогиней Шартрскими свою искреннюю им преданность мне совсем не трудно; я испытываю, напротив, полное удовлетворение и чувствую, как сладостны жертвы, приносимые во имя дружбы.

Не пеняйте на меня за длинное это письмо. Я стараюсь, по возможности, утешиться в разлуке с вами, в том, что вы так далеко, и улаживаю себя беседой с вами. Искренность моих чувств да послужит оправданием причиняемой вам докуче. Она дает мне полное право на вашу снисходительность. Имею честь быть, милостивый государь, покорной вашей и пр.

Дюкре, графиня де Жанлис

Герцог и герцогиня Шартрские знают, что я имею честь писать вам, и поручают мне передать вам всяческие пожелания и совет не забывать окончательно Пале-Роаяля, где вас всегда так рады были видеть. Это собственные их выражения, я передаю их дословно. Ввиду того, что меня обвиняют в рассеянности и сильно сомневаются в точности моей памяти, я просила бы вас, милостивый государь, в вашем ответе так упомянуть об этом, чтобы было ясно, что я честно выполнила данное мне поручение.

Копия.—«С. d. l'a», лл. 144—147.

¹ De Genlis Стефани-Фелисите, графиня де (1746—1830)—знаменитая в свое время женщина-литератор, придерживавшаяся сначала весьма либеральных и даже якобинских убеждений, а затем, после казни ее покровителя, Филиппа Эгалите, бывшего герцога Шартрского, затем Орлеанского, детей которого она воспитывала, перешедшая в лагерь контрреволюции. Автор многих нравоучительных повестей, посвященных воспитанию, пьес «для молодых девиц», одна из предшественниц феминистского движения.

² Вот что мы читаем о пьесах г-жи де Жанлис в письме Екатерины II к Гримму от 7 декабря 1779 г.: «Комедии г-жи Жанлис были переданы г. Бецкому. А так как обер-камергер [И. И. Шувалов] все еще находится в заточении и взывает к небесам из своей деревни, я не надеюсь скоро получить от него произведения вышеназванной дамы».—«Сборник Императорского Русского Исторического Общества», XXIII, 166.

³ Назначение г-жи Жанлис воспитательницей к дочерям герцога Шартрского, по собственному ее указанию, состоялось в 1777 г.—см. M-me de Genlis, Mémoires (édition Barrière), P., 1885, 176—179. Это указание служит основанием для датировки настоящего письма. У герцога и герцогини Шартрских были две дочери-близнецы (р. 1777): M-lle де Шартр и Луиза-Мария-Аделаида (известная позднее, как M-lle Аделаида). Г-жа Жанлис воспитывала также и сыновей герцога и герцогини Шартрских—старшего, Луи-Филиппа (р. 1773), будущего короля Франции (1830—1848), и его младших братьев—герцога Монпансье (р. 1775) и графа Божолэ (р. 1779).

⁴ Palais-Royal—дворец в Париже, принадлежавший герцогу Орлеанскому (Philippe Egalité), до 1785 г. носившему титул герцога Шартрского. Нижний этаж своего дворца он отдал внаймы под магазин и кофейни, и в революционные 1789—1794 гг. эти помещения стали местом постоянных собраний революционно настроенных групп Парижа.

XXIV. Г-жа НЕККЕР¹[Конец 1777—начало 1778 гг.]²

Отсутствие ваше, граф, очень сильно чувствуется в нашей среде. Неприязтельность, с которой вы умели перейти с высоты большого своего поста на положение частного лица, не прибегая при этом ни к напускной простоте, ни к позе философа, в соединении с привлекательнейшими вашими свойствами, завоевали вам все сердца, и все непрестанно жалеют о том, что вас нет среди нас. Что сказать вам о нашей стране? Каждый день, как будто, приносит новые события, но истолковать их, даже собрав их воедино, невозможно. С некоторых пор мы являемся центром, в котором особенно сильно ощущаются колебания почвы. Г-н Неккер неуклонно идет по пути, избранному им с самого начала, уменьшая количество лиц, занятых взиманием налогов, и ограничивая получаемые ими доходы. Этот образ действий весьма не по вкусу отдельным лицам, но широкая публика очень его одобряет³. Вполне правильно изображают общественное мнение стоустым и имеющим сто ушей, но безруким. Отдельные лица обладают действенной силой, а общество может только разговаривать и ничего не в силах сделать. Впрочем, эта истина, верная в других местах, не так уж приложима к Парижу. Здесь общественное мнение стало с некоторых пор грозной силой. Если в стране, где вы проживаете, оно имеет такой же вес, вы должны в ней пользоваться огромным влиянием, а желая счастья вашей родине, я очень хотела бы этому верить.

Мне очень приятно будет познакомиться с двумя носящими вашу фамилию лицами, пользующимися вашим расположением, что уже само по себе внушает выгодное мнение о них⁴.

Поговорим немного о литературе, ибо мне кажется, что новости из этой области тем ценнее, чем из большего далека они приходят. Г-н де Бюффон печатает книгу под заглавием «Семь эпох природы»⁵. Широкой кистью, ему свойственной, изображает он тут семь различных картин, какие мог представлять собою мир с того самого времени, как была создана материя. Это результат и наглядный итог всех его трудов в области науки. То, что мне привелось прочесть из этой книги, по моему мнению, написано превосходнейшим слогом. Похвальное слово канцлеру де Лопиталь⁶ оказалось соблазном для многих наших писателей, ибо люди вообще любят давать поучения по части управления государством и заявлять этим во всеуслышание о своей пригодности к делам управления. Академия присудила премию г. Реми, а публика—некоему анониму, в конкурсе не участвовавшему. Г-н де Кондорсе⁷ тоже попытался пробиться в двери Академии, и произнесенная им речь оказалась достаточно для этого тяжеловесной.

Мне очень хотелось бы знать, милостивый государь, что вы счастливы и попрежнему нас любите. Г-н Неккер шлет вам свой почтительный привет, а я выражение лучших чувств, с коими имею честь быть и проч.

К[юршо]-Неккер

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 87—89.

¹ Неккер Сюзанна, урожд. Curchod (1739—1794)—жена Жака Неккера, мать г-жи де Сталь; писательница-моралистка и хозяйка литературного салона в Париже.

² Датируем письмо на основании литературных фактов, сообщаемых г-жей Неккер и относящихся к 1777—1778 гг., а также по письму Бюффона к И. И. Шувалову от 4 марта 1778 г., со ссылкой на данное письмо г-жи Неккер (см. ниже, № XXVIII).

³ О деятельности Неккера-министра см. прим. 2-е к письму XXII.

Г-ЖА ДЮ ДЕФФАН
С рисунка Кармонтея

⁴ Речь идет о двоюродном племяннике И. И. Шувалова, графе Андрее Петровиче Шувалове, и его жене, в то время путешествовавших по Европе.

⁵ Сочинение Бюффона «Eroques de la nature» появилось в 1778 г. С Бюффоном г-жа Неккер находилась в большой дружбе.

⁶ L'Hospital Мишель де (1507—1573)—знаменитый французский государственный деятель.

⁷ Condorcet Антуан-Николя (1743—1794)—знаменитый математик, философ и политический деятель в годы революции. В 1777 г. был избран неперменным секретарем парижской Академии наук.

XXV. ГРАФИНЯ ДЕ ГЮНОЛЬШТЕЙН¹

Париж, 18 января 1778 г.

Весь двор теперь уже в столице, милостивый государь. Светское общество остается, каким было при вас, распадаясь на три-четыре основных кружка и от десяти до двенадцати более мелких. Г-жа де Люксанбур² возобновила свои четверги и субботы, и здесь сходятся все. Она всегда угощает «фараоном», почему ужины ее всегда отличаются блеском и многолюдьем. Несмотря на царящий кругом шум, несколько лиц увлекаются беседой, и это оказывается иногда самым шумным уголком в зале; лично я, не имея возможности подбирать себе собеседника, иду по следам большинства—играю и в этом отношении не могу пожаловаться на судьбу. У друга, а вернее—недруга вашего, г-жи де Реньер, парадные ужины бывают теперь только по воскресеньям; по средам же у нее ужинают лишь немногие близкие люди. В Пале-Роаяле—все по-старому, у г-жи дю Деффан—также; в приверженности к вам со мной соперничает семья г. Карамана, но я далека от мысли уступать ей первое место в любви к вам. Г-жа де Лафар³ беременна вторым ребенком; для нее это радость, а мне обидно, что ей нельзя выезжать на балы; она так прелестно танцует, что служит им украшением. У королевы вчера состоялся большой прием; она лежала на кушетке, и весь двор, женщины и мужчины, продефилировал перед ней; в одну дверь входили, в другую выходили. Это представляло собою очень красивое зрелище.

У шведского посланника сильный припадок подагры. Какое счастье для вас, милостивый государь, что вы не страдаете этой болезнью: вы этим обязаны воздержанности вашей в напитках и умеренности во всем вообще. Сообщите мне, пожалуйста, поподробнее о жизни в Петербурге. Вам будет не трудно дать мне верное представление о ней, сопоставив ее с нашей, и тем удовлетворить и любознательность мою и любопытство. Г-жа Матиньон продолжала идти тем путем, каким шла при вас; но хорошей семье ее свекрови, г-жи де ла Вепальер, удалось вывести ее на лучшую дорогу. Она влюблена в виконта де Ноайля⁴. Эта связь получила громкую огласку как раз в ту минуту, когда с ней, без малейшего к тому повода, было уже покончено. Продолжалась она больше двух лет, но никто о ней и не подозревал. С год тому назад в нашей среде появился кавалер, опаснейший для молодых дам мастер побеждать сердца; я имею честь состоять его двоюродной сестрой и могу уверить вас, что больше ничем никогда для него не буду. Успех ему создают целый ряд побед и огромная самовлюбленность, а вдобавок к этому он и очень ода-рен, очень остроумен, обворожителен и обладает непостижимым умением выдавать поддельные чувства за истинные. Это—младший в роде, человек без состояния, словом—кавалер де Пюизегюр⁵. Благодаря своей привлекательности, он уже получил назначение при графе д'Артуа⁶. В настоящее время он влюблен в г-жу Фитц-Джемс, и так как эта любовь успехом не увенчается, то она может продлиться дольше обыкновенного. Прощайте, милостивый государь. Надеюсь, что не наскучила вам всеми этими мелочами. Пишу я так скверно из-за холода. Простите мне это и примите лучшие пожелания от всей семьи моей.

Барбантан де Гюнольштейн

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 140—143.

¹ См. о ней прим. 1-е к письму XXVII.

² L u x e m b o u r g Мадлена-Анжелика де Невиль-Виллеруа, герцогиня де (1707—1787)—вдова маршала Монморанси-Люксанбура (1702—1764), друг и корреспондентка Руссо, хозяйка одного из наиболее блестящих салонов Парижа.

³ S a r a m a n d e L a F a r e, графиня, корреспондентка Шувалова.

⁴ N o a i l l e s Луи-Мари, виконт де (1756—1804)—генерал, участник войны за освобождение Соединенных штатов в 1789—1790 гг., член Национального собрания.

⁵ P u y s é g u r Арман-Марк-Жак де Шастенэ, маркиз де (1751—1825)—при Людовике XVI бригадный командир, бывший в эмиграции в годы революции; или брат его Антуан-Гиацинт-Анн де Puységur, морской офицер, эмигрант.

⁶ Граф d' A r t o i s (1757—1836)—младший брат Людовика XVI, с 1824 по 1830 гг. французский король Карл X.

XXVI. МАРКИЗА ДЕ ГОНТО-БИРОН¹

Париж, 4 февраля 1778 г.

Разрешите мне, милостивый государь, несколько посетовать на то, что ваша государыня оказала вам такой милостивый прием. Мне, впрочем, довольно трудно привести в порядок свои чувства и высказать их вам, потому что, с одной стороны, все, что могло бы дать вам счастье, является сердечным моим желанием, и я, конечно, вместе с вами радовалась блестящему приему, оказанному вам императрицей; а с другой стороны, я говорила себе: «Вот теперь г. Шувалов вполне удовлетворен; он останется в России, а о Франции перестанет и думать; его прекрасно приняли, императрица всеми милостями своими, можно сказать, обязывает его к благодарности, и, чтобы доказать ей свою благодарность, он окончательно

нас покинет». Согласитесь, милостивый государь, что это довольно грустные соображения для лиц, безгранично и на всю жизнь вам преданных! Верьте этой преданности! Мне приятно заявлять вам о ней и надеяться, что заверение мое будет благосклонно принято вами. Я очень молода годами, но стара душой, и потому мне не возбраняется изъясняться вам в нежной дружбе. Прошу вас всегда на нее полагаться и знать, что у вас, в очень далеком от вас краю, существует друг, которому невозможно забыть вас. Вы достаточно меня знаете, милостивый государь, чтобы верить, что с моей стороны это не любезности только, а глубокое чувство, которое никогда не изгладится в моей душе.

Вспоминайте обо мне и присылайте о себе вести—это смягчает горсть разлуки. Оба ваших письма чрезвычайно меня порадовали. Вы, повидимому, счастливы—я так этого желаю. Я радовалась вместе с вами заслуженному, лестному приему, оказанному вам на родине. В императрице я вижу великую государыню, умеющую сочетать с искусством управления приятные для общества личные свойства. По отношению к вам она выказала не мало благородства. Не скупитесь на подробности: все, вас касающееся, мне близко и сердечно мной воспринимается. Но возвращайтесь! Неблагородно было бы с вашей стороны забывать Францию, опечаленную тем, что она покинута вами. По моем приезде сюда мне передали ящик восхитительного чая. Я очень тронута этим знаком памяти с вашей стороны. Я часто пью этот чай за ваше здоровье и каждый раз мысленно шлю вам тысячу благодарностей. Чай этот кажется мне исключительно вкусным! Но позвольте мне попенять вам за слишком красивый лаковый ящик. Мне приходится очень бережно с ним обходиться, и я лишь изредка и только самых близких друзей своих удостоиваю чести пить этот чай. Вчера я имела честь встретиться в доме Биронов (глава которого так глубоко к вам расположен) с графом Шуваловым.

ПРЕЗИДЕНТ ЭНО

С гравюры неизвестного художника конца XVIII в.

Вам незачем пояснять, о ком шел у нас с ним разговор. Мне очень хотелось бы познакомиться с графиней Шуваловой и усладить, по возможности, ее пребывание в нашей стране. Легкое нездоровье помешало ей быть у Биронов. Они обещали ужинать у меня в воскресенье. Я привыкла наслаждаться встречами с вами и не могу помириться с мыслью о том, что между нами сейчас легли тысячи льё. У меня то и дело возникает желание послать вам записочку с приглашением, но что поделаешь,—приходится писать письмо и, к сожалению, отсылать его много дальше, чем на улицу Ришельё.

Я приехала в Париж после восьмимесячного отсутствия, три недели тому назад, в самые дни карнавала, при всем его несмолкаемом шуме и прыганье совершенно незанимательного. Парадные ужины, визиты, Версаль заполняют все время, а вернее, оно целиком на это уходит, так что день кончится, а вспомнить нечего. В голове пусто, не менее пусто и на душе, а утром встаешь и опять принимаешься за то же. Совершенно не приучаешься находить удовольствие в просвещающих ум занятиях и не подготавливаешь возможности истинных наслаждений для той поры, когда проходит молодость (а пора эта надвигается быстро). Вы, может быть, найдете, что я большая моралистка, но ведь я говорю с человеком, который мораль признает, вполне способен оценить мой образ мыслей и уж, конечно, не вообразит, что я нелюдимка и люблю злословить. Я вращаюсь в большом свете, но не люблю его, однако, как бы ни говорило во мне чувство отвращения, я живу, как все. Я стараюсь понять этот большой свет,—вот что я извлекаю из привычного для меня пребывания в нем. С величайшим удовольствием возвращаюсь я домой и стараюсь проводить здесь побольше времени. Вам известно, как хорошо я чувствую себя дома, особенно, когда в своем небольшом кабинете пишу к вам и с полной откровенностью с вами беседую.

Насчет войны еще ничего не решено. Одни держат пари, что война будет, другие, что не будет. Правительство же никаких решений не объявляло. Таким образом, все поукуда только обсуждается. В связи с кое-какими происками англичан по отношению к Бресту несколько полков двинуто в Бретань, а всем командирам полков, расквартированных в этой провинции, приказано выехать к месту их расположения. Мне кажется, что намерены перейти к действиям и быть наготове, а может быть, хотят только показать свою силу; я держусь того мнения,—а его придерживается и большинство,—что мы разыграем басню о горё, которая родила мышь. Я лично желала бы войны, если она может оказаться удачной для нас. А мне кажется, что это сейчас возможно, что англичане, действительно, истощили свой запас людей и денежных средств, тогда как года через два нас, может статься, к войне принудят, и тогда мы будем побиты самым жалким образом. Мне дороги и родина и ее честь, и я всегда буду за то, чтобы жертвовать личным благом для блага общего. Друзей надо любить ради них самих, но государство должно стоять на первом месте. Все наши обязанности должны вытекать из этого возвышенного начала, и если бы все в стране были гражданами,—все силы ее объединились бы, все стали бы, как один человек. Но у нас каждый думает о себе, эгоизм достиг высшей своей степени. У римлян воцарились императоры, а им на смену явились впоследствии папы—вследствие честолюбия вельмож, вызывавшего между ними рознь и приведшего к появлению владык над ними; потому что к власти стремятся все, а каждый

у них, желая возвыситься, не думал ни об остальных гражданах, ни о том, чтобы сохранить свободу. И очутились они в цепях и, конечно, впади в ничтожество. А вот в эпоху процветания республики все были гражданами. Зато, хотя римляне и подчинили своей власти весь мир, сами они вскоре попали под власть корыстолюбия, роскоши и честолюбия.

В то время, как у нас занимаются только разговорами о политике, вместо того, чтобы заниматься делами, в Версале танцами развевают грустные мысли. Только и говорят, что о балетах и кадрилях. Боюсь, что англичане заставят нас плясать на иной лад—и довольно невеселый.

Огорчены ли вы, милостивый государь, смертью Лекэна?² Насколько помню, вы его любили. С ним вместе умерла и трагедия. Мельпомена, наверное, обливается слезами, потому что оставшиеся актеры очень уж плохо будут ее обряжать. Это был великий актер—такой восприимчивый и умевший любое чувство выражать горячо и с обаятельностью почти непонятной, а потому и неизъяснимой. Те, что придут ему на смену, чужды нюансов, все у них либо слишком ярко, либо слишком бледно, тогда как Лекэн передавал самую правду. Он нравился, несмотря на ужасные черты лица и вообще невыгодную внешность; все это забывалось, и зритель видел перед собой только Магомета, Оросмана, Танкреда, Вандома, и у него возникало желание, чтобы они и в действительности были такими, какими их изображал Лекэн.

Король назначил трех лиц кавалерами ордена св. духа: коменданта одной из провинций—графа де Вогюэ, заведующего королевским гардеробом г. де Буажелена,—имя третьего выпало у меня из памяти, но мне, может быть, удастся вспомнить его еще до того, как я стану запечатывать это письмо! И пустая же у меня голова: его зовут г. де Монбарри. Вот вам трое осчастливленных смертных. Но есть и огорченные—те, что уже успели выдвинуться и имели все основания рассчитывать на орден. Можно поэтому сделать такой подсчет: каждый раз, как король выдает кому-нибудь награду, число недовольных больше числа довольных, ибо на каждую награду приходится, по меньшей мере, двадцать лиц, ее домогающихся...

Две недели тому назад Пиччини преподнес нам «Роланда». Это большая опера на текст Кино³. Надо, впрочем, сказать, что Мармонтель⁴ до того возомнил о себе, что произвел значительные изменения в этой прекрасной поэме. Недаром прозвали его починщиком обуви при Кино. В самом деле, надо обладать огромным запасом самомнения, а вернее сказать, наглости, чтобы решиться посягнуть на такую чудесную поэму. А публика в восторге; музыка, как утверждает та же публика, необычайно хороша, гораздо выше музыки Глюка, которого каких-нибудь два года тому назад считали несравненным. Глюк может утешиться: появится третий, которого предпочтут Пиччини⁵. Так идет жизнь в этом мире. Одни уступают место другим, а последние заставляют забывать о первых. Благодаря такому ходу вещей, каждый обиженный отмщен и должен чувствовать удовлетворение, ибо месть сладка и утешительна. Таковы законы нашего сердца, и разум не в силах их отвергнуть, хотя и должен был бы стать надо всем господином. Господин этот закован, однако, в цепи и скорее напоминает раба, и, что бы там ни говорили, будто его голос силен, его слышат, но не слушаются. Все согласны, что у него больше права руководить нами, но страсти затмевают все понятия, которыми разум хотел бы и мог бы просветить наши сердца.

Лицам, упомянутым в письме вашем, я передала, как вы о них вспоминаете. Они поручили мне выразить от их имени добрые чувства к вам и просили предупредить, что мы соберемся целым ополчением и отправимся за вами в Россию, если вы не прибудете сюда в скором времени. Это настоящее объявление войны. Но не пролитие крови нам нужно, а доказательство, что вы не забыли о нашей стране и обо всех тех, кто так вам предан. Ужасная это вещь—изменять друзьям своим, а вдобавок и данному слову. И на этих двух основаниях мы требуем вашего прибытия сюда. Вы слишком честный и слишком верный человек, чтобы не признать этих оснований достаточными. Обе близкие мне дамы шлют вам привет. К ним присоединяются г. де Гонто с братом и поручают себя вашему благорасположению. Мы часто говорим о вас и о том, как грустно разлучаться с тем, кого любишь и уважаешь. Маршал де Бирон и свекровь моя тысячекратно заверяют вас в своей преданности. Словом, все, имеющие честь состоять в числе ваших знакомых, просят меня напомнить вам о них. Письму этому не было бы конца, если бы я стала всех их переименовывать. Скажу в двух словах: тут весь Париж. Я являюсь передатчицей всех этих чувств и пожеланий, а благодаря этому, только растут личные мои чувства к вам. Разрешите же мне поставить себя на первое место. Мне дает на него право сердечнейшая и искреннейшая привязанность к вам. Я всем сердцем и непрестанно ощущаю, какая истинная это привязанность!.. Мне очень хотелось бы поехать в Россию, но нечего и думать о выполнении такого плана.

Прощайте, милостивый государь. Я помню только, что мне приятно с вами беседовать, и совершенно забыла, что докучаю вам этим письмом на двенадцати страницах! Мне, положительно, пора его кончать. Я только извинюсь еще перед вами, что оно вышло таким длинным. Единственным извинением мне служит удовольствие, доставляемое мне общением с вами, но ведь это значит—думать исключительно о себе. Решаюсь все же, если не будет это нескромностью, попросить вас замолвить два слова обо мне вашей сестре. Если вы упомянете обо мне, как об очень преданном вам лице, она милостиво отнесется к моему преклонению пред ней. Только в таком случае не удивится она, что особа, не имеющая чести быть с ней знакомой, осмеливается обращаться к ней со всевозможными приветствиями и пожеланиями.

Кое-какие сведения о нашей стране я вам сообщила и жалею, что, кроме этого, ничего не могла сообщить. Позвольте, милостивый государь, еще раз проститься с вами.

Де Салерн маркиза де Гонто

Копия.—«С. d. l'a», лл. 149—157.

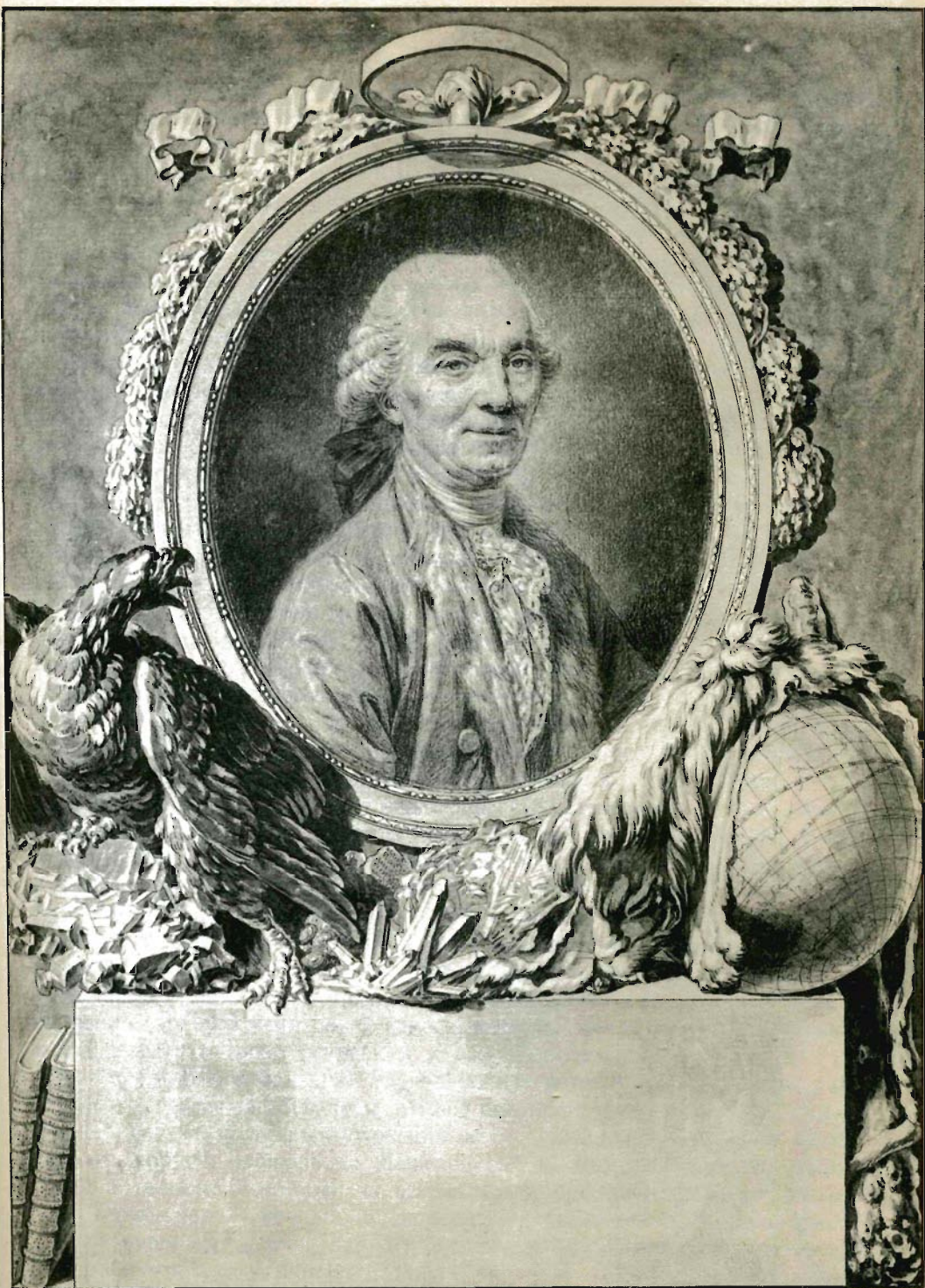
¹ De Gontaut-Biron, урожд. de Salerne—жена сына известного маршала Франции, Шарля-Армана de Gontaut-Biron (1663—1756).

² Lekaïn (Le Cain) Анри-Луи (1729—1778)—великий французский трагический актер, ученик Вольтера и лучший истолкователь его репертуара. См. о нем Ollivier, Henri-Louis Le Cain de la Comédie Française, P., 1907.

³ Quinault Филипп (1635—1688)—известный поэт и драматург, автор многочисленных либретто для опер. Опера Пиччини «Roland» впервые была исполнена в Париже 27 января 1778 г.

⁴ Marmontel Жан-Франсуа (1723—1799)—известный французский писатель.

⁵ О борьбе сторонников Пиччини и Глюка см. ниже, прим. 10-е к письму XXVII.

БЮФФОН

Рисунок Андре Пюжо, 1776 г.

Эрмитаж, Ленинград

XXVII. ГРАФИНЯ ДЕ ГЮНОЛЬШТЕЙН

Париж, 26 февраля 1778 г.

Ваше последнее письмо от 21 января, милостивый государь, я получила. Когда я представила себе, какое счастье вы теперь переживаете, я почувствовала, что это смягчает сожаления и печаль, вызываемые мыслью, что я не увижусь с вами, во всяком случае, долго не увижусь. Все, что вы сообщаете об императрице, говорит о больших достоинствах ее и обаятельности. Но все же я обвиняю вас не в том, что вы говорите, как придворный, а в некоторой доле пристрастия. Оно, правда, вполне простительно в вашем положении, и добрые качества, проявляемые на ваших глазах государыней, могут служить для вас побуждением наделять ее и такими, которых вы на самом деле в ней не видите.

Мне очень жаль, что, по свойственной вам осторожности, вы не пожелали даже немного поговорить со мною о политике и войне. К последней мы, повидимому, очень близки в настоящую минуту и ждем ее с двух сторон. В Париже убеждены, что мы уже заключили договор с инсургентами и признали их независимость². Герцог Шартрский³ недавно совершил поездку по всему нашему побережью, и так как она совпала с моментом особенного возбуждения в умах и оживленной деятельности наших портов, она произвела очень сильное впечатление, особенно на находящихся в Париже англичан. Лорд Стормонт⁴ держит себя, по обыкновению, строго и спокойно. Из Америки до нас доходит очень мало сведений: вот уже три месяца, как нет вестей о г. де Лафайете⁵; последние известия о нем сообщали о довольно серьезной, но не опасной ране в ногу. Если начнется морская война с англичанами, он на обратном пути во Францию легко может попасть в плен. Долгое отсутствие вестей о нем—с того самого времени, как он был ранен,—вызывает у всех тревогу, будем надеяться, неосновательную. Очень любопытен будет момент его возвращения, я сообщу вам об этом, потому что знаю, как вы интересуетесь его судьбой.

Тысячу сердечнейших приветов шлют вам виконтесса де Ноайль, г-жа де Фитц-Джемс, леди Стормонт, равно как и вся моя семья, в том числе и отец мой, который живет с нами уже несколько месяцев. Г-н де Пуа поручил мне напомнить вам о нем. Много мне говорил о вас г. Ламарк⁶. Мы вообще часто о вас говорим. Ваше отсутствие несколько не ослабило интереса, который вы сумели внушить всем, кому привелось с вами познакомиться. Мне лично очень приятно служить передатчицей таких заверений: это для меня повод непосредственно обращаться к вам и свидетельствовать о своем искреннем к вам расположении.

Мне привелось с большим удовольствием встретиться несколько раз с графом и графиней Шуваловыми⁷; оба они произвели на меня впечатление любезных и достойных уважения особ. Граф каждую неделю мечет банк у супруги маршала де Люксанбура⁸ и этой любезностью очень угодил всем дамам. Я намерена заказать себе русское платье, но придется повременить, пока талия моя примет более естественные формы. С нетерпением жду я этой минуты: чудесное это будет приобретение и чудесная минута в моей жизни. Должна, впрочем, сознаться, что это лишь очень увеличит обычное мое счастье, ибо я и сейчас счастлива и всегда была счастлива.

Больших перемен в нарядах наших дам нет. У королевы состоялась кадрили, первое исполнение которой было на прошлой неделе и кото-

рая, вероятно, повторена не будет. Костюмы были индийские. Туалеты дам не удались, хотя они были исполнены по замыслу г-жи Гимар М-ле Бертен⁹; вину за неудачу они теперь сваливают друг на друга. В общем, это все же имело красивый вид. Все женщины были хороши собою; их было шесть, и столько же мужчин с луками в руках; а у дам были маленькие, очень хорошенькие колчаны. Что до меня, то в этом году я могу принимать участие во всех развлечениях только в качестве зрительницы. Лишение это огорчает меня гораздо меньше, чем радует причина, которой оно вызвано. Когда я разрешусь от бремени, я дам вам об этом знать, а сестра моя будет выполнять обязанности секретаря и с нетерпением этого ждет. Не будь она так занята карнавалом, она бы уж написала вам, но репетиции кадрили происходили так часто, что она не успевала этого сделать. Старший брат мой попрежнему склонен к увлечениям, но сохраняет благоразумие. Мне очень хотелось бы, чтобы он женился: это, я думаю, явилось бы для него началом прочного счастья.

Семь, а то и восемь раз ставили оперу Пиччини под названием «Роланд». У Пиччини много сторонников. В опере есть красивые места, но нет истинных красот, тогда как у Глюка они в изобилии. Об этом ведутся нескончаемые споры. Между приверженцами той и другой стороны разгорелась вражда—просто, постыдная, для писателей по вопросу, не входящему в их компетенцию, особенно, если принять во внимание, что соперники-то живут между собою в полном согласии и почти дружески друг к другу относятся. Глюкисты торжествуют, а пиччинисты делают вид, будто убеждены, что победа на их стороне¹⁰. Вольтер прибыл как раз в день похорон несравненного Лекэна¹¹. Так как эта потеря вызвала лишь слабые сожаления, я пришла к выводу, что большинство не понимало его достоинств, и позавидовала тем, на кого эта потеря не подействовала так, как на меня. Для меня же это было очень чувствительной утратой, ибо он доставлял мне наслаждение ничем не заменимое и совершенно исключительное по глубине и длительности впечатления, которое он на меня производил. Вольтер привез две трагедии, которые намеревается поставить на сцене. Он провел целую ночь над исправлением одной из них, а на первой же репетиции другой трагедии так рассердился на актеров, что это вызвало у него кровохарканье. Троншен¹² велел пустить ему кровь; есть опасение, что он не переживет этого припадка. Монотонное существование в Ферне, может быть, несколько продолжило бы ему жизнь. Если обе пьесы его будут иметь успех и если придется ему увидеть этот успех, он умрет смертью Софокла, который в том же возрасте умер от радости, вызванной успехом только-что законченной им трагедии.

Прощайте, милостивый государь, прошу вас сохранять ко мне дружеское расположение, а я неустанно буду стараться своей привязанностью заслужить вашу любовь и не давать вам повода лишать меня своего лестного для меня отношения, которого я удостоилась в возрасте, позволяющем рассчитывать только на снисхождение. Прощайте же. Простите за беспорядочность письма: я очень торопилась и не сумела написать более кратко.

Барбантан де Гюнольштейн

Сегодня большой бал в королевском дворце. Герцог Шартрский еще не вернулся.

ОРАС ВАЛЬПОЛЬ

Рисунок Ж. Данса, 1793 г.

Национальная портретная галерея, Лондон

¹ Насколько можно судить по содержанию писем графини d'Hünolstein, урожд. Barbantane, она занимала какую-то должность при герцогине Шартрской, жене будущего герцога Орлеанского (Филиппа Эгалите). См. ниже, прим. 3-е.

² После удачного для американской армии сражения при Саратоге 17 октября 1777 г. Франция признала восставшие против Англии американские колонии воюющей стороной и заключила с ними торговый договор; результатом его было объявление войны Англией Франции в феврале 1778 г.

³ Людовик-Филипп, герцог Орлеанский (1747—1793), двоюродный брат Людовика XVI, до смерти отца в 1785 г. носил титул герцога Шартрского. Его оппозиция двору создала ему большую популярность среди буржуазии. Он одним из первых среди депутатов дворянства присоединился к третьему сословию. После свержения Людовика XVI вошел в Конвент с именем Филиппа Egalité (Равенство). В начале войны Франции с Англией служил во флоте, но вследствие интриг принужден был перейти в сухопутные войска.

⁴ Лорд Stormont—английский посол в Париже.

⁵ Lafayette Мари-Жан, маркиз де (1757—1834)—знаменитый участник борьбы американцев за независимость; отправился в северо-американские колонии добровольцем, против воли Людовика XVI, еще до объявления Англией войны Франции; впоследствии—известный французский государственный деятель.

⁶ M. b. Lamarck Жан-Баптист де Моне (1744—1829)—знаменитый французский ученый-натуралист.

⁷ См. прим. 4-е к письму XXIV.

⁸ См. прим. 2-е к письму XXV.

⁹ Guimard Мари-Мадлен (1743—1816)—известная танцовщица; Bertin Роза (1744—1813)—модистка королевы Марии-Антуанетты.

¹⁰ В целях противодействия оперным реформам Кр.-В. Глюка (1714—1787), сторонники итальянской оперы («буффонисты») привлекли в Париж неаполитанского композитора Николо Пиччини (1728—1800). Разгорелась знаменитая в истории музыки война между «глюкистами» и «пиччинистами», причем сторонником Глюка выступил Ж.-Ж. Руссо.

¹¹ См. выше, прим. 2-е к письму XXVI.

¹² Tronchin Теодор (1709—1781)—известный врач, швейцарец, друг и доктор Вольтера.

XXVIII. БЮФФОН¹

Монбар, 4 марта 1778 г.

В своей деревне, в Бургундии, получил я, граф, письмо, которым вы меня почтили, а за две недели перед тем мне доставлен был мемуар о новооткрытых за Камчаткой островах, с приложением письма от г. До-

машнева². Я был бы в отчаянии, если бы не сумел заслужить в ваших глазах все оказываемые мне вами любезности, к которым вам угодно было присоединить исключительную милость, а именно указать на меня великой и несравненной вашей императрице, которая, по моему мнению, занимает особое место среди всех европейских монархов, и не столько в силу мощи и необозримости подвластной ей державы, сколько в силу личных ее достоинств. Мне трудно было бы передать вам, милостивый государь, какую радость доставило мне известие, что вы возвращаетесь к ее двору. Мне прекрасно известны высокие и исключительные достоинства ваши, и приверженность моя ко благу человечества побуждала меня видеть в вашем возвращении на родину новое благодеяние, оказываемое вашей стране августейшей вашей государыней, в дополнение ко всем оказанным ею ранее. И как же тронули вы меня тем, что вспомнили обо мне в минуту, когда на вас лежало такое множество важнейших дел! Признательность моя равна только высокому моему мнению о вас и чувству уважения к вам, а эти чувства разделяет со мной вся мыслящая Европа. Я даже позволил себе высказать их в печатающейся ныне книге об эпохах мироздания, о которой по дружбе ко мне сообщала вам г-жа Неккер³. Уважаемое имя ваше там названо мной в связи с тем мемуаром г. Домашнева, который доставил мне большое удовлетворение и дал возможность извлечь из него несколько фактов⁴; мемуара же о Каспийском море, о котором вам угодно было упомянуть в письме ко мне, я не получал. Письма г. Домашнева полны такой предупредительности, что я решаюсь, с вашего соизволения, вступить с ним в переписку и очень прошу вас, граф, распорядиться о доставке ему прилагаемого здесь письма. Первые шесть томов in 4° полного собрания моих сочинений мне удастся доставить князю Барятинскому только через два-три месяца. Мне было бы в высшей степени обидно, граф, если бы они поступили к вам не лично от меня; надо же мне выразить мое уважение к вам хотя бы таким ничтожнейшим его проявлением. Если вы сколько-нибудь желаете мне добра, не приказывайте покупать у моего издателя четыре тома, вышедшие несколько месяцев тому назад. Сейчас заканчивается печатание шестого, в котором я позволил себе назвать ваше имя, и вы должны доставить мне удовольствие послать вам сразу все шесть томов.

Имею честь пребывать с полным уважением, почтением, осмеливаюсь сказать—и с истинной расположенностью к вам ваш и т. д.

Граф де Бюффон

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 18—20.

¹ Buffon Жорж-Луи, граф де (1707—1788)—знаменитый натуралист, автор многотомной «Histoire naturelle générale et particulière» (1749—1789), трактата «Epoques de la nature» и др. В своих сочинениях дал выдающиеся образцы французской литературной прозы, почему вошел также и в историю французской литературы.

² Очевидно, речь идет о группе островов, открытых в конце 70-х годов XVIII Прибыловым, штурманом корабля, принадлежавшего известному исследователю Сибири, купцу Григорию Ивановичу Шелехову (1747—1795). Острова получили название островов Прибылова; в 1867 г., вместе с русскими владениями на Аляске, были проданы Соединенным штатам. Домашнев Сергей Герасимович (1742—1796)—директор Академии наук.

³ См. выше, письмо XXIV.

⁴ Действительно, в примечаниях к «Epoques de la Nature» (sixième Epoque) Бюффон пишет, что к моменту, когда его работа уже находилась в печати, он получил, в письме от 27 октября 1777 г., «от гр. Шувалова, этого выдающегося государст-

венного деятеля, уважаемого и почитаемого всей Европой, великолепный мемуар г. Домашнева — председателя Петербургского императорского общества». Далее Бюффон подробно излагает мемуар Домашнева, знакомящий с новейшими для того времени (1770—1778 гг.) открытиями русских экспедиций на Камчатке и сибирском побережье, и высказывает пожелания, чтобы русские продолжали свои ценные для науки исследования крайнего севера. Цитир. по «*Histoire Naturelle*» par Buffon P., 1799, VIII, 342—352.

XXIX. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Рим, 4 марта 1778 г.

Еще до получения письма, которым ваше превосходительство почтили меня 11 января, мне было известно, что вы благополучно прибыли в Петербург и удостоились от августейшей вашей повелительницы всяческих милостей и отличий. Благорасположение ее к вам будет возрастать по мере того, как она ближе будет узнавать вас. Просвещенное покровительство, оказываемое императрицей наукам и искусствам, в не меньшей мере будет содействовать славе ее царствования, чем добродетели и таланты, в ее лице взшедшие на престол. Я, со своей стороны, всячески буду здесь содействовать выполнению ее намерения приобрести копии с рукописей греческих и латинских авторов¹; наиболее любопытные, как и наиболее важные для понимания исторических событий документы находятся в Ватикане. Должен, однако, предупредить, вас, милостивый государь, что почти все представляющие какой-либо интерес рукописи Ватиканской библиотеки уже были полностью или частично напечатаны или, по крайней мере, опубликованы в трудах многих ученых, в виде подробных сообщений о них. Лично я могу испросить разрешения (а его дают не так легко) снимать копии и взять на себя руководство отбором документов, переписку которых будет оплачивать банкир Барацци; я подыщу ученого, который укажет мне рукописи, наиболее достойные войти в библиотеку императрицы, и совместно с вашим банкиром определит стоимость каждой копии, так как в этой стороне дела я не разбираюсь. Г-н Барацци даст вам отчет о дальнейшем ходе этого дела. Мне очень хотелось бы, чтобы вы вернулись в Рим и сами руководили всем. А чтобы несколько утешить себя в отсутствии вашем, я постараюсь получше принимать здесь ваших соотечественников. Будьте уверены, милостивый государь, в вечной преданности и почтении, которые я неизменно питаю к вашему превосходительству.

Кардинал де Берни

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 22—24.

¹ По словам Екатерины II в ее письме к Гримму от 17—19 октября 1778 г., она хотела получить из Ватиканской библиотеки копии «классических писателей греческих и латинских, до тех пор оставшиеся неизданными», так как она слышала, будто «в этой библиотеке имеются вещи, о которых не знает никто».—«Сборник Императорского Русского Исторического Общества», XXIII, 107.

XXX. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Рим, 18 марта 1778 г.

Письмо, которым вашему превосходительству угодно было меня почтить, было мне передано несколько дней тому назад графом Скавронским, камер-юнкером двора Российской императрицы¹. Надеюсь, что он остался доволен оказанным ему мною приемом.

Кардинал Зелáда², мой друг и владелец очень любопытных рукописей, обещал мне заказать с них копии для библиотеки императрицы;

я велю передать Барацци, чтобы он сговорился обо всем с его эминенцией³. Первой будет переписана рукопись, представляющая собою подлинник протокола процесса Анны Болейн, жены английского короля Генриха VIII⁴. В Ватиканской библиотеке этой рукописи нет, и я счел, что она может заинтересовать императрицу. Вы видите, что я, не теряя времени, иду навстречу ее желаниям и требованиям. Прошу ваше превосходительство принять уверения в чувствах преданности и привязанности, которые буду вечно питать к вам.

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 24—25.

Кардинал де Берни

¹ Скаврoнский Павел Мартынович, граф (1757—1793)—русский посланник в Неаполе.

² Z é l a d a Франциск-Ксаверий (1717—1801)—кардинал, собиратель древностей, начальник Ватиканской библиотеки.

³ Т. е. кардиналом Зелáда.

⁴ О пересылке Екатерине II копии процесса Анны Болейн см. в ее письме к Гримму от 17—19 октября 1778 г.—«Сборник Имп. Русского Историч. Общества», XXIII, 107.

XXXI. Г-жа НЕККЕР

[Март-апрель 1778 г.]¹

На любезное письмо ваше, отправленное из Берлина, я имела честь послать вам ответ в Петербург. Я упоминаю об этом, милостивый государь, чтобы вы не заподозрили меня в невнимании. По отношению к вам я невнимательной быть не могу, несмотря на тот вихрь, в котором без всякого для себя удовольствия я теперь кружусь. Я рождена для жизни тихой и уединенной, а благодаря занимаемому нами положению, нам достаточно часто приходится заглядывать в глубины человеческих сердец, отчего вкус к одиночеству только усиливается. Этими мыслями я могу поделиться с человеком, который долгое время правил делами огромной империи и, оставив в ней по себе вечное сожаление, сам ни минуты о былом не жалел.

С радостью узнали мы о том, что императрица осыпала вас знаками милости, а также личного своего благоволения.

Нам уже давно известно, что она поощряет заслуги даже иностранцев. Тем охотнее, конечно, награждает она заслуги собственных подданных.

То, что г. Гримм, в согласии с общей молвой, передает об этой государыне, представлялось бы совершенно невероятным, если бы сама она постепенно не приучила нас этому верить. Ибо, чтобы признать совершенство великого деяния или великой идеи, нам необходимо знать их оттенки.

Я видела г-на и г-жу Шуваловых²; они и сами по себе пользуются успехом в здешнем обществе, уже не говоря о том, что вызывают приятные воспоминания, которые действуют, как волшебный талисман, так что личное их обаяние становится, пожалуй, излишним. Общество наше живет той же жизнью, какой жило при вас; к сожалению, невозможно заставить себя верить, что оно всегда будет существовать и впредь, как до сих пор существовало. Я согласна с г-жей дю Деффан, что каждая минута, переживаемая нами сверх семидесяти лет, есть уже узурпация жизни, хотя ей лично и удалось оправдать такую узурпацию, сохранив привлекательность молодых лет.

Вам уже, наверное, доставлены три похвальных слова, посвященные гг. Тома, Мореле и Даламбером г-же Жоффрен³; трое мужчин выдающегося ума занялись составлением этого панегирика во славу умной жен-

щины и установили, что и ум имеет пол, что в нем может быть и пикантность, и утонченность, и даже обаятельность. Г-же де Ла Ферте-Эмбо⁴ эти восхваления не понравились: «Я отношусь к громкой известности,—говорит она,—как дети промотавшихся отцов, которые больше всего страшатся беспокойств и издержек».

Г-н Шувалов остался очень доволен певцом Петра Великого. Боюсь, однако, как бы стремление достигнуть совершенства не замедлило развития таланта поэта. Люди перестают вносить в свои произведения поправки, когда влюбляются в них, подобно Пигмалиону, и это обычное явление. Но в данном случае это происходит с читателями г. Тома, а не с ним самим.

Мы, наконец, увидели на сцене трагедию «Мустафа и Зеанжир»⁵. Не очень верно в ней переданы константинопольские обычаи и нравы; автор как бы предвосхищает то время, когда вы там воцаритесь: в его пьесе перед нами одаренные волей женщины и мужчины, признающие над собой их власть.

Нам говорят, милостивый государь, что вы потеряны для нас безвозвратно. Будет ли, однако, ваше бледное солнце оказывать на вас действие столь же благотворное, как взоры вашей государыни? Но в Петербурге ли или в Париже, в качестве ли украшения нашего общества или как причина грусти нашей—вы для г. Неккера и для меня всегда останетесь предметом лучших чувств и глубочайшего уважения.

К[юршо]-Неккер

Г-н Неккер свидетельствует вам свое почтение.

Автограф.—Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской».

¹ Датируется на основании литературных фактов, сообщаемых г-жей Неккер.

² Графа Андрея Петровича Шувалова и его жену, Екатерину Петровну.

УРОК ИГРЫ НА АРФЕ

На картине изображены г-жа Жанлис, ее приемная дочь Памела и воспитанница — дочь герцога Орлеанского — Аделаида

Картина маслом Мозена по рисунку Ж. Жиру, 1787 г.

³ Г-жа Жоффрен умерла в октябре 1777 г. Morellet Андре, аббат (1727—1819)—экономист, один из главных участников «Энциклопедии». О Тома см. прим. 1-е к письму V.

⁴ La Ferté-Imbault Мария-Тереза, маркиза де (1715—1791)—дочь г-жи Жоффрен. Известна своей ненавистью к друзьям своей матери—энциклопедистам.

⁵ Речь идет о трагедии Charnfort «Mustapha et Zéangir», впервые поставленной на сцене в 1778 г.

XXXII. ГРАФИНЯ ДЕ ГЮНОЛЬШТЕЙН

12 апреля 1778 г.

Со дня на день, милостивый государь, жду я минуты, когда стану матерью. Пользуясь тем, что я пока еще в состоянии дать вам весточку о себе, мне хочется заверить вас, что я о вас вспоминаю и неизменно предана вам. Надеюсь, что последнее мое письмо вами получено. Я не преминула бы, разумеется, сообщить вам обо всех наших новостях, если бы не была убеждена, что у вас здесь есть родственники и друзья, которые могли в этом отношении меня опередить и гораздо лучше меня справиться с ролью газетчиков. В том случае, если бы оказалось, что я одна могу давать вам сведения о происходящем, я охотно взялась бы за эту роль и держала бы вас в курсе всех событий.

Важным событием для государства является война, а для двора событием, и очень большим по своей неожиданности, является дуэль между графом д'Артуа и герцогом Бурбонским¹. У вас здесь так много друзей и вы так этого заслуживаете, что, наверное, имеете среди них аккуратного корреспондента. Я имела удовольствие беседовать о вас с очень расположенным к вам человеком—секретарем английского посольства; он еще молод и, надо признать, очень любезен; зовут его г. Фуллертон. Он только-что уехал отсюда, а принимая во внимание род его службы, приходится, к сожалению, думать, что нам не суждено более встретиться. Мне немного жаль, что прервалось это мимолетное знакомство, для меня тем более приятное, что оно началось с разговора о вас.

О войне уже не говорят, хотя она, повидимому, неизбежна. Те, чьи интересы она близко затрагивает, еще надеются, что она нас минует, а так как заинтересован в этом двор, то все стараются не подрывать этих надежд. У герцогини Шартрской недавние страшные опасения сменились иллюзией, которая может сказаться на ней роковым образом в день, когда объявят войну: герцогу Шартрскому² придется тогда немедленно сесть на корабль «Saint Esprit» [«Святой дух»].

Вашими политическими делами стали меньше заниматься с тех пор, как наши собственные вызывают к себе такое усиленное внимание. Но меня лично ничто не может так заинтересовать, чтобы я перестала интересоваться вами, и я всю жизнь не утрачу этого интереса к вам.

Вы просите сообщить вам что-нибудь о г. Лафайете. С тех пор, как Франция заключила договор с инсургентами, его положение стало особенно блистательным, так как вся нация оправдала и признала правильными его действия и пошла по его следам. Вы, конечно, знаете, что он был ранен, но не опасно. В декабре месяце он произвел нападение на отряд англичан и проявил в этом деле большой героизм. Кое-кто завидует его судьбе, у других она вызывает восторг. Его возвращение (если только суждено ему вернуться) будет минутой всеобщего энтузиазма к нему, недешево ему обошедшегося, но вполне им заслуженного; но до

сих пор нет и речи о его возвращении: никто ведь не знает, не предстоит ли нам еще вторая американская кампания.

Примите миллион нежных приветов от всего нашего семейства. Все к нему принадлежащие любят вас и с удовольствием, но и с грустью вспоминают о вас. Не забывайте нас и будьте счастливы, как того заслуживаете. Прощайте. Леди Стормонт³ не раз поплакала, уезжая отсюда,—мы с ней часто вспоминали о вас в наших беседах.

Барбантан де Гюнольштейн

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 133—135.

¹ Эта дуэль двух «принцев крови» была вызвана оскорблением, нанесенным братом Людовика XVI, графом d'Artois, жене герцога Бурбонского.

² Герцог Шартрский—см. выше, прим. 3-е к письму XXVII.

³ Леди Stormont, жена английского посла в Париже, принуждена была отсюда уехать после разрыва дипломатических отношений Англии с Францией в начале 1778 г.

XXXIII. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Буасси, 19 июня 1778 г.

Я ничего не имею, граф, против роскоши, существующей при дворах, и даже считаю ее необходимой. Мне нравятся пышные празднества, мне нравится, что трон окружен некоторым блеском; я согласен даже предоставить ему исключительное право на роскошь, было бы только предоставлено зажиточным слоям населения право на истинное счастье, а бедному классу—право спокойно существовать своим трудом.

Именно такова, думается мне, истинная цель правления великой государыни, и, не сомневаясь в ее заботе о благоденствии подвластных ей народов, я считаю, что блеск, которым она окружена, приличествует величию ее власти. Иначе смотрел я на торжества при дворе герцога Вюртембергского: они совершенно не соответствовали его мощи, а так как население там отнюдь не благоденствовало, то чрезмерное великолепие было неуместным и не давало сердечного удовлетворения. Да, граф, все хорошо на своем месте. Вот почему я разделял вашу радость по поводу рождения наследника, столь драгоценного для вашей монархии¹.

Мы попрежнему умеренны и сильны. Повсеместно и хорошо вооруженные, мы исполнены готовности ко всякому приемлемому для нас соглашению. Мы не стремимся ни к каким завоеваниям, мы хотим одного—стать самой цветущей из стран на земле; таковы взгляды нашего правительства.

Что касается Англии, то ее намерения предвидеть трудно: ей все хочется быть владычицей морей, но такое единовластие природой не установлено, ибо море является общим достоянием. Тех средств, к преобладанию какими она располагала до отделения колоний, у нее теперь нет, и так как скипетра из литого золота у нее сейчас быть не может, она пытается заменить его хотя бы картонным, но золоченым. Это, однако, заблуждение с ее стороны, ибо замыслы, сами по себе, реальной силой еще не являются, а действительность далеко не всегда соответствует желаемому. В настоящее время Англии следовало бы отказаться от Америки (хотя бы и не признав ее независимости), отозвать отсюда войска свои и флот и, усилившись, таким образом, дома, выдвинуть новую, соответствующую новым обстоятельствам политическую систему. Такие решительные

повороты в политике всегда даются с трудом и тяжелы для самолюбия, но от этого они не менее обязательны. Проиграв половину своих средств, игрок играет по маленькой, без излишнего шума, играет с большей осторожностью, внимательно учитывая выпавшие на его долю преимущества; если почувствует, что ему повезло, он немного увеличивает свою ставку, усиливая ее, когда видит, что риск невелик. В конце концов, дела его поправляются, когда уже нельзя было на это и рассчитывать. А рядом другой игрок то и дело играет на квит или на двойной выигрыш, проигрывает, теряет возможность исправить дело и окончательно губит себя смелыми, но бесплодными попытками. Который из двух, полагали бы вы, на более верном пути?

Говорят, впрочем, что испанский посол в Англии, граф д'Альмадовар, должен добиться соглашения между Францией, Англией и независимыми колониями, которое обеспечит им всем и выгоды и мир. Возможно, что это лишь слух, в справедливость которого я все же не отказываюсь верить.

Мне приходится управлять лишь делами собственной семьи, но принципы мои, хорошо вам известные, быть может, применимы и к более обширному обществу людей. Мы достигли того, что все живем в согласии, счастливы, до такой степени привыкли к порядку, что уже не можем без него обходиться, у нас одинаковые понятия, одинаковый образ жизни, мы одинаково одеты и вдесятером живем единой душой, руководствуясь очень простыми правилами, соответствующими естественному порядку вещей, а частью выработанными и воспитанием, и следуем этим правилам по убеждению. Присоедините к нашей семье вторую, третью, четвертую и т. д.—и перед вами огромное общество, руководящееся теми же правилами и столь же счастливое. Чтобы достигнуть этого, надо только понять, что в мире есть лишь один властелин—природа, а вернее, ее создатель—начало всех законов, управляющих жизнью вселенной, и по отношению к которому всякая человеческая власть является только исполнительной властью, его волю осуществляющей.

Служить, граф, мне предстоит под начальством маршала де Броли², моего дяди, и мы уже получили приказ быть на месте 1 июля. Граф и графиня Шуваловы делают нам честь, иногда посещая нас в Буасси, но, к несчастью для меня, они меня ни разу дома не заставляли. Надеюсь, все же, что мне как-нибудь посчастливится в этом отношении.

Никаких новостей у нас здесь нет. Смерть Вольтера не произвела особенно сильного впечатления, и такое великое событие не вызвало появления ни одного хорошего стихотворения³. К великому огорчению воспитателя моих детей, г. Перро, наше поэтическое творчество, несомненно, переживает упадок; его место в настоящее время заняла наука, и особенно политическая экономия. Беременность королевы протекает нормально. Примите, граф, привет и пожелания от целого семейства, которое не столько надеется, сколько желало бы увидеть вас и посылает вам заверения в неизменной своей преданности.

Граф де Караман

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 57—61.

¹ Александра Павловича (Александра I), родившегося 12/23 декабря 1777 г.

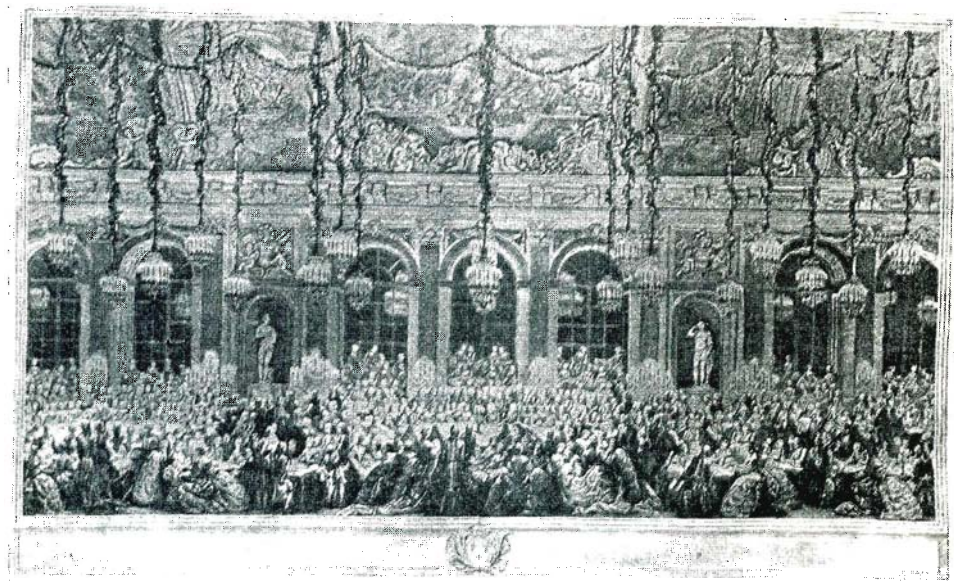
² Broglie (французское произношение Бройе) Виктор-Франсуа, герцог де (1718—1804)—маршал Франции.

³ Вольтер умер в Париже 30 мая 1778 г.

XXXIV. ГРАФИНЯ ДЕ ГЮНОЛЬШТЕЙН

Париж, 6 августа 1778 г.

Я получила, милостивый государь, последнее ваше письмо и поздравления, которые вам угодно было мне послать. Меня очень тронуло, что вы так поторопились ответить на мое письмо и проявляете такое внимание ко мне по случаю рождения сына. Он, слава богу, здоров. Вы собираетесь сделать мне подарок. Боюсь, что не успею предупредить вас не делать этого, а между тем, мне очень хотелось бы убедить вас отказаться от этого намерения. Пока вы были здесь, я могла бороться с затеями, на которые (по самым незначительным поводам) то и дело вдохновляла вас прирожденная ваша щедрость, и в то же время у меня была полная воз-

ПРАЗДНЕСТВА В БОЛЬШОЙ ГАЛЛЕРЕЕ ВЕРСАЛЬСКОГО ДВОРЦА ПО СЛУЧАЮ СВАДЬБЫ
ДОФИНА, 1745 г.

Гравюра Копена-отца по рисунку Копена-сына

можность высказывать вам свою благодарность, тогда как при разделяющем нас теперь расстоянии я одинаково лишена и возможности бороться с этим, и находить удовлетворение в выражении своей признательности. Благодарность письменная—нечто очень холодное. Убедительно прошу вас не посылать предназначенных мне подарков, если только эта просьба моя не окажется запоздалой. В случае же, если вы уже успели отправить подарок, примите от меня заранее огромную благодарность.

Вы, вероятно, уже осведомлены о происшедшем 27 июля очень непродолжительном сражении¹. Хотя успех был сомнительный, у нас считают, что он на нашей стороне, а потому в воскресенье назначено молебствие в Нотр-Дам. Говорят, что убит адмирал Реппет, а то обстоятельство, что до сих пор из Англии не поступает никаких сообщений, придает вероятность этому печальному для англичан слуху. В этом сражении отличился герцог Шартрский. Он приезжал ненадолго в Париж, где был чрезвычайно радостно и восторженно встречен народом. Сад две ночи

сиял огнями и иллюминацией. Во время ужина прибыла Опера, и певцы исполняли соответствующие случаю песни и куплеты, в чем принимала участие и г-жа Арну²; вокруг стола собралась несметная толпа, а ужинающих было невероятное количество. Герцогиня Шартрская являлась олицетворением счастья: она, как будто, и не проезжала семидесяти льё, мчась навстречу своему мужу; а я на «крыльях амура» не неслась и очень устала от двух ночей, проведенных в карете. Все были очень растроганы этим проявлением радости. Но, увы, нам снова пришлось впасть в печаль и тревогу: едва успели мы перевести дух, как герцог Шартрский уже отправился навстречу новым опасностям.

Много говорят о предстоящем втором сражении. После него, в случае, если оно окончится в нашу пользу, нам предстоит экспедиция к островам Джерси и Гернси, а иные говорят, в Ирландию; но прежде всего необходимо путем крупной победы добиться господства на море, а удастся ли это, далеко не ясно, так как морские силы у обеих сторон совершенно равные.

Большую радость доставило мне известие о том, что вы заключили мир с турками³. Здесь пронесся слух, что недолго ждать заключения мира между императором и королем прусским. Но пришли новые известия, совершенно это опровергающие. Истинного положения дел мы здесь, впрочем, все еще не знаем. В Европе, положительно, начинается всеобщий пожар,—ведь нам теперь угрожает Голландия!

О г. д'Эстене⁴ достоверных известий нет, но на него возлагаются большие надежды. Г-н де Лафайет, как говорят, намерен совершить свой обратный путь под его эскортом; это будет с его стороны очень разумным решением, потому что море в настоящее время—большая дорога, кишущая разбойниками. Недавно приехала графиня Эстергази; здоровье ее по-прежнему непрочное. Дочь ее очаровательна. Они поселились в Пьемонтском отеле, в тех самых комнатах, которые занимали вы. Прощайте, милостивый государь. Прошу вас верить моей сердечной и неизменной привязанности к вам.

Барбантан де Гюнолыштейн

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 137—139.

¹ 27 июля 1778 г. произошло морское сражение у острова Ouessant, в 43 километрах от Бреста.

² Agnould Софи (1744—1802)—знаменитая певица парижской оперы.

³ В 1778 г. войны между Россией и Турцией не было, но положение было очень натянутое; правительство Екатерины II достигло некоторого успеха, принудив Турцию признать крымским ханом ставленника России, Шагин-Гирея.

⁴ D'Estaing Шарль-Анри, граф (1729—1794)—адмирал; во время войны Франции с Англией командовал французским флотом у берегов Северной Америки.

XXXV. Г-жа НЕККЕР

Париж, 8 сентября 1778 г.

Истинное наслаждение доставила мне, милостивый государь, примиряющая философия, которой проникнута каждая строка любезного вашего письма. Я так и знала, что вы чрезвычайно преуспеете в своем отечестве именно потому, что вы не такой, как все, и знала я также, что сами вы окажетесь выше этих своих успехов. Вы извели два противоположных образа жизни. В Париже вы наслаждались покоем, дружескими отношениями и независимостью, а я очень хорошо понимаю, как сладостно понемногу, без всяких потрясений приближаться к ожидающему всех нас концу. В Петербурге вы долго имели в своих руках власть,

ради которой нам приходится ставить свои дружеские отношения ниже забот о человечестве и, рассматривая людей, как нечто отвлеченное, иметь в виду человечество в целом. Тут приятные нам чувствования надо приносить в жертву чувствам более возвышенным, но именно тут-то те самые тревобления жизни, которые, мнилось, возносят нас выше нас самих, на самом деле дают нам лишь крылья, на которых мы быстрее прежнего мчимся к могиле.

Нынешнее ваше положение представляет собой середину между обеими крайностями. Вы обладаете достаточным влиянием, чтобы приносить пользу, но в то же время не несете ответственности за результаты этого влияния. Как бы ни были мы рады вновь видеть вас здесь и какого бы высокого мнения ни держалась я о силе вашего духа, в самом себе умеющего находить удовлетворение, я все же не решилась бы призывать вас покинуть такой двор, где государыня умеет отличать людей по их достоинствам и приковывать их к себе не чем иным, как только оделяя их милостями, и где вы можете содействовать царству разума, благодаря влиянию своему и образу мыслей, столь же свободному от предрассудков, как и плененному всеми добродетелями. В Париже вы, конечно, были бы окружены лаской, вы это знаете по опыту, но мне с моего места ясно видно, что нам нечем похвалиться перед другими столицами. Чем дольше я живу, тем больше вижу сходства между скоплениями людей и вентиляторами: они высасывают весь имеющийся в стране запас испорченного воздуха, и, сгущенный в одном месте, он еще более портится. Правда, что со времени войны я так и не научилась смотреть на вещи сквозь розовые очки. Среди того безумия и разрушения, которого мы были свидетелями, даже доставляемые обществом удовольствия стали казаться чем-то нелепым, и несмотря на всю склонность к литературе, я очень плохо теперь осведомлена о вновь появляющихся произведениях. Книгу г. де Лагарпа¹ я назвала бы прекрасным руководством по части вкуса. Появись она в век Людовика XIV, ей очень бы посчастливилось, но в наше время писатели наши слишком отдались свободе и даже своеволию, чтобы чувствовать потребность в каких-нибудь законах.

Вы, как оказывается, похищаете у нас последние и самые ценные памятники ума и духа Вольтера² и славите в Петербурге его память, тогда как в Париже она подвергается поруганию. Вот что называется гнаться за славой до самого Тартара*. А вот вам не приходится гнаться за ней так далеко,—она всегда и всюду сама за вами гонится. Мне очень хорошо известно, что она, подобно лафонтеновской фортуны, не дается тому, кто ее проспит, но сейчас она уже закована вами в цепи, и отныне, без дальнейших стараний с вашей стороны, вечно будет вашей рабой. Письмо, на которое я сейчас имею честь отвечать вам, милостивый государь, является единственным полученным мной от вас с того времени, как вы прибыли в Петербург. Я очень жалею о тех, которые затерялись, потому что сохраняю на всю жизнь живую благодарность к вам за ваше доброе ко мне отношение, и мне искренно хочется выразить вам свою преданность и нерушимую привязанность.

К[юршо]-Неккер

Г-н Неккер свидетельствует вам свое почтение.

Автограф.—Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской».

* Непереводимая игра слов: «Tartare» значит «Тартар» и «татарин».—Ред.

¹ L a h a g r e Жан-Франсуа (1739—1803)—известный французский драматург и критик, последний крупный теоретик французского классицизма. Автор знаменитого курса истории литературы «Le Lycée» (17 vv.). В течение длительного времени был литературным корреспондентом А. П. Шувалова и вел. кн. Павла Петровича (будущего Павла I).

² Намек на покупку Екатериной II библиотеки Вольтера.

XXXVI. Г-жа ТРОНШЕН

Женева, 12 сентября 1778 г.

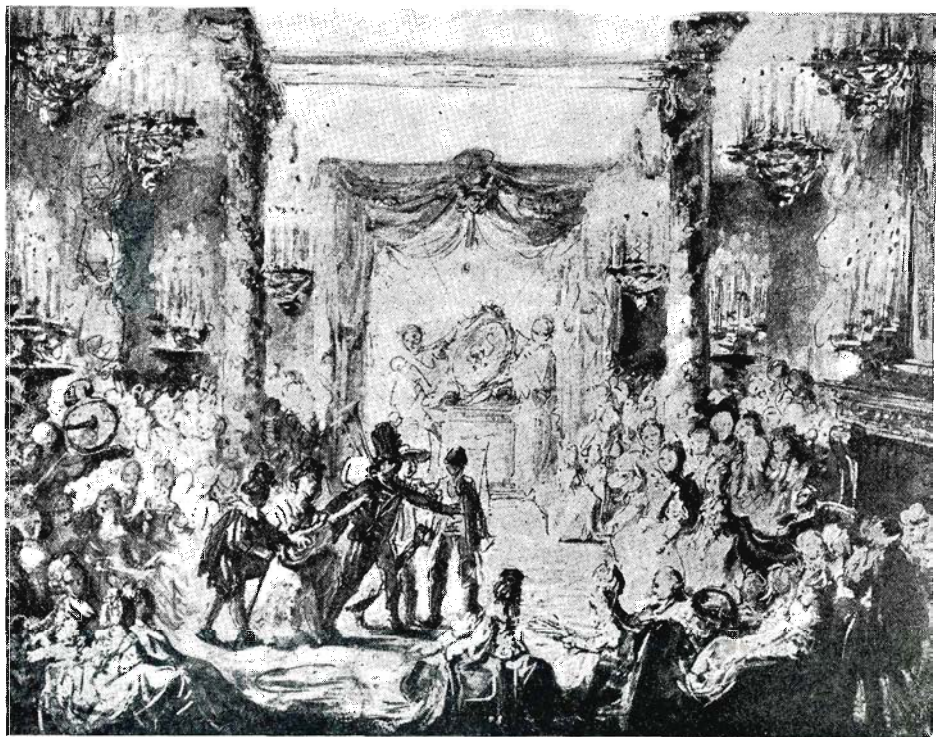
Меня только-что так порадовали, любезный генерал, дорогой государь мой и достославный камергер, что мне самой захотелось вас поздравить. Обо всем мне про вас сообщил русский, по фамилии г. Катишон, Катишу, Катиша. Его мне рекомендовал этот сумасшедший князь Белосельский, но лучшей рекомендацией ему была, в моих глазах, возможность поговорить с ним о вас, почему я и приняла его чрезвычайно любезно. Он с сожалением покидает Париж, отправляясь в Италию, куда назначен советником посольства; судя по его виду, он обставлен не лучше советников нашей республики.

Не имея счастья быть у ног такой небесной императрицы, как ваша, я собираюсь вернуться в очаровательную нашу столицу. Уеду я, вероятно, в конце месяца: я здесь жду моего брата, который на-днях должен вернуться из своих больших путешествий, северных и южных. Обниму его и уеду. Я хотела бы видеть вас в Париже, если бы не знала, что на вашу долю выпало такое счастье. Я, наверное, увижусь с вашими приятельницами—маршалышами и всласть наговорюсь с ними о вас; я знаю, как вас тут любят, и с к а ж у о т к р о в е н н о, с чисто гельветской прямоотой, что любовь эта вполне заслуженная. Здесь мне любезно выражают сожаление по поводу моего отъезда из этой страны, окруженной горами, но поистине очень плоской*. Я имею в виду зимнее время, потому что лето нигде нельзя провести приятнее, чем здесь. Красивое озеро, великолепный вид на горы, загородные дома, как бы расставленные в определенном порядке рукой человека, любезные и образованные их обитатели—все это делает Женеву очаровательным летним местопребыванием; я поэтому в мае и собираюсь сюда вернуться. Я нужна сыну, который очень хотел бы, конечно, засвидетельствовать вам свое почтение. Беру на себя смелость утверждать, что он становится очень интересным человеком, и в случае, если ему когда-либо придется ехать в Россию, я буду просить вас, милостивый государь, разрешить ему явиться к вам на поклон.

Я часто получаю письма от принцессы Монморанси и других моих знакомых. Они все еще не перестают доказывать мне, что помнят меня. Добрейший кардинал де Роган² прислал мне свой портрет. Слышали ли вы о том, какие огорчения доставила ему племянница его, принцесса де Рошфор? Она в монастыре и, вероятно, на всю жизнь; у нее родится ребенок, которым она беременна по 7-му месяцу. Вам незачем пояснять, какое это страшное горе для такой почтенной семьи. Г-жа де Монморанси только-что получила в наследство 800 тысяч франков; свою племянницу, проживающую в Брюсселе, она выдает замуж за князя д'Эльбёф. Императрица³ дала разрешение на вывоз имущества, которым та владела в ее стране.

* Игра слов: «plat»—значит и плоский по форме, и пошлый, малоинтересный.—Ред.

Вчера я обедала среди тюков, участи которых завидую: это тюки с библиотекой великого, дорогого нашего Вольтера. Боже мой, как недостает мне его! Вам ведь известно, как хорошо он ко мне относился. Потеря столь редкостного гения будет всегда ощущаться. Ваша государыня дает прекрасное доказательство того, как она его ценила. Я обедала у моего дядюшки в Делис, в галлерее, где эти тюки сложены. Они будут отправлены в марте⁴. К тому времени к моему дяде должен прибыть г. Grimm. Дядя поручил мне напомнить вам о себе. Это достойный всяческого уважения философ и образованный человек. Ваша соотечественница, г-жа Крамер⁵, также просила меня передать вам тысячу привет-

СЦЕНА ПРИДВОРНОГО ПРАЗДНЕСТВА. ВЫХОД МАСОК

Рисунок Г. Сент-Обена

ствий. Ее муж сопровождает в Париж герцогиню д'Овиль. Так как она великий эконоом, ему нечего бояться этого пребывания с нею с глазу на глаз: с него ничего не потребуют. А вот нельзя ли мне, совсем не эконоому, потребовать от вас сколько-нибудь обстоятельного письма, которое осведомило бы меня о состоянии вашего здоровья и обо всех ваших делах? Я имею право на все эти подробности, всегда важные для друзей, а разве найдется у вас друг более нежный, чем ваша Кошениль? Твердо верьте моей дружбе, милостивый государь, а также полной моей готовности выполнить все, что вам потребуется в Женевской республике.

Лаба Троншен

Г-н Троншен заверяет вас в своем почтении и сердечной преданности.

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 170—173.

¹ Автор настоящего письма, г-жа T r o n c h i n, была, повидимому, невесткой известного врача, Теодора T r o n c h i n (1709—1781), и племянницей женевского юриста, Франсуа Троншена. Оба они были близкими друзьями Вольтера.

² R o h a n Луи-Рене, князь де (1734—1803)—кардинал, замешанный в знаменитом деле с «ожерельем королевы».

³ Императрица австрийская Мария-Терезия.

⁴ Историю приобретения библиотеки Вольтера и перевозки ее в Россию см. в настоящем томе, в работе В. Люблинского «Наследие Вольтера в СССР», гл. IV, 166—177 (особенно ср. 165—166).

⁵ К р а м е р, урожденная Веселовская—дочь Ф. П. Веселовского (о нем см. выше, стр. 267, прим. 1-е к предисловию).

XXXVII. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Рим, 5 ноября 1778 г.

Письмо ваше, граф, которым вы удостоили меня в истекшем октябре месяце, мною получено, и я незамедлительно начал подыскивать не видевшие печати старинные рукописи классических авторов, ввиду того, что совершенно бесполезно было бы приобретать списки с того, что уже напечатано и стало достоянием публики.

По прилагаемой описи вы увидите, с каких именно рукописей я мог бы, при большой затрате времени и денег, получить копии; вряд ли представляют они такой интерес, чтобы включать их в библиотеку вашей августейшей государыни, вот почему я приступлю к заказам лишь по получении ее распоряжений¹. Все так называемые классические авторы уже напечатаны; очень приятно иметь самые оригиналы, но после их напечатания рукописные копии с них уже не представляют никакой ценности. Это совершенно напрасная затрата средств. Оставив в стороне классических авторов, можно найти очень интересные, еще не опубликованные рукописи. Но вам незачем пояснять, что ни здесь, да и нигде вообще не дадут разрешения делать списки с некоторых из этих документов. И тем не менее, быть может, не совсем невозможно приобрести кое-что одновременно и редкостное и любопытное. Императрица, при широте ее замыслов и возможностей, которыми она обладает, могла бы повелеть произвести изыскания в Греции, на Востоке, даже в Азии, в Китае и Индии; и хотя несколько государей до нее уже начали вспахивать это великое поле, все же, особенно в монастырях, наверное, остались очень любопытные вещи; собрать их было бы полезно для науки, а предоставить их в распоряжение ученых было бы делом, достойным вашей августейшей государыни. Мне представляется, что перед ней следует развешивать только широкие планы, ибо только они могут соответствовать широте ее ума. Книгопечатание уже исчерпало литературную сокровищницу нашей Европы; надо приняться за разработку иных рудников—за ее пределами.

Прошу вас передать ее императорскому величеству, что я припадаю к ее стопам и заверяю ее в своем горячем желании угождать ей и всячески содействовать выполнению благодетельных ее замыслов.

Огромное влияние ваше на августейшую эту монархиню является справедливой наградой за достоинства ваши, за возвышенный ум ваш и за то обаяние, которого исполнено общение с вами. Я этому влиянию радуюсь—за ваше превосходительство, ибо так давно и так сердечно вам предан, но позволяю себе, при этом, высказать, что милости, которыми оделяет вас императрица, ей самой делают, пожалуй, такую же честь, как и вам. Вам лучше, чем кому-либо другому, известны все опасности, с какими сопряжена жизнь при дворе; все они, однако, будут предотвра-

щены, благодаря достоинствам вашей государыни и вашей большой опытности.

Вам известно, что я всегда был сторонником сближения вашего двора с тем, к которому сам принадлежу. Все, что обещает способствовать этому сближению и усилению связи между ними, очень меня занимает и оживляет мои надежды. Шлю вам, граф, самые искренние свои пожелания и заверения в сердечнейшей и неизменной преданности.

Кардинал де Берни

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 25—28.

¹ См. выше, письмо XXIX.

XXXVIII. Г-жа НЕККЕР

Париж, 18 ноября 1778 г.

На интересное ваше письмо, граф, я имела честь послать вам ответное с курьером князя Барятинского. Я достаточно глубоко чувствую, какую большую честь вы мне оказываете своим доверием. Но такое доверие никакими опасностями вам не угрожает. Чувства, вас одушевляющие, если бы стали известны, могли бы только увеличить общее уважение, которым вы пользуетесь; а если бы у вас были и тайны, то мое сердце не оказалось бы неверным их хранителем.

Когда вы уезжали, я уже предвидела, что милости и почести задержат вас в Петербурге. Императрица ваша обладает такой чуткостью к достоинствам и дарованиям людей, что не могла упустить ни одного средства, чтобы удержать вас при себе. Отличия, в таком изобилии вами полученные и столь вами заслуженные, лишают меня всякой надежды когда-нибудь вновь свидеться с вами в нашей стране. Нам приходится довольствоваться тем, что мы будем постоянно вспоминать о вас. Мне совершенно не нужны были видимые доказательства вашего дружеского ко мне отношения; оно в высшей степени служило мне к украшению и тогда, когда я еще не носила ваших соболей. Моя муфта приводит в восторг всех знатоков. Она вызывает у них такие восклицания, точно они угадывают, как она мне дорога. Но из всех редкостей как вашей страны, так и всех прочих самой большой редкостью и самой для меня ценной является уважение человека, который ни разу в жизни не злоупотребил своей огромной властью, который создавал счастье частных лиц и умел быть счастливым, когда сам сделался частным лицом,— уважение человека, не забывающего своих друзей даже на расстоянии тысяч льё от них, а к тому же способствующего делу просвещения во Франции, помогая великому Бюффону совершенствовать свои труды, на что последний непрестанно указывает.

Вы, оказывается, испросили у императрицы милостей для несчастного Руссо¹. Вполне достойно вас такое движение души, всегда привлекательное, но особенно полное благородства, когда его предметом является судьба великого человека.

Мне случайно привелось иметь в руках в течение всего нескольких дней его мемуары². На мой взгляд, это попытка осуществить совершенно необыкновенный замысел—попытка раскрыть не человеческое сердце вообще, а обнажить до конца сердце отдельного человека. В полную противоположность Монтеню³, умевшему находить в изгибах своей души черты общие всем людям, Руссо выискивал в себе только странные мысли

и чувства, представляющие какой-нибудь интерес лишь благодаря той капле нектара, которая всегда стекала с кончика его пера, лишь в силу глубокой чувствительности, сближавшей его с людьми даже в те минуты, когда он, повидимому, особенно отдалялся от них. Тот, кто взглянется в это изображение, столь правдивое и волнующее, уже не будет удивляться недоверчивости и подозрительности Руссо, ибо не было в нем ничего, что могло бы служить для него мерой, не было у него никакой возможности произнести положительное суждение. В высшей степени любопытны поэтому эти мемуары. В них мы видим ребячески-наивную восторженность по отношению к мелочам, которые были бы недостойны пера такого писателя, если бы это перо не умело придать им такую красоту. И видим, как не меньшее значение приписывается всем безумствам зрелых годов. Эта правдивая передача первоначальных наших представлений, которые у писателей обыкновенно исчезают под влиянием размышлений, чрезвычайно поучительна и прекрасно выясняет и происхождение и постоянное развитие как таланта его, так и душевного его склада.

Я собиралась поговорить с вами о войне, но надо бросать перо. Князь сообщает, что отправляет курьера. Письмо мне приходится кончить, но не будет конца заслуженным вами чувствам уважения и привязанности со стороны двух лиц, сердечнее, чем кто-либо в нашей стране, вам преданных и к вам расположенных.

К[юришо]-Неккер

Автограф.—Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской».

¹ Руссо умер 2 июля 1778 г. Остается неясным, когда именно и о чем ходатайствовал Шувалов относительно Руссо перед Екатериной II.

² «Мемуары» Ж.-Ж. Руссо—его знаменитая «Исповедь» («Confessions»), в то время еще не изданная.

³ Montaigne Мишель (1533—1592)—известный писатель-скептик, автор знаменитых «Essais».

XXXIX. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Париж, 19 ноября 1778 г.

Какой великолепный подарок, граф! Никогда в жизни не приходилось мне видеть таких чудесных соболей и таких безупречных горностаев. Мы будем щеголять в дарах ваших щедрот. Ставки пари, вами предложенного, поистине не были равны, ибо никогда бы не могла Шампань дать вина столь превосходного, как превосходен этот мех. Разрешите же всей нашей семье, получающей от вас такие знаки внимания, присоединившись ко мне (хотя бы на портрете), почтительнейше выразить вам нашу общую благодарность. Это и есть то «посещение», о котором предупредила вас г-жа де Караман,—посещение, которое нам очень хотелось бы осуществить в действительности. Вы тут увидите растущий в Буасси платан, стол для чаепития; узнаете знакомый вам сад, который вам так нравился и где так часто будет теперь недоставать вас друзьям вашим. В этом отношении мы питаем лишь слабую надежду, но сохранять хотя бы бледный ее луч все же лучше, чем впадать в полную безнадежность.

Мы разделяем с вами, граф, то удовлетворение, которое, наверное, доставляют вам столь заслуженно получаемые вами отличия. В России это, без сомнения, всеми приветствуется, а все те, кому на долю выпала честь встречаться с вами во Франции, как бы заодно с вами испытывают чувство признательности; но неужели же им так и не придется вновь увидеться с вами?

КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Гравюра Д. Кюнего с портрета А.-Ф. Калле

Европа, мне кажется, вступает в период долгого и всеобщего замирения. Вы накануне соглашения с Портой¹; у короля прусского и императора прошел их первоначальный пыл, и нынешней зимой они, вероятно, придут к соглашению. Позиция, занятая Испанией, очень благоприятствует заключению нашего договора с Америкой и Англией². Потеря или приобретение пятидесяти кораблей может в данном случае произвести определенное впечатление. Одна из двух наций хочет мира, другая не склонна вести войну, которую, можно сказать, сама же и затеяла. Наш флот идет вперед гигантскими шагами; моряки наши совершенствуются в своем искусстве; наша артиллерия превосходит английскую; и если они допустят развитие наших морских сил до степени, которую они, вероятно, считали невозможной, им придется, пожалуй, пожалеть, что они сами же нас на это и вызвали; таким образом, все желают мира, и мир будет заключен.

Дух времени слишком проникнут философией и бережливостью, чтобы мыслимы были такие крупные расходы, когда силы так уравновешены, что могут только сталкиваться друг с другом, без решительного перевеса на чьей-либо стороне. В наше время война является лишь несоразмерным расходом государственных средств; этой истиной мы обязаны господству философского духа, благодаря которому войны станут вскоре столь же ненавистны, как крестовые походы.

На море неудачи наши уравниваются удачами: мы взяли Сан-Доминго, захватили много корсарских и транспортных судов, четыре военных фрегата, а сейчас, по слухам, взяли и пятый, но потеряли много коммерческих кораблей, большая часть которых была, надо заметить, застрахована у английских банкиров. Я только-что совершил поездку по всей Франции, и война нигде совершенно не чувствуется; все говорит об изобилии и усиленной хозяйственной деятельности, и если кое-кто из наших негоциантов и обанкротится, то с сельским хозяйством этого отнюдь не произойдет.

Все, кем вы, граф, интересуетесь, находятся в добром здравии. М-ле Клэрон³, наверное, горько оплакивает смерть г. де Вальбеля, которого поразила апоплексический удар в помещении военного министерства, после чего он жил не более двух часов.

Герцог Шартрский покидает флот и получает должность полковника легкой кавалерии, для него созданную. Прибавлю к сказанному, что мы ожидаем появления на свет драгоценного для Франции младенца. Других новостей у меня нет. Примите, граф, выражение самой искренней, самой нежной и нерушимой преданности, сохранить которую до гроба клянется

Граф де Караман

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 54—57.

¹ В 1778 г. отношения между Россией и Турцией настолько обострились, что грозили разрывом; однако, в марте 1779 г. было заключено между ними соглашение (главным образом, о Крыме), устранившее опасность войны.

² Соглашение между Англией, Францией и Соединенными штатами не состоялось, и американская война окончилась только в 1783 г. признанием независимости Соединенных штатов.

³ Clairon Клэр (1723—1803)—знаменитая трагическая актриса, особенно высоко ценимая Вольтером. Не менее, чем артистическими успехами, Клэрон славилась галантными похождениями.

XL. ГРАФ ДЕ ТРЕССАН¹

[Не ранее июня 1778 г.]²

... Граф, вы, сочетавший философию [Абарэ] с отвагой Одина, с добродетелями мудреца, воплотивший ум и обаяние всех наций, вы должны простить мне мое желание предаться игре воображения; не достаточно ли времени посвятил я мемуарам на пользу военного дела и академий наук, чтобы позволить себе позабавиться и сочинением сказок? Я возымел желание отнять у испанцев Амадиса Галльского, сочиненного, как я в том уверен, нашими французскими повествователями времен Филиппа-Августа. Все многословные и пространные продолжения Амадиса я уступаю испанцам, но что касается Амадиса Галльского, то я решил установить за французами право собственности на этот прекрасный роман. Убедительно прошу вас, граф, стать посредником между давно и всегда готовым к вашим услугам человеком и ее императорским величеством. Найдется ли хоть один мыслящий человек, который не пожелал бы так или иначе выразить ей свое почтение и преклонение перед ней? Старого друга моего, Вольтера, уже нет. Только вы, граф, и можете на мгновение приблизить меня к подножию трона героини и законодательницы Севера. Вы оказали бы мне большую честь и очень бы меня одолжили, если бы отозвались ей обо мне, как о человеке, исстари готовом служить вам. Да удостоится ее милостивого отношения мой вольный перевод романов об Амадисе и да признает она, что он написан тем сло́гом, которым вы в таком совершенстве владеете и образец которого я еще раз хотел бы получить от вас.

Имею честь быть и пр.

Граф де Трессан, генерал-лейтенант французской армии и член королевских академий наук парижской, лондонской, берлинской, эдинбургской и т. д. и т. д.

Копия.—Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), Москва. Рукописная биография И. И. Шувалова.

a Nam. le 4 sept. 1773.

Jay vu vos échantons, par ch. le Baron
chengden. La lettre que vous m'avez
fait honneur de m'écrire le auj de
votre dernier, she ne m'a été remise
qu'aujourd'hui quelques jours. entre en ces
vapeurs par dantes de l'attention que
j'avais tout'ant sur les amis en pour
les congratuler, ainsi qu'il se conviendrait
me faire. Amitez me parais-faisable
Je ne puis plus, mon cher général, de
vous posséder ailleurs ici en hiver, vous

mei mieux aimé donner la préférence
à nos voisins méridionaux, lorsque
je ne saurais vous en faire les honneurs
malgré cela, mes vœux vous suivront
partout, et j'espérerai toujours de vous
voir encore de votre société et
donner à votre excellence du premier
sejour ancien et inviolable attachement

Le Card. de Bernis

J'espère de vous en dire
à mon illustre empire et de
voltaire que j'espère exhaler
toujours.

¹ Tressan Людовик, граф де (1705—1783)—военный деятель и писатель, занимавшийся изучением и воскрешением старофранцузской и провансальской средневековой поэзии, находившейся в XVII—XVIII вв. в полном забвении; автор целой серии пересказов (exposés) рыцарских романов (публиковались в серии «Bibliothèque des Romans» в его «Euvres choisies», P., 1788—1791, 12 vv.), переводчик поэмы Ариосто «Orlando furioso» и др.

² Из содержания письма видно, что оно адресовано Шувалову в Петербург после его возвращения в 1777 г. и написано после смерти Вольтера (30 мая 1778 г.). Более точной датировке не поддается.

ХЛІ. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Париж, 27 января 1779 г.

Величайшую радость, граф, доставило мне письмо, которым вы меня удостоили. Оно позволяет мне питать некоторые надежды на возможность увидеться с вами, но надежды эти куплены опасениями за ваше здоровье. Нет никакого сомнения, что мягкий климат наш гораздо более соответствует вашей натуре, с трудом выносящей холод. Я очень рад, что небольшая картинка моя доставила вам некоторое удовольствие. Замысел ее принадлежит г-же де Караман и выполнен в намерении засвидетельствовать этим скромным преподношением нашу вам преданность.

Вы, как говорят, собираетесь установить мир среди воюющих германских государей¹. Голландия сохраняет свой нейтралитет. Мы, в свою очередь, стараемся указать Англии подобающее ей место и убедить, наконец, эту почтенную и надменную нацию, что море—общее достояние, а не чья-нибудь держава. Тогда для всего человечества настанет мирное существование, белый флаг появится на Темзе, а красные флаги—на реке у Бордо. Исключительное себялюбие вызывает всеобщее возмущение и приводит к печальным последствиям для тех, кто его проявляет; к таким же последствиям приводит и исключительное властолюбие. Будем управлять каждый своим достоянием и свободно обмениваться излишками—вот чего требуют американцы, и этому требованию придется пойти навстречу!

О г. д'Эстене² известий у нас нет; полагаем, однако, что дела его хороши; подкрепление ему все же посылаем. Г-на де Терне мы направляем в Ост-Индию, г. де Нассау³—в Африку и безостановочно продолжаем строить корабли. В этом году их у нас будет около 80. Арматоры наши также начинают объединяться, что, конечно, полезно. К тому же, и двор наш попрежнему себе верен: король стремится к благу своих подданных, подавая пример в соблюдении порядка и бережливости. Он очень любит Мадам—старшую свою дочь; вскоре, надо надеяться, подарит он нас и дофином.

Речь об остальном я откладываю до следующего письма к вам, граф: курьер отправляется сегодня, и здесь я могу только еще раз засвидетельствовать вам верную и неизменную свою преданность. Все семейство мое единогласно заверяет вас в наилучших чувствах, постоянно к вам питаемых.

Граф Караман

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 52—53.

¹ В начале 1779 г. Екатерина II взяла на себя роль посредницы между Пруссией и Австрией в их войне из-за «баварского наследства». 10 марта открылся в Тешене конгресс, положивший конец этой войне.

² См. о нем выше, прим. 4-е к письму XXXIV.

³ Nassau-Siegen Карл, принц (1745—1805)—известный путешественник и авантюрист, участник войны Франции с Англией, впоследствии вице-адмирал русской службы.

XLII. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Рим, 27 марта 1779 г.

Я получил, милостивый государь, письмо, которым вы удостоили меня 1-го числа прошлого месяца. Те ватиканские рукописи, которые до сих пор не напечатаны или не изучены в существенной своей части учеными, без сомнения, окажутся совершенно неинтересными для библиотеки августейшей вашей государыни; лучше было бы снабдить эту библиотеку хорошими книгами, чем копиями с копий рукописей, только по древности своей представляющих какой-нибудь интерес и значение. Если бы о собирании остатков прекрасной древности позаботились в то время, когда русские войска находились в Греции, императрица могла бы, бесспорно, оказать великую услугу наукам и искусствам. Но при свойственном ей вкусу к прекрасному, ей еще не раз представится случай это сделать.

В прошлом месяце я лишился умного и добродетельного аббата [неразб.], к которому в течение тридцати лет питал полнейшее доверие. Я был глубоко огорчен этой утратой, и весь Рим сумел показать, как ценили его заслуги.

Вот уже две недели, как здоровье папы внушает нам сильные опасения¹. Ему шесть раз делали кровопускание, ввиду общего ревматизма, грозившего воспалением; со вчерашнего дня он чувствует себя лучше, и теперь уже можно надеяться, что мне не придется участвовать в конклаве.

Племянница моя, здоровье которой все еще очень ненадежное, поручает мне передать вам всяческие пожелания и особенно просит вас не пренебрегать заботами о здоровье, которого мы с ней оба искренно вам желаем.

Я в восторге от мудрости вашей государыни: человечество будет ей обязано водворением мира на Севере². Пожелаем же, чтобы примером высокой мудрости и просвещенности и добродетелями своими ей удалось научить людей любить мирную жизнь, двигать вперед земледелие, искусства и торговлю, не покушаясь на свободу, свойственную людям вообще и определяемую положением и потребностями каждого из них.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в неизменном уважении, любви и искренней преданности, которые больше всех на свете питает к вам

Кардинал де Берни

Автограф.—Центральное архивное управление Узб. ССР, Ташкент. Бывш. собрание автографов в. к. Николая Константиновича.

¹ Папа Пий VI умер только в 1799 г.

² См. прим. 1-е к предыдущему письму.

XLIII. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Париж, 11 июня 1779 г.

Мне удалось, наконец, граф, найти такого повара, какой, по моему мнению, нужен маршалу Разумовскому¹: это брат старшего повара князя Конде, а рекомендован он мне самыми опытными и почтенными представителями этого рода искусства. Он производит впечатление человека с хорошим характером; произведенное же мной испытание показало, что он в своем деле не уступит первым парижским поварам.

Меня недавно назначили в распоряжение генерал-лейтенанта графа де Во² для участия в экспедиции, которую держат втайне и снабженной,

по распоряжению короля, большим количеством судов. Граф д'Орвилье³ 3-го числа этого месяца вышел в море с 28 кораблями и 9 фрегатами и 4-го вечером скрылся из виду. К нему, по всей вероятности, на широте мыса Финистер присоединятся 20 испанских кораблей под командой дона Гастона, лучшего адмирала испанского флота. Г-н д'Орвилье назначен маршалом и будет командовать объединенной эскадрой. Испанский посол в Лондоне, маркиз д'Альмадовар, отозван.

У англичан в гаванях находятся 15 плохо вооруженных кораблей, под командой адмирала Гарди; 6 кораблей, под начальством адмирала Арбутнота, служат эскортом 300 судам, направляющимся в Америку, и я склонен полагать, что они уже захвачены либо г. д'Орвилье, либо испанским флотом, если только не повернули курса круто на запад; адмирал Дерби с 10 кораблями должен был эскортировать адмирала Арбутнота до мысов и далее, но, как говорят, вернулся в Торбей, ввиду слухов, что сама Англия находится под угрозой.

Таково, граф, положение вещей. На побережьях наших у нас 50 тысяч человек, во флоте обоих королевств насчитывается 50 кораблей и не менее 20 фрегатов; в Вест-Индии у нас будет 24 корабля с 13 тысячами человек, два корабля в Ост-Индии, еще два для секретных экспедиций—и, при всем том, у нас в руке оливковая ветвь на тот случай, если будут предложены разумные условия мира.

Все мое семейство в добром здравии и имеет честь слать вам тысячу приветствий, а я имею честь еще раз заверить вас в своей неизменной преданности.

Граф де Караман

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 62—63.

¹ Разумовский Кирилл Григорьевич, граф (1728—1803)—фельдмаршал, украинский гетман.

² Ваух Ноэль (1705—1788)—«усмиритель» Корсики в 1769 г., с 1783 г.—маршал Франции.

³ D'Ouvilliers Людовик, граф (1708—1792)—адмирал; в 1779 г. произвел неудачную попытку высадки в Англии.

XLIV. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Сен-Мало, 8 июля 1779 г.

С тех пор, как я имел честь в последний раз писать вам, граф, картина изменилась. Граф д'Орвилье соединился с испанцами; в тот же день из порта в Кадиксе вышли 32 испанских корабля, из которых 11 имели назначение присоединиться к нашему флоту, а к нему еще ранее уже присоединились 9 испанских кораблей из Ферроля. Теперь у нас насчитывается 50 линейных кораблей¹. Адмирал Гарди с 31 линейным кораблем находится у входа в Ламанш. Это число всячески стараются довести до 38, вооружая совершенно плохие суда, оставшиеся в Портсмуте, и сажая на них самый плохой экипаж. Если г. д'Орвилье удастся нанести поражение адмиралу, мы выйдем в море из Гавра, Сен-Мало и Дюнкирхена с силами в 40.000 человек, вслед за которыми дополнительно отправится еще 20 тысяч. Таким образом, очагом войны станет Англия; но все войска наши немедленно покинут ее пределы, как только будет признана независимость Америки и море будет отдано в распоряжение всей Европы, а не одних англичан. Посадка на корабли уже закончена и все в полном порядке. Дивизия, к которой я принадлежу, состоит в распоряжении графа де Ланжерона; в ней 15 тысяч человек пехоты и восьмьсот конницы,

и это в одном только Сен-Мало. Если десант будет осуществлен, то вот вам, граф, величайшее событие из всех когда-либо на земле происходивших. В средствах у нас недостатка нет, ибо мы только-что получили займы от Голландии 83 миллиона по $3\frac{1}{2}\%$. Франция никогда не знала такого процветания и никогда не делала столь искренних мирных предложений.

Ваше здоровье меня беспокоит: приезжайте подышать чистым здешним воздухом. Семья моя была бы очень рада повидаться с вами, а больше всех был бы рад я. Сейчас вы, быть может, и живете в прекрасной стране, в стране, к которой вы привязаны, но в холодном климате, совершенно для вас неподходящем. У нас климат умеренный. Вы застанете нас в мирной обстановке и увидите нас более занятыми сельскохозяйственными проектами, нежели военными планами, ибо не могу я себе представить, чтобы наша распря с англичанами не закончилась нынешней зимой.

Примите, граф, уверение в преданности покорнейшего вашего слуги.

Граф Караман

В морской поход я беру с собой и сына.

Копия. — «С. д. П'а.», лл. 64—65.

¹ В 1779 г. Испания, присоединившись к Франции, вступила в войну против Англии.

XLV. НЕККЕР¹

Париж, 11 ноября 1779 г.

Полученные от вас, граф, доказательства, что вы нас не забываете, преисполнили нас величайшим сочувствием к вам и благодарностью. Всякий, кому привелось узнать вас, принимает близко к сердцу выпавшее на вашу долю счастье. В Париже вас так полюбили, что не простили бы вам вашего отъезда, если бы не признавали вполне естественными и разумными те чувства, которые призывали вас к блистательной пове-

МАРМОНТЕЛЬ

Портрет маслом А. Рослина, 1767 г.

Луврский музей, Париж

лительнице вашей, служить которой было бы лестно для каждого, если бы она и не находилась на престоле. Г-н Гримм отзывается о ней так же, как и вы. Голос придворных только подтверждает господствующее о ней мнение.

Имею честь быть, граф, почтительнейше преданным вам и пр.

Неккер

Копия.—«С. d. l'a.», л. 69.

¹ Неккер Жак (1732—1804)—см. о нем прим. 2-е к письму XXII.

XLVI. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Париж, 24 ноября 1779 г.

Мы опередили ваши желания, граф. Мы несколько обеспокоили в этом году Англию, но не завоевали ее, как вы опасались. Наши войска на зимних квартирах, а главный штаб наш в Ренне, в Бретани. В храбрости у англичан недостатка, конечно, нет, и средств у них еще много, но мы все же показали им, что в рукопашных схватках мы им в храбрости не уступаем; а что средства для дальнейшего ведения войны, если им угодно ее продолжать, у нас неистощимы—это им прекрасно известно. Вскоре мы овладеем входом в Средиземное море. Мы сильно тесним гарнизон Гибралтара, и я уже держал пари, что он сдастся еще до января 1780 г., если только не получит подкреплений¹. Г-н д'Эстен отправился во главе большой экспедиции на Нью-Йорк. С нетерпением ждем мы известий о ней. Имеются благоприятные для нас слухи, но достоверного пока ничего нет.

Что касается меня, то ввиду того, что зимой мне нечего делать, я вернулся к себе и занял то место, которое занимаю на картине, которую вам угодно было принять от меня, и счастлив, как всегда, когда вернусь домой. У меня два внука, а теперь еще и внучка; зять мой, виконт де Сурш, произведен в подполковники австразийского полка. Эта милость очень его обрадовала, но она лишает его удовольствия проводить зиму в Париже, так как его полк расположен в Иль-де-Франс.

Я очень огорчен, граф, что повара, которого я имел честь направить к маршалу Разумовскому, пришлось рассчитать. Нисколько не сомневаюсь, что будут выполнены все обязательства, принятые мною от имени графа по отношению к этому повару, которого я лишь с большим трудом уговорил покинуть родину. Этот пример несколько отобьет у нас охоту пускаться в путешествия.

Что воздух Парижа вам необходим, в этом я уверен, или, по крайней мере, хочу в это верить. Старым вашим друзьям очень было бы приятно вновь с вами встретиться и возобновить перед вами, граф, уверения в неизменной на всю жизнь своей преданности.

Граф де Караман

Все мои близкие в один голос поручают мне передать вам, граф, свои приветы и пожелания.

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 50—52.

¹ Гибралтар, осажденный в 1779 г. французскими и испанскими войсками, не сдался им и, по миру 1783 г., остался за Англией.

АДМИРАЛ Д'ЭСТЕН

Внизу изображен эпизод американской войны — взятие французами у англичан острова Гренады, 1778 г.

Гравюра неизвестного художника конца XVIII в.

XLVII. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Буасси, 27 августа 1780 г.

Ваших друзей, граф (а в их среде я на первое место поставлю себя, в уверенности, что вы мне в этом не откажете), очень тревожит состояние вашего здоровья. Нам известно, что вы были нездоровы, но сами вы никому об этом не сообщали. Графиня Шувалова, и та не получала от вас вестей. Мы настоятельно просим вас поэтому успокоить нас.

После того, как я имел честь отправить вам свое последнее письмо, состоялось назначение второй моей дочери, г-жи де Сурш, в свиту графини д'Артуа что очень ее порадовало, так как на той же службе состоит и ее сестра. Меня король удостоил звания командора ордена св. Людовика. Вот и все новости, относящиеся до семьи, которой вы всегда оказывали столь дружественное расположение.

В случае, если будет война, глава этой семьи, получивший при производстве недавних назначений чин генерал-лейтенанта, постарается дослужиться до высшего чина; а если войны не будет, он удовольствуется положением командующего провинциальным военным округом.

Ваша приятельница Полина переросла своих сестер и хорошеет по мере того, как растет, чем подтверждается правильность сделанного вами выбора. Этой зимой мы выдадим ее замуж.

Что касается общего положения дел, то англичане очень мужественно обороняются; расположение наших сил очень удачно, мы сильны в Вест-Индии и Америке; в окрестностях Кадикса у нас мощная армия, но я предпочел бы видеть ее в Ламанше. Адмирал Джери все еще крейсирует, дожидаясь, чтобы его погнали. Ваши суда плавают в Ламанше, и дай бог, чтобы какая-нибудь отчаянная голова не присоветовала совершить безумное дело, вредное в настоящую минуту для нейтральных держав,

но впоследствии еще более вредное для самой Англии, так как это вскрыло бы всю чрезмерность ее домогательств. Полагаю, что г. Питт¹ был бы способен на подобную выходку.

В делах внутренних у нас попрежнему все идет хорошо. Благодаря справедливой, мягкой и экономной своей власти, несмотря на длительную и обременительную войну, Франция переживает годы процветания.

Прошу вас, граф, принять уверения в неизменной и сердечной преданности.

Граф де Караман

Г-жа Караман, как и все наше семейство, просит засвидетельствовать вам свою преданность. Г-жа дю Деффан очень больна.

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 65—67.

¹ См. о нем прим. 2-е к письму XX.

XLVIII. ГРАФ ДЕ КАРАМАН

Париж, 27 января 1781 г.

Величайшее удовольствие, милостивый государь, доставило мне письмо, которое вам угодно было отправить мне 26 декабря. Я был обеспокоен, и совершенно правильно, состоянием вашего здоровья. Теперь я несколько успокоился. Моя мечта—чтобы врачи предписали вам воздух нашего умеренного климата; я имею честь писать вам у открытого окна, при прекрасной солнечной погоде. Для здоровья, на мой взгляд, ничто не может быть полезнее.

Вероломная Полина выходит замуж за виконта де Водрёйля—молодого человека из старинного и хорошего рода. Он приходится племянником главному сокольничьему Франции и носит одно с ним имя. Королева соблаговолила участливо отнестись к этому браку. Состояние его сейчас незначительно, зато будущее сулит многое, сам же он—великолепен. У него очень приятная внешность, и легкомысленная Полина, хотя и не забывает, чем обязана вам, и сохраняет свою к вам привязанность, равнодушна к уходу за своим женихом. Она похорошела от счастья и всем нравится. Свадьба состоится только в мае месяце.

Король удостоил меня назначения на должность помощника командующего на территории трех епископств, под начальством моего дяди, маршала де Брольи¹. Это одно из лучших положений в нашей армии, и оно вполне меня удовлетворяет. Я был также назначен начальником одного из четырех комитетов, образованных, по приказу короля, при маршале де Контаде² для всестороннего пересмотра и усовершенствования нашего воинского управления. Таким образом, как видите, занятий у меня не мало. К тому же г-жа де Караман, как и вся моя семья, вполне здорова, что также способствует моему счастью.

Весьма важным событием на пути к водворению всеобщего мира является образование морской лиги для установления равенства на море³. Грозное властолюбие Англии всегда проявлялось с особой силой в моменты, когда эта страна переживала особенно большие затруднения; не трудно, поистине, понять, какие преимущества сулит ее возвышение, когда она начинает видеть врагов в самых старинных своих друзьях, как только они не идут навстречу честолюбивым ее домогательствам. Необходимо искоренить подобные политические идеи, иначе ни один престол не может считаться прочным.

У нас хороший флот, недостатка в средствах у нас нет, а планы кампании таковы, что, надеюсь, заслужат ваше одобрение.

Примите, милостивый государь, поклоны и пожелания от всей моей семьи, а заодно с ними и заверения в преданности от верного вашего друга.

Граф де Караман

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 102—104.

¹ См. прим. 1-е к письму XXXIII.

² De Contades Людовик-Жорж (1704—1793)—маршал Франции.

³ «Лига вооруженного нейтралитета» для защиты свободы мореплавания нейтральных судов, образованная по инициативе России в 1780 г. и направленная против Англии; в нее вошли Россия, Швеция, Пруссия и Дания.

XLIX. Г-жа НЕККЕР

9 октября 1781 г.

Письмо ваше, милостивый государь, дошло до меня как раз к тому времени, когда обстоятельства заставили г. Неккера подать в отставку¹. Враги его так успешно строили против него свои козни, что приходилось либо отказаться от направленной к добрым целям деятельности и, трусливо поступившись своим достоинством, сохранить за собою свой пост, либо обеспечить себя такой силой сопротивления, которой не пожелали его наделить. Последнее обстоятельство, вероятно, изумит вас, как оно всех здесь изумило, в том числе нас самих. Предоставляю вам поразмыслить о нем. Вы слишком хорошо знаете и жизнь и людей, чтобы не догадаться о том, о чем мне нельзя вам писать. Финансы передаются г. Неккером в таком состоянии, в каком они не бывали ни при одном министре, даже во времена полного мира. Постоянные расходы не превышают поступлений; ресурсы для постоянных и чрезвычайных расходов обеспечены на этот год и на часть будущего года. Я считала, что доброе и лестное для нас отношение ваше к нам обязывает меня посвятить вас в эти детали. А я с радостью вверила бы вашей дружбе не мало и других.

Имею честь приложить к этому письму о т ч е т². Это свидетельство о безупречной совести министра, как видите, не очень-то сильно подействовало на совесть его клеветников. Но кому же, как не вам, известны непоследовательность человеческая и превратности, связанные с высоким положением! Как никто, умеете вы наслаждаться всеми прелестями частной жизни и завоевали себе такое же уважение общества, каким ранее пользовались, благодаря влиянию вашему на политику огромной державы.

Я сейчас еще несколько взволнована новыми, сделанными мной открытиями, ибо наблюдения над явлениями морального порядка приводят иногда в большее изумление, чем наблюдения над явлениями физическими. Волнение мое отразилось в этом письме; но если мои мысли в беспорядке, то сердце мое спокойно. Вот почему в нем возникло воспоминание о чистом вашем облике, и мной овладело желание написать вам. Вам известно, что наши сожаления о разлуке с вами прекратятся лишь тогда, когда мы снова увидимся. Если занятия ваши позволят вам вновь посетить нас, вы окажетесь среди целой нации друзей и поклонников.

Примите наши с г. Неккером пожелания и приветы.

Автограф.—Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской».

¹ Отставка Неккера (май 1781 г.) была вызвана тем, что он опубликовал государственный бюджет, разоблачивший злоупотребления двора.

² «О т ч е т» — знаменитый «Compte-rendu de M. Necker».

L. АББАТ ГАЛИАНИ

Неаполь, 12 февраля 1782 г.

Несравненный друг мой, география и хронология, при всей свойственной им злокозненности, очевидно, никак не могут отдалить вас от меня. Ни огромное разделяющее нас пространство, ни уходящее год за годом время не расхаживают вашего дружеского ко мне отношения. Все с тою же сердечностью вспоминаете вы обо мне, шлете столь же искренние приветы и, что еще существеннее,—подарки. В двух первых пунктах я нисколько вам не уступаю, но про меня можно бы сказать то же самое, что сказано про Людовика XIV: «Из трех дел, что совершены Цезарем, нехватает только третьего»¹. Муфту доставил мне по вашему поручению камергер князь Юсупов². Подивитесь же моей простоте и полному невежеству по части шкур мертвых животных (ибо по части шкур живых я далеко не так несведущ): я до сих пор имел представление лишь о шкурках мертворожденных ягнят, завитых или курчавых, и никогда не видел гладких шкурок [*damasquées*] (если их так называют). Я и вообразил, что муфта страшно попорчена дождем и перевозкой, и пришел в полнейшее отчаяние. Спешно посылаю я за меховщиком, чтобы помочь беде. Каково же было мое удивление, когда мне сказали, что это так от природы и что вещь именно этим особенно и ценна. Позвольте же выразить вам благодарность, соответствующую и ценности самого подарка и значению его для меня, как знака вашей обо мне памяти, чем он особенно для меня дорог.

Вышепоименованный князь передал мне о вас две вещи: одна из них очень неприятная, зато другая восхитительна! Он сообщил мне, что прошлым летом вы перенесли страшную болезнь—такова скверная весть; а хорошая состоит в том, что вы от этой болезни избавились и что состояние вашего здоровья, советы врачей, а может быть, отчасти и мои пожелания побуждают вас вернуться в Италию. Так и поступайте—возвращайтесь! Здесь умирают только от наслаждений, а мы постараемся не пресыщать вас ими. Не воображайте, что от Петербурга так уж далеко до Неаполя. Приходится, правда, проехать всю Польшу, зато остальное—совершенные пустяки.

Третьего дня умер князь Франкавилла. Ему бы надо быть счастливейшим из людей, так как он был лучшим среди нас. Но для счастья нужно быть не столько хорошим, сколько предусмотрительным.

В пятницу вечером сюда прибыли граф и графиня Северные³. Королевская чета⁴ выехала им навстречу и с полной сердечностью приняла их в свои объятия. То, что я вам говорю,—истинная правда. И если не все поверят этому правдивому сообщению, то вы-то, зная душевные свойства короля и королевы, ему поверите, конечно.

В субботу я удостоился чести быть им представленным самой королевой. И мне был оказан до такой степени милостивый прием, что это вскружило мне голову. Но так как нет роз без шипов, то я уже жду, что иные из отечественных умников не простят мне такой чести, как не могли они простить мне чести, оказанной эрцгерцогом и эрцгерцогиней Миланскими. Я сейчас работаю над сочинением о правах нейтральных государств⁵, но оно не будет закончено до отъезда великого князя. Таким образом, я только и могу преподнести вам старое свое сочинение «*Della moneta*»⁶, недавно переизданное и снабженное примечаниями. Надеюсь, что кто-нибудь из придворных, сопровождающих великого князя, согласится доставить вам эту книгу. Может быть, представится случай переслать вам и ту, что печатается сейчас. Но не лучше ли вам

самим сюда прибыть и получить ее прямо из моих рук? Вы меня найдете неизменно преисполненным благодарности к вам.

Покорнейший ваш слуга и пр.

Галиани

Копия.—«С. d. l'a», лл. 188—191.

¹ Имеется в виду изречение Цезаря: «Veni, vidi, vici» («пришел, увидел, победил»).

² Ю с у п о в Николай Борисович, князь (1751—1831). К нему обращено послание А. С. Пушкина «К вельможе», в котором упоминается имя аббата Галиани.

³ Титул графа и графини Северных («comte et comtesse du Nord») носили Павел I (в бытность его великим князем) и его жена, Мария Федоровна, во время своего путешествия «инкогнито» по Европе в 1782—1783 гг.

⁴ Король обеих Сицилий, Фердинанд VII, и его жена, М а р и я - К а р о л и н а.

⁵ Точное заглавие этого труда: «Sur les devoirs des princes neutres envers les princes belligérants et de ceux-ci envers les neutres».

⁶ Сочинение Галиани «Della moneta», libri cinque, первым изданием вышло в 1750 г.

LI. КАРДИНАЛ ДЕ БЕРНИ

Рим, 16 марта 1784 г.

Я чрезвычайно обязан вам, генерал, за все одолжения, оказанные вашим превосходительством г. де Булонь и его товарищу по путешествию. Они оба преисполнены к вам чувства благодарности, которое разделяю и я. По их словам, их императорские высочества¹ изволят еще помнить о тех чувствах почтения и восхищения, которые они во мне вызвали. Г-н де Булонь собирается совершить путешествие до Казани и Крыма и просил меня писать ему на Петербург. В том случае, если бы оба путешественника вздумали изменить план предстоящего им пути, благоволите, ваше превосходительство, разрешить мне направлять письма в ваш адрес, с просьбой пересылать им эти письма в Стокгольм.

Все ваши римские знакомые, генерал, постоянно справляются у меня о вас. Кто раз узнал вас, тот вас не забывает. Я, со своей стороны, всемерно стараюсь оказывать здесь возможно лучший прием всем тем русским, которых вы изволите рекомендовать мне, от всего сердца желая

РИСУНОК ГР. КАРАМАНА
В АЛЬБОМЕ В. Н. ГОЛОВИНОЙ

Музей города, Ленинград

засвидетельствовать вашему превосходительству неизменную и верную свою преданность.

Кардинал де Берни

Автограф.—Центральное архивное управление Узб. ССР, Ташкент. Бывш. собрание автографов в. к. Николая Константиновича.

¹ В. кн. Павел Петрович и его жена, в. кн. Мария Федоровна, посетившие Рим в 1783 г.

ЛII. Г-жа НЕККЕР

Париж, 16 декабря 1789 г.

Меня очень тронуло, милостивый государь, только-что, после долгого перерыва, полученное мною доказательство, что вы обо мне еще помните. Я думаю, что в ваши очки видно очень далеко и что вы лучше нас самих разбираетесь в том, что сейчас происходит во Франции. Вы даете справедливую оценку г. Неккера. Он служит ярким доказательством того, что недостаточно обладать дарованиями, но что необходимы еще высокие добродетели, чтобы применять на деле эти дарования в своей деятельности. Кто мог бы не пасть духом, не имея в руках такого щита? Кто отважился бы на непрестанную борьбу со всевозможными опасностями? В ряде минувших веков судьба г. Неккера представляет собою нечто беспрецедентное. На его пути не возникало бы никаких препон, если бы люди сколько-нибудь верили в добродетель, но такая вера дается им еще труднее, чем вера иная; и даже те, кого все созданное богом убеждает в его существовании, ничего не могут обрести в своем сердце такого, что побудило бы их верить в возможность безупречной чистоты.

Ваше письмо передано мне г. де Сегюром¹; ему с трудом удастся ответить на все вопросы, которыми мы его здесь закидали. Мы так близко принимаем к сердцу вашу судьбу, что интересуемся всем вас касающимся, вплоть до мельчайших подробностей личного свойства. Слава и характер вашей повелительницы вызывают в нас жадное любопытство ко всем происходящим вокруг нее чудесам. Г-н Сегюр уверяет, что ничего не прикрашивает, а нам кажется, что он все передает в прикрашенном виде, ибо совершенно простые и совершенно правдивые его сообщения так ослепительны, что ничем не уступают самым роскошным сказкам. Всегда приятно отдавать должное таланту и гению. И, слушая г. Сегюра, мы наслаждались вдвойне: и его живописью, и тем, с кого он писал портрет.

О нас говорить вам не стану. Здесьние события так новы и необычайны, что не найдешь слов, чтобы передать эту картину человеку, живущему в иной стране. Это было бы похоже на попытку дать представление о событиях на луне и о страстях, волнующих ее обитателей.

У нас уже не осталось ничего общего с жителями других стран, за исключением чувств, а поэтому мы, пока живы, не перестанем, милостивый государь, желать вам всего доброго.

Примите уверение в нашей вам преданности. Покорнейшая слуга ваша

Неккер

Копия.—«С. d. l'a.», лл. 191—193.

¹ S é g u r Луи-Филипп, граф де (1753—1830)—французский посол в России в 1783—1789 гг.; писатель, автор известных мемуаров. Завоевал симпатии Екатерины II и принимал деятельное участие в увеселениях петербургского двора.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ К И. И. ШУВАЛОВУ
В СОБРАНИЯХ СССР

Знаком «*» отмечены письма, впервые публикуемые в настоящей работе.

Римские цифры обозначают №, под которым данное письмо напечатано в настоящей публикации.

А. АВТОГРАФЫ

- 1.* Кардинала де Берни (Bernis)—Рим, 4 ноября 1773 г.
Центральное архивное управление Узб. ССР, Ташкент. Бывш. собрание в. к. Николая Константиновича. См. выше: XV.
- 2.* Его же—Рим, 26 января 1774 г.
Хранится там же. См. выше: XVI.
- 3.* Его же—Рим, 17 января 1776 г.
Хранится там же. См. выше: XVIII.
- 4.* Его же—Рим, 27 марта 1779 г.
Хранится там же. См. выше: XL.
5. Его же—Рим, 10 января 1784 г.
Хранится там же. Неопубликовано.
- 6.* Его же—Рим, 16 марта 1784 г.
Хранится там же. См. выше: LI.
7. Графа де Ласи (Lacy)—Петербург, 15 июля 1777 г.
Хранится там же. Неопубликовано.
8. Княгини Санта-Кроче (Santa-Croce)—Рим, 30 декабря 1768 г.
Хранится там же. Неопубликовано.
- 9.* Аббата Галиани (Galiani)—Неаполь, 13 ноября 1770 г.
Всеукраинский исторический музей, Киев. «Альбом К. Собанской». См. выше: X.
- 10.* Его же—Неаполь, 1 октября 1771 г.
Хранится там же. См. выше: XI.
- 11.* Его же—Неаполь, 11 февраля 1772 г.
Хранится там же. См. выше: XIII.
- 12.* Г-жи Неккер (M-me Necker)—[Париж, март—апрель 1778 г.]
Хранится там же. См. выше: XXXI.
- 13.* Ее же—Париж, 8 сентября 1778 г.
Хранится там же. См. выше: XXXV.
- 14.* Ее же—Париж, 18 ноября 1778 г.
Хранится там же. См. выше: XXXVIII.
- 15.* Ее же—[Париж, 9 октября 1781 г.].
Хранится там же. См. выше: XLIX.

Б. „LES CONSOLATIONS DE L'ABSENCE"—АЛЬБОМ РУКОПИСНЫХ КОПИЙ ПИСЕМ К ШУВАЛОВУ,
ХРАНИЩИЙСЯ В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ В ЛЕНИНГРАДЕ (франц. Q IV № 207)

Опись сохраняет порядок расположения писем в альбоме. Арабские цифры с предшествующей буквой „л" („Лл") обозначают листы альбома, на которые приходится текст данного письма.

Вторые цифры в порядковой нумерации, поставленные в скобках, обозначают, что данное письмо сохранилось также в подлиннике, и отсылают к соответствующим №№ первой рубрики описи (А. Автографы).

I. Эпиграф и Посвятительное письмо

1. Обложка с названием альбома и четверостишием Мармонтеля (Marmontel), посвященным Шувалову. Л. 3.
- 2.* Письмо составителя альбома, Маратрэ де Кюсси (Maratray de Cussy), к Шувалову по случаю поднесения ему альбома. Автограф. Лл. 7—9.

II. Письма к И. И. Шувалову

3. Гельвеция (Helvetius)—Люмини, 10 июня 1761 г.
Лл. 11—14. См. выше: I.

- 4.* Е го же—Воре, 9 июля 1762 г.
Лл. 14—16. См. выше: II.
- 5.* Е го же—Париж, 23 января 1763 г.
Лл. 17—18. См. выше: III.
- 6.* Б ю ф ф о н а (Buffon)—Montbar, 4 марта 1778 г.
Лл. 18—20. См. выше: XXVIII.
- 7* (1). Кардинала де Берни (Bernis)—Рим, 4 ноября 1773 г.
Лл. 20—21. См. выше: XV.
- 8* (2). Е го же—Рим, 26 января 1774 г.
Лл. 21—22. См. выше: XVI.
- 9* (3). Е го же—Рим, 17 января 1776 г.
Л. 22. См. выше: XVIII.
- 10.* Е го же—Рим, 4 марта 1778 г.
Лл. 22—24. См. выше: XXIX.
- 11.* Е го же—Рим, 18 марта 1778 г.
Лл. 24—25. См. выше: XXX.
- 12.* Е го же—Рим, 5 ноября 1778 г.
Лл. 25—28. См. выше: XXXVII.
- 13.* Антуана Тома (Thomas)—Глатиньи, близ Версаля, 24 сентября 1765 г.
Лл. 28—29. См. выше: V.
14. Е го же—Рим, 4 июня, б. г.
Лл. 30—31. Неопубликовано.
Упоминание о племяннике Шувалова, Ф. Н. Голицыне.
15. Отца Жакье (Jasquier)—Рим, 4 июня, б. г.
Л. 31. Неопубликовано.
Об отъезде племянника Шувалова, Ф. Н. Голицына.
16. Е го же—Рим, 5 августа [1769—1770 г.?
Лл. 31—32. Неопубликовано.
Об успехах в науках кн. Ф. Н. Голицына.
17. Лорда Честерфилда (Chesterfield)—25 июля 1765 г.
Л. 32. Неопубликовано.
Ответное письмо. Благодарит за память и внимание.
18. Кавалера Гамильтона (Hamilton), английского посланника в Неаполе—Неаполь, 9 июля 1768 г.
Лл. 33—34. Неопубликовано.
Об отъезде из Неаполя короля и королевы обеих Сицилий (Фердинанда IV Бурбона и Марии-Каролины); о празднествах, о смерти герцога Нойа и распродаже его коллекций.
- 19.* (11). Аббата Галиани (Galiani)—Неаполь, 11 февраля 1772 г.
Л. 35. См. выше: XIII.
- 20.* (10). Е го же—Неаполь, 1 октября 1771 г.
Лл. 36—39. См. выше: XI.
21. Графа де Трессана (Tressan)—Париж, 8 июня 1774 г.
Лл. 39—41. Неопубликовано.
О приглашении Шувалова к обеду у маркизы и маркиза де Жанлис. О возобновлении знакомства Шувалова с известным библиофилом, маркизом де Польми.
- 22.* Даламбера (d'Alembert)—[Париж], 15 февраля [1764—1765 г.].
Л. 41. См. выше: IV.
- 23.* Ораса Вальполя (Walpole)—Лондон, 19 апреля 1776 г.
Лл. 41—43. См. выше: XIX.
- 24.* Е го же—Strawberry-Hill, 23 июня 1776 г.
Лл. 43—44. См. выше: XX.
- 25.* Президента Эно (Hénault)—Париж, 17 февраля 1767 г.
Лл. 44—45. См. выше: VI.

- 26.* Е го же—Париж, 9 мая 1767 г.
Лл. 45—47. См. выше: VIII.
- 27.* Г р а ф а К а р а м а н а (Caraman)—Париж, 14 ноября 1777 г.
Лл. 47—50. См. выше: XXII.
- 28.* Е го же—Париж, 24 ноября 1779 г.
Лл. 50—52. См. выше: XLVI.
- 29.* Е го же—Париж, 27 января 1799 г.
Лл. 52—53. См. выше: XLI.
- 30.* Е го же—Париж, 19 ноября 1778 г.
Лл. 54—57. См. выше: XXXIX.
- 31.* Е го же—Буасси, 19 июня 1778 г.
Лл. 57—61. См. выше: XXXIII.
- 32.* Е го же — Париж, 11 июня 1779 г.
Лл. 62—63. См. выше: XLIII.
- 33.* Е го же—St.-Malo, 8 июля 1779 г.
Лл. 64—65. См. выше: XLIV.
- 34.* Е го же—Boissy, 27 августа 1780 г.
Лл. 65—67. См. выше: XLVII.
35. Г р а ф а д е Л а Ф а р (de La Fare)—Lunéville, 26 мая 1778 г.
Лл. 67—69. Неопубликовано.
О приеме, оказанном Екатериной II Шувалову по его возвращении в Россию; сожаление по поводу отсутствия Шувалова; о восстании американских колоний; о крымском хане и турках.
- 36.* Н е к к е р а (Necker)—Париж, 11 ноября 1779 г.
Л. 69. См. выше: XLV.
37. Г е р ц о г а Б и р о н а (duc de Biron), маршала Франции—Париж, 5 июня 1778 г.
Лл. 70—71. Неопубликовано.
О получении письма от Шувалова о Екатерине II с просьбой переслать ему ее гравированный портрет.
38. М а р ш а л а С у б и з а (Soubise)—Париж, 18 августа 1778 г.
Л. 71. Неопубликовано.
Поздравление по случаю назначения Шувалова обер-камергером.
39. М а р к и з ы д ю Д е ф ф а н (M-me du Deffand)—Париж, 24 февраля 1767 г.
Лл. 72—74. Неопубликовано.
О проезде Шувалова через Мюнхен в Вену; известие об общих знакомых; об ожидаемом приезде Уолпола; о парижских балах.
- 40.* Е е же—St.-Joseph, 6 мая 1767 г.
Лл. 74—76. См. выше: VIII.
41. Е е же—Париж, 30 октября 1767 г.
Лл. 76—78. Неопубликовано.
О желании скорее свидеться с Шуваловым; об общих знакомых; о пребывании Уолпола в Париже.
42. Е е же—Париж, 28 ноября 1772 г.
Лл. 78—81. См. выше: XII.
43. Е е же—St.-Joseph, 29 сентября 1773 г.
Л. 81. Неопубликовано.
Приглашает Шувалова к себе; о герцогине де Шуазёль; о Вольтере.
44. Г - ж и Ж о ф ф р е н (M-me Geoffrin)—Париж, 24 февраля 1767 г.
Лл. 82—83. См. выше: VII.
45. Е е же—Париж, 6 апреля 1765 г.
Лл. 83—84. Неопубликовано.
Об успехе, которым Шувалов пользовался в Англии; приглашение скорее вернуться.

46. Е е ж е—Париж, 1 мая [1768—1769 г.?
Лл. 84—85. Неопубликовано.
Об отъезде кн. Д. А. Голицына в Гаагу; о поручениях, возлагаемых Екатериной II на Шувалова в Риме.
- 47* (12). Г-жи Неккер (M-me Necker) [Париж, март—апрель 1778 г.]
Лл. 85—87. См. выше: XXXI.
- 48* Е е ж е—[Париж, конец 1777—начало 1778 гг.]
Лл. 87—89. См. выше: XXIV.
- 49.* (14). Е е ж е—Париж, 18 ноября 1778 г.
Лл. 89—91. См. выше: XXXVIII.
- 50* (14). Е е ж е—Париж, 8 сентября 1778 г.
Лл. 91—93. См. выше: XXXV.
- 51* (15). Е е ж е—Париж, 9 октября 1781 г.
Лл. 184—185. См. выше: XLIX.
52. Маркизы дю Деффан (M-me du Deffand)—22 июля [1777 г.].
Л. 94. Неопубликовано.
Сожаление об отъезде Шувалова в Россию; о герцогине де Люксанбур.
53. Г-жи де Каз (M-me de Caze)—Torcy, 19 июня 1766 г.
Лл. 95—97. Неопубликовано.
По поводу пребывания Шувалова в Торси; ответы на сообщаемые им светские новости.
54. Е е ж е—Torcy, 1 июня 1767 г.
Лл. 97—102. Неопубликовано.
О своей симпатии к Шувалову; оценка его личности; о г-же Брюне, воспитательнице детей графа Разумовского.
55. Графа Карамана (Caraman)—Париж, 27 января 1781 г.
Лл. 102—104. См. выше: XLVIII.
56. Графини Шимэ де Караман (Chimay de Caraman)—Boissy, 17 сентября 1777 г.
Лл. 104—105. Неопубликовано.
О пребывании Шувалова в Берлине; воспоминания о встречах с ним.
57. Е е ж е—Париж, 13 сентября 1777 г.
Лл. 105—108. Неопубликовано.
О неполучении писем от Шувалова; об отношении ее и всей ее семьи к нему; о похвальном слове г-жи дю Деффан в честь умершей г-жи Жоффрен.
58. Е е ж е—Париж, 3 марта 1778 г.
Лл. 108—109. Неопубликовано.
Сожаление о разлуке с Шуваловым; о карнавале; о пребывании Вольтера в Париже.
59. Е е ж е—Париж, 16 ноября 1778 г.
Лл. 110—112. Неопубликовано.
Сожаление о том, что Шувалов навсегда остается при дворе Екатерины II; о возможной поездке семьи Караман в Россию.
60. Е е ж е—Boissy, 26 августа 1779 г.
Лл. 112—114. Неопубликовано.
Беспокойство по случаю войны; о рождении ребенка у ее дочери, г-жи де Ла Фар; о желании свидеться с Шуваловым.
61. Графини де Ла Фар (de La Fare)—Париж, 11 августа 1777 г.
Лл. 114—116. Неопубликовано.
О своей болезни; о муже и сыне; об отъезде Шувалова в Россию.
62. Е е ж е—Boissy, 9 сентября 1777 г.
Лл. 117—118. Неопубликовано.
О состоянии своего здоровья; о своих дружеских чувствах к Шувалову; приветы от разных лиц.
63. Е е ж е—сентябрь 1778 г.
Лл. 118—121. Неопубликовано.
О благосклонном приеме Шувалова Екатериной II; сожаление по поводу его отсутствия; благодарность за присланные меха.
64. Е е ж е—Париж, 29 апреля 1780 г.
Лл. 121—122. Неопубликовано.
О семейных делах; о дружеских чувствах к Шувалову всей ее семьи.

65. Графини Барбантан-Гюнольштейн (Hünolstein)—Париж, 28 ноября 1777 г.
Лл. 123—126. Неопубликовано.
О письме Шувалова; о приеме его Екатериной II; сообщает, что ожидает ребенка; приветствия Шувалову от разных знакомых.
- 66.* Ее же—Париж, 26 февраля 1778 г.
Лл. 126—130. См. выше: XXVII.
67. Ее же—20 марта 1779 г.
Лл. 131—133. Неопубликовано.
Об ожидаемом приезде Шувалова во Францию и радость по этому поводу; о пребывании Лафайета в Париже.
- 68.* Ее же—[Париж], 12 апреля 1778 г.
Лл. 133—135. См. выше: XXXII.
69. Ее же—Париж, 22 июня 1778 г.
Лл. 135—136. Неопубликовано.
О первом морском сражении между французами и англичанами; об А. П. и Е. П. Шуваловых; пожелание счастья.
- 70.* Ее же—Париж, 6 августа 1778 г.
Лл. 137—139. См. выше: XXXIV.
71. Ее же—Париж, 16 сентября 1778 г.
Лл. 139—140. Неопубликовано.
Благодарит Шувалова за присланный чай; семейные новости; о войне с Англией.
- 72.* Ее же—Париж, 18 января 1778 г.
Лл. 140—143. См. выше: XXV.
73. Маркизы де Барбантан (Barbantane)—Париж, 6 мая 1778 г.
Лл. 143—144. Неопубликовано.
О рождении ребенка у ее дочери Гюнольштейн; о празднестве у кн. Барятинского по случаю рождения в. к. Александра Павловича; об угрозе войны с Англией; о графине Шуваловой.
- 74.* Графини де Жанлис (de Genlis)—[Париж], 1779 г.
Лл. 144—147. См. выше: XXIII.
75. Маркизы де Гонтто (de Gontaut)—St.-Blanquart, 11 декабря 1777 г.
Лл. 148—149. Неопубликовано.
Об ожидании известий о Шувалове; семейные новости; благодарность за присланный чай.
- 76.* Ее же—Париж, 4 февраля 1778 г.
Лл. 149—157. См. выше: XXVI.
77. Ее же—Париж, 11 ноября 1778 г.
Лл. 157—160. Неопубликовано.
По поводу письма Шувалова; благодарит за присланные им меха и чай; об отправке ему своего портрета; о графе Ласси.
- 78.* Герцогини де Лавальер (de La Vallière)—Париж, 2 ноября 1777 г.
Лл. 160—162. См. выше: XXI.
79. Ее же—Париж, 23 января 1780 г.
Лл. 162—163. Неопубликовано.
О путешествии Екатерины II; об А. П. Шувалове и его жене.
80. Ее же—Париж, 23 августа 1780 г.
Лл. 163—165. Неопубликовано.
Об отъезде кн. Барятинского; об А. П. и Е. П. Шуваловых; о приезде Иосифа II в Россию; известия об общих знакомых.
81. Г-жи де Серан (M-me de Séran)—29 мая 1777 г.
Лл. 165—166. Неопубликовано.
О письме к ней Шувалова; о его характере.
82. Маркизы де Дониссан (Donissan)—12 июня 1779 г.
Лл. 166—168. Неопубликовано.
О письме Шувалова; об общих знакомых; о модах.
83. Неизвестной—Париж, 26 ноября 1778 г.
Лл. 168—170. Неопубликовано.
О благосклонном приеме Шувалова Екатериной II; о достоинствах его.

- 84.* Г-жи Троншен (Tronchin)—Женева, 12 сентября 1778 г.
Лл. 170—173. См. выше: XXXVI.
85. Г-жи Крамер (M-me Cramer, урожд. Веселовской)—Женева, 1 сентября 1780 г.
Лл. 174—175. Неопубликовано.
О смерти ее мужа; об ее отце, Ф. П. Веселовском.
86. Маркизы дю Пюи-Монбрён (Pu-Montbrun)—Рим, 24 сентября 1778 г.
Лл. 175. Неопубликовано.
О герцоге Сан-Никола, вновь назначенном в Россию неаполитанском посланнике; о письме Екатерины II к г-же Дени.
87. Графини Кауниц-Ритберг (Kaunitz-Rittberg), жены австрийского посланника в Неаполе—Неаполь, 13 февраля 1770 г.
Лл. 176. Неопубликовано.
О дружеских чувствах к Шувалову; о слухах по поводу перевода ее мужа в другое место.
88. Ее же—Вена, 25 февраля 1778 г.
Лл. 177. Неопубликовано.
По поводу благосклонного приема Екатериной II Шувалова.
89. Г-жи Веселовской (урожд. Fabri)—Женева, 23 марта 1773 г.
Лл. 178—181. Неопубликовано.
О дружеских чувствах к Шувалову; о характере французской нации; о племяннике Шувалова Голицыне; о Домашневе; о Пугачеве; о графине Чернышевой.
90. Графини Эльбани (d'Albany)—Флоренция, 27 июля 1779 г.
Лл. 181—182. Неопубликовано.
Рекомендует Шувалову архитектора Тромбера, выписанного Екатериной II из Рима.
91. М-лле Макерус (M-lle Makerus)—Кассель, 16 июля 1765 г.
Лл. 182—183. Неопубликовано.
Благодарит за доставленные ей Шуваловым книги.
92. Графини Барбантан-Гюнольштейн (Hünolstein)—Париж, 13 октября 1781 г.
Лл. 183—184. Неопубликовано.
О неполучении писем от Шувалова. Известия с театра войны в Америке. Семейные новости.
93. Графини Шимэ де Караман (Chimay de Caraman)—Париж, 9 января 1782 г.
Лл. 185—186. Неопубликовано.
О графине Брюс. Сожаления по поводу отсутствия Шувалова. Семейные новости.
- 94.* Графа де Карамана (Caraman)—Париж, 11 января 1782 г.
Лл. 187—189. Неопубликовано.
О предполагаемой поездке сына Карамана в Россию. Известия с театра войны.
95. Аббата Галиани (Galiani)—Неаполь, 12 февраля 1782 г.
Лл. 188—191. См. выше: L.
- 96.* Г-жи Неккер (Necker)—Париж, 16 декабря 1789 г.
Лл. 191—193. См. выше: LII.
97. Вольтера (Voltaire)—Ферне, 29 июня 1772 г.
Лл. 194—195. См. выше: XIV.
98. Его же—Ферне, 22 марта 1774 г.
Лл. 197. См. выше: XVII.

В. КОПИИ ПИСЕМ, ВОШЕДШИХ В НЕИЗДАННУЮ РУКОПИСНУЮ БИОГРАФИЮ И. И. ШУВАЛОВА,
ХРАНЯЩУЮСЯ В ГАФКЭ, МОСКВА

В рукопись биографии включены копии тридцати писем. Из них лишь семь писем дают новые тексты, а остальные двадцать три письма повторяют тексты копий из альбома „Les consultations de l'absence“ и не перечисляются поэтому здесь.

- 1* (4). Кардинала де Берни (de Bernis)—Рим, 27 марта 1779 г.
См. выше: XLII.
- 2.* Г-жи Дени (M-me Denis), племянницы Вольтера—Париж, 24 октября 1778 г.
См. выше: „Наследие Вольтера в СССР“, 167—168.
- 3.* Графа де Трессана (de Tressan)—[1778]
См. выше: XL.